

ЯНВАРЬ
1939

ANNALES RUSSES

REVUE MENSUELLE

РУССКІЯ ЗАПИСКИ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ЯНВАРЬ

XIII

1939

ПАРИЖ

СО Д Е Р Ж А Н І Е

М. Алданов. — Могила воина	3
Е. Таубер. — Стихотвореніе	65
Л. Крестовская. — Черный вѣтер	66
А. Головина. — Стихотвореніе	104
Л. Червинская. — Три стихотворенія	105
Л. Шестов. — Памяти великаго философа	107
П. Милюков. — Роковые годы. — 9. Контуры кадетской конституціи и партіи к.-д. — Подготовка к открытію партіи на сентябрьском с'ѣздѣ. — Политическая обстановка при открытіи учредительнаго октябрьскаго с'ѣзда. — Мой вступительный доклад. — Отношеніе к манифесту 17 октября. — Обыватель Литературнаго Кружка и Никитской улицы	117
Э. Когбетлянц. — Вліяют ли солнечныя пятна на ход историческихъ процессовъ?	129
Полк. Н. Иванов. — Современная воздушная угроза тылам и населенію и борьба с нею	147
Н. Бассехес. — Польша и украинская проблема	159
Э. Воленберг. — Красная армія послѣ «чистки»	177
Х р о н и к а. — От Охотскихъ береговъ до Корсики. — Мир и война на французскомъ социалистическомъ с'ѣздѣ. — Кого судили в процессѣ Плевицкой? — Важнѣйшія событія за декабрь. — Г. А.: Из міра литературы.	183
Б и б л и о г р а ф і я. — С. Осокин: В. Сирин «Приглашеніе на казнь». — М. Бенедиктов: Е. Pépin «Le Panaméricanisme». Préface d'André Siegfried. — М. Вишняк: «Кавказъ» и «Le Caucase». — Е. Юрьевскій: Е. Вагра «Капитализмъ и социализмъ за 20 лѣтъ». — П. Берлин: «Исторія всесоюзной коммунистической партіи». — И. Левин: Georges Weill, «L'Europe du XIX ^e siècle et l'idée de nationalité».	198

ANNALES RUSSES

REVUE MENSUELLE

РУССКІЯ ЗАПИСКИ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

под редакціей П. Н. МИЛЮКОВА

ЯНВАРЬ

XIII

П А Р И Ж

1939

« Русскія Записки », 51, rue de Turbigo, Paris.

СО Д Е Р Ж А Н І Е

М. Алданов. — Могила воина	3
Е. Таубер. — Стихотвореніе	65
Л. Крестовская. — Черный вѣтер	66
А. Головина. — Стихотвореніе	104
Л. Червинская. — Три стихотворенія	105
Л. Шестов. — Памяти великаго философа	107
П. Милуков. — Роковые годы. — 9. Контурь кадетской кон- ституціи и партіи к-д. — Подготовка к открытію партіи на сентябрьском с'ѣздѣ. — Политическая обста- новка при открытіи учредительнаго октябрьскаго с'ѣзда. — Мой вступительный доклад. — Отношеніе к манифесту 17 октября. — Обыватель Литературнаго Кружка и Никитской улицы	117
Э. Когбетліянц. — Вліяют ли солнечныя пятна на ход истори- ческих процессов?	129
Полк. Н. Иванов. — Современная воздушная угроза тылам и населенію и борьба с нею	147
Н. Бассехес. — Польша и украинская проблема	159
Э. Воленберг. — Красная армія послѣ «чистки»	177
Х р о н и к а. — От Охотских берегов до Корсики. — Мир и война на французском социалистическом с'ѣз- дѣ. — Кого судили в процессѣ Плевицкой? — Важ- нѣйшія событія за декабрь. — Г. А.: Из міра ли- тературы.	188
Б и б л и о г р а ф і я. — С. Осокин: В. Сирин «Приглашеніе на казнь». — М. Бенедиктов: E. Pépin «Le Panamé- ricanisme». Préface d'André Siegfried. — М. Вишняк: «Кавказ» и «Le Caucase». — Е. Юрьевскій: Е. Варга «Капитализм и социализм за 20 лѣтъ». — П. Берлин: «Исторія всесоюзной коммунистической партіи». — И. Левин: Georges Weill, «L'Europe du XIX ^e siècle et l'idée de nationalité».	198

МОГИЛА ВОИНА

(СКАЗКА¹⁾ О МУДРОСТИ)

Seek out — less often sought than found
A soldier's grave, for thee the best,
Then look around and choose thy ground,
And take thy rest²⁾.

Предсмертные стихи Байрона.

I

Пещеру приёма рѣшено было устроить на этот раз у Флоріана. Вначалѣ мастер - мѣсяц, полный, рыхлый, краснотлицый брюнет лѣтъ сорока, не хотѣлъ об этом слышать и даже, по своему обыкновенію, вспылил: — "Все имѣет границы! Можно пренебрегать уставом, но не до такой степени! Бог знает что вы предлагаете!.." — По уставу, в самом дѣлѣ, требовалось обставлять величайшей тайной собранія карбонаріев; устраивать баракку в наиболѣе людной кофейнѣ Венеціи было странно. Однако, хозяин хижины, старый, сѣдой адвокат, славившійся ораторским

1) Сказкой была мною названа и «Пуншевая Водка», появившаяся полгода тому назад в «Русских Записках». Г. В. Адамович тогда указал, что «сказочных элементов» в ней нѣтъ, что это «сказка философская» («conte philosophique»), в том смыслѣ, в каком понимал такое словосочетаніе Вольтер, — жанр вообще рѣдкій, а в русской литературѣ почти совсѣм неизвѣстный». К тому же роду принадлежит и «Могилы Воина». — Французскій критик справедливо считает особенностью этого рода, по сравненію с романом или рассказом, «отрывочность, сухость психологическаго рисунка и подчиненіе всего основной идеѣ сказки».

Автор

2) «Поищи же для себя могилу воина. Ищут ее рѣже, чѣм находят. Она подобает тебѣ всего болѣе. Осмотрись, выбери свое мѣсто — и отдохни».

искусством и мастерством діалектики, спокойно, увѣренно, разумно отстаивал свою мысль: — “Вѣдь в этом - то вся штука: придет ли полиціи в голову, что карбонаріи собираются у нея под носом, на площади св. Марка!” Мастер - солнце согласился с его доводом и привел еще свой: — “Из-за наших особых условий мы все-равно не можем соблюдать букву устава. Как вы знаете, по завѣту древних угольщиков, идущему от Филиппа Македонскаго, баракка должна устраиваться в лѣсу. Гдѣ же в Венеціи лѣса?”

Обычно и пещера пріема, и рядовыя баракки устраивались в уединенной виллѣ на Лидо. Хозяин хижины еще раз об’яснил, что туда Байрон не явится—сказал, что в город, пожалуй, пріѣдет, ѣхать же вечером на остров не согласен: далеко, неудобно, боится простудиться. — “Так что одно из двух: либо мы устроим баракку как всегда, но тогда Байрона не будет. Если же вента считает полезным, чтобы он пріѣхал, то лучше Флоріана ничего не придумаешь”. Вента приняла во вниманіе, что управляющій кофейни — старый, испытанный карбонарій третьей степени, а лакей верхняго этажа тоже давно принят и тоже человекъ вполне надежный. — “Верхнія двѣ комнаты мы и снимем: в той, что побольше, устроим баракку, в маленькой — камеру размышлений. Управляющій будет всѣм говорить, что комнаты сданы под обѣд в честь одного англичанина. Онѣ часто сдаются под банкеты”. — “Хороша будет баракка!” — проворчал мастер - мѣсяц. — “Я все беру на себя. Рано утром мы перенесем к Флоріану в корзину чашу забвенія, треугольники, подсвѣчники, одним словом, все, что нужно”. — “И пни принесем в корзину?” — “Нѣтъ, без пней придется обойтись. Мнѣ поставят кресло, а всѣ остальные будут сидѣть на стульях”... — “Так я и знал! Но, вѣдь, стулья у Флоріана одинаковые, а вы, быть может, все-таки помните, что для третьей степени требуются пни повыше!..”

Хозяин хижины благодушно улыбался: знал, что ма-

стер - мѣсяц, фанатик устава, человѣкъ горячій, вспылчивый, как порох, но золотое сердце, — сначала вспыхнет, раскричится, отведет душу, а затѣм уступит. Мастер - мѣсяц, в самом дѣлѣ, в концѣ концов, уступил: "Ну, что-ж, может быть, вы и правы. Во всяком случаѣ, пріятно будет насмѣяться над полиціей дорогого Меттерниха"...

Уступил он и по вопросу о церемоніаль пріема. Венту на этот раз принимался пріѣхавшій ненадолго в Венецію грекъ Папаригопулос. Он карбонаріем не состоялъ, но был видным дѣятелем гетеріи филикеров, имѣлъ там степень жреца, считался кандидатом в пастухи и привез полномочія от великаго мастера элевзиній. Принимать тако-го человѣка, как обыкновеннаго новичка, по обряду первой степени, было признано невозможным. Хозяин хижины предложил смѣшанный обряд первой и третьей степеней. Устав давал на это право. Мастер - мѣсяц на смѣшанный обряд согласился, добившись значительных уступок в отношеніи подробностей. "А то сегодня отказываемся от пней, завтра вы еще прикажете отказаться от сосуда с угольями!.." Вести засѣданіе рѣшено было, как всегда, по-итальянски: не переводить же весь ритуал. Но так как грекъ по-итальянски почти не понимал, то хозяину хижины разрѣшено было переводить вопросы на французскій язык.

В шесть часов вечера посторонним людям доступ в верхній этаж кофейни был прекращен. Мастер - мѣсяц затворил наглухо двери и, бранясь, сердито разставил на столиках чашу забвенія, сосуды с тлѣющими угольями, листьями, землей, водой и солью (воду и соль взяли внизу, в кофейнѣ — не приносить же свою воду к Флоріану). У короткой стѣны комнаты поставили стол и три кресла, а вдоль болѣе длинных стѣн — стулья для карбонаріев: для старших справа, для младших слѣва. Над креслом хозяина хижины повѣсили крученную нить, трехцвѣтную ленту, дерево с обращенными к небу вѣтвями. Управляющій кофейней безпокойно слѣдил за работой и жалобно просил вбивать как можно меньше гвоздей: "Еслиб это был мой

дом, было бы, разумѣется, совершенно другое дѣло”, — говорил он смущенно.

Тѣм временем в сосѣдней комнатѣ, превращенной в камеру размышлений, мастер — солнце пробовал мѣшок, который надлежало надѣть на голову греку. Мѣшок был неудобный, дышать было нелегко, несмотря на прорѣзанные отверстія. Папаригопулос имѣл немалый опыт по таким дѣлам: гетерія филикеров славилась строгостью обрядов. Тѣм не менѣе он волновался. По уставу, вновь принимаемый не имѣл права знать ничего до присяги, но в частном порядкѣ Папаригопулосу было сообщено, что в бараккѣ будет Байрон. Грек знал, что это очень знаменитый человѣкъ, да еще лорд, и боялся осрамиться. Свое вступительное слово он выучил наизусть, однако тревожился: вдруг найдет затменіе — все забудет! Или одно и то же мѣсто, по игрѣ памяти, повторит во второй раз? Еще больше он опасался вопросов: отвѣтъ на неизвѣстные вопросы приготовить заранѣе невозможно.

В семь часов хозяин хижины вошел в баракку, осмотрѣл ее, остался доволен и похвалил: все отлично. Мастер-мѣсяц вспылил: как “все отлично”? Пни одинаковой высоты, крученную нить повѣсили вон куда, ритуал Бог знает какой, ни то, ни се, а тут говорят: “все отлично”!..

Стали появляться, с соблюденіем всѣх мѣр предосторожности, другіе карбонаріи. Одни поднимались по лѣстницѣ на цыпочках, стараясь проскользнуть незамѣтно; другіе, болѣе тонкіе, напротив, нисколько не скрывались и шли с видом самым естественным: иду на обѣд в честь англичанина и знать ничего не знаю. Мастер — мѣсяц требовал у всѣх пароль и кипятился, когда не сразу вспоминали. “Так нельзя! Такое отношеніе просто невозможно!” — сердито говорил он.

В ожиданіи начала баракки карбонаріи поболтали о новостях и немного посплетничали. Хозяин хижины, прекрасный рассказчик, смѣясь, сообщал подробности своей поѣздки к Байрону в окрестности города. Всѣм было из-

вѣстно, что с Байроном в виллѣ Ла-Мира живет графиня Тереза Гвиччіоли. Карбонаріи знали также, что графиня недавно зачислена в с а д: равеннская вента основала организацію, в которую принимались женщины. Как с а д о в н и ц а, графиня Гвиччіоли собственно имѣла право явиться в баракку вмѣстѣ с Байроном. Но хозяину хижины очень не хотѣлось ее звать: венеціанскіе карбонаріи сада не имѣли и женщин пока не принимали. Кромѣ того он опасался скандала: одна из главных прежних любовниц Байрона грозила при встрѣчѣ выцарапать графинѣ Гвиччіоли глаза: еще не хватало бы, чтобы онѣ в этот вечер встрѣтились на площади св. Марка! К счастью, Байрон ни одним словом не упомянул о садовницѣ, так что приглашать ее не потребовалось.

— Что он в ней нашел? И красиваго ничего нѣтъ. Ей двадцать лѣтъ, — ну, если и врет, то двадцать пять, не больше, — а уже толста.

— Ах, нѣтъ! — вдруг сладко улыбнувшись, сказал мастер - мѣсяц, — прелесть какая женщина! Но как относится к этому почтеннѣйшій граф Гвиччіоли?

— Очень философски: требует с Байрона пять тысяч фунтов.

— Что за подлец! Да, вѣдь, он сам богат!

— Значит, хочет стать еще богаче.

Из камеры размышленій вышел мастер - солнце, уже все объяснившій Папаригопулосу. Греком интересовались мало: говорили только о Байронѣ. Хозяин хижины еще рассказал, что сумасшедшій поэт привез из Равенны семь слуг, пять карет, девять лошадей, обезьяну, собак, и еще каких-то пѣтухов. Встает он в два часа дня, — “когда я пріѣхал, он принимал ванну!” — питается только овощами, чтобы не пополнѣть, но за обѣдом — “сам рассказывал!” — выпивает двѣ бутылки вина.

— Какого? — с сочувственным любопытством спросил мастер - мѣсяц, знавшій толк в винѣ и в ѣдѣ.

— Я не спросил. А когда пишет свои стихи, хлещет

джин с водой. Ему присылают из Лондона, — сказал, смѣясь, хозяин хижины.

II

У виллы Ла-Мира мальчишки, поджидавшіе выхода хозяев, радостно закричали: “Хромой! Хромой!..” Байрон на лѣстницѣ с бѣшенством поднялъ хлыст. Лицо его искажилось. Мальчишки разбѣжались, продолжая орать. В каретѣ графиня Гвиччіоли подавленно молчала: знала, что это у него больное мѣсто, но изумлялась, как великій человѣкъ может обращать вниманіе на подобные пустяки: хромота его, которую он научился отлично скрывать особой бѣгущей походкой, почти незамѣтна; он и со своим недостатком все-же прекрасен, как греческій бог, — в послѣдніе мѣсяцы быстро сѣдѣет, но от этого, пожалуй, стал еще прекраснѣе. Ей было извѣстно, что Байрона многіе считают сумасшедшим, и она сама порою этому вѣрила; вѣрила и теперь, искоса на него глядя.

Они молчали до самой Фузины. Тянулась скучная Брента, болота с рыжими растеніями, чахлыя умирающія деревья. Когда сѣли в гондолу, Байрон как-будто успокоился и взял за руку графиню, чтобы оправдать свое долгое молчаніе. Она обратила его вниманіе на красоту заката, на розовѣвшія гдѣ-то вдали вершины снѣговых гор. Считала себя обязанной говорить с поэтом о поэтических предметах и что-то процитировала на память из “Корсара”. Ея англійское произношеніе всегда вызывало у него улыбку. Байрон разсѣяннo улыбнулся и теперь. Она повторила то же по-итальянски. Он подумал, что это и в подлинникѣ плохіе стихи, а в итальянском переводѣ просто напыщенный вздор, которым не может искренне восхищаться ни один разумный человѣкъ, и что девять десятых его читателей, не знающіе англійскаго языка, сознательно или бессознательно обманывают себя и других.

Высвободив понемногу руку, он изрѣдка — когда это казалось ему необходимым — обмѣнивался замѣча-

ніями с Терезой. Замѣтил, что она — для него и для Венеціи — надѣла стильное платье темно - зеленого бархата, обрадовался, что замѣтил (иначе вечером были бы попреки и, быть может, слезы), и преувеличенно похвалил, — она вспыхнула от удовольствія. Подумал, что любит ее, но не очень: приблизительно так же, как любил в послѣдніе годы других своих любовниц. Сам себя провѣрил: “Если бы она сейчас в гондолѣ умерла от разрыва сердца?” — “Было бы крайне непріятно”. В этих мыслях тоже было что-то дешевое, — то самое, что он в послѣднее время видѣл в своих стихах, — не говоря уже о стихах чужих, — и во всем вообще, и, в частности, в б а й р о н и з м ѣ. Распространившееся по Европѣ слово это и льстило ему, и было смѣшно, особенно по несоотвѣтствію с его н а с т о я щ е й душевной жизнью. Однако, он подумал, что, вѣчно создавая невозможные, неправдоподобные человѣческіе образы, сам стал всерьез немного на них походить. И тут же рѣшил при первом случаѣ сказать печатно, что всѣ эти Корсары и Манфреды, имѣвшіе столь сказочный успѣх и создавшіе ему славу величайшаго писателя эпохи, в дѣйствительности необычайно способствовали паденію в мірѣ литературнаго вкуса.

Гондола подходила к Сакка-сан-Біаджо. Показалась залитая красным свѣтом Венеція, и в сотый раз он испытал впечатлѣніе чуда при видѣ этого з а т о п л е н н а г о города, медленно разрушающагося города дворцов и церквей, города с людьми, не научившимися ходить как слѣдует из-за гондол и каналов, города, в котором лодочники с лицами древних патриціев, не думая ни о какой литературѣ, поют строфы Торквато Тассо. “Ничего прекраснѣе нѣтъ на свѣтѣ”, — сказал он графинѣ, — “хоть все это нажито воровством: они присвоили себѣ в искусствѣ чужое — готическій, византійскій, арабскій стили — перемѣшали на своем солнцѣ и создали изумительнѣйшій город в мірѣ”. — «A Venezia si sogna, a Roma si pensa, a

Firenze si lavora, a Napoli si vive»*), — замѣтила она. Глупость поговорки его поразила. — “Жаль, что из звѣрей в Венеціи существуют только люди и крысы”, — сказал он и устыдился: это было замѣчаніе в духѣ плохого, давняго Байрона, — одно из тѣх изреченій, которыя часто цитировались его поклонниками и врагами, а у него самого вызывали теперь отвращеніе. — “Вы не находите, что я становлюсь глуп и пошл?” — спросил он Терезу; желал придать вопросу покаянный тон, но вышло опять нехорошо, очень нехорошо. Он взглянул на графиню и увидѣл, что ей его изреченіе понравилось, что она вечером непременно это изреченіе запишет. — “Я не нахожу, Байрон!” сказала Тереза восторженно. Его раздражало то, что она, ради поэзіи и оригинальности, называла его по фамиліи, но он почувствовал ея желаніе перейти в гондольный тон, и, взяв ее за руку, заговорил самым байроновским своим, бархатным, голосом, так чаровавшим женщин: «*Tu sei, e sarai sempre mio primo pensiero.... Non posso cessare ad amarti che colla vita....*»

Он велѣл гондольеру остановиться у *Riva degli Schiavoni*, легко выскочил из гондолы, оставил в фельцѣ хлыст и простился с графиней, условившись встрѣтиться с ней в одиннадцатом часу, в снятом им *Palazzo Mocenigo*. — “Но не ужинайте, ради Бога, Байрон, мы поужинаем одни!” — сказала она. Он кивнул головой и побѣжал вдоль дворца к площади. Графиня видѣла, что на *Piazzetta* какіе-то люди побѣжали вслѣд за ним. “Тотчас узнали! Может быть, и ждали здѣсь, чтобы на него посмотреть!” — с гордостью подумала она. На берегу тоже собралось нѣсколько человѣкъ. Они с любопытством глядѣли на отходившую гондолу. Одна дама с раздраженіем что-то говорила другой. Тереза Гвиччіоли поняла, что говорят об ея наружности, о наружности л ю б о в н и ц ы

*) «В Венеціи мечтают, в Римѣ думают, во Флоренціи работают, в Неаполѣ живут».

л о р д а Б а й р о н а*). Эта мысль наполняла ее счастьем. Графиня приняла в гондолѣ вид Байроновской героини. Она не очень читала его книги, — только просматривала и кое-что заучивала наизусть, чтобы цитировать, — но все отлично угадывала и смотрѣла ему теперь вслѣд с в л ю б л е н н о й и с ч а с т л и в о й п о к о р н о с т ь ю.

Пробѣгая, он подумал, что эта бальная площадь с ея вѣчным маскарадом тоже до несерьезности прекрасна, что нужно бы поскорѣе положить ее в футляр, и прежде всего, эту ювелирную игрушку, называющуюся у них собором. Со злостью и наслажденіем чувствовал, что его узнали, что о немъ шепчутся, что на него показывают взглядами. Столики Флоріана на площади были почти всѣ заняты. “Здѣсь сегодня собираются карбонаріи”, — равнодушно сказал кто-то. Двѣ некрасивыя дамы, вскочив и раскрыв рты, без малѣйшаго стѣсненія на него уставились. Он злобно пробѣжал по проходу между стульями. “Байрон! Лорд Байрон!” — доносились до него радостно-взволнованные голоса.

III

Хозяин хижины подошел к Байрону, крѣпко пожал ему руку и поблагодарил его за честь, оказанную им вентѣ. Затѣм, познаколив гостя с наиболѣе видными членами баракки, полуспросил: “Что-ж? Пожалуй, начнем”, и, взяв ж е з л, постучал им по полу, впрочем, не очень громко, чтобы не обращать вниманія посѣтителей в нижнем этажѣ кофейни. Карбонаріи стали занимать мѣста вдоль правой и лѣвой стѣн комнаты. Всѣ вынули из карманов веревки и надѣли их на подобіе пояса. Старшіе положили рядом с собой кинжалы. Справа от двери камеры размыш-

*) Через много лѣтъ маркиз де Буасси, второй муж Терезы Гвичіоли, так знакомил с ней людей: «Моя жена... Когда - то любовница лорда Байрона»...

Автор.

лений сѣл мастер - солнце, а слѣва — мастер - мѣсяц. Для гостя был приготовлен пень рядом с предсѣдателем. Кто-то с улыбкой подал гостю запасную веревку. Он, морщась, поблагодарил.

Многіе из карбонаріев теперь видѣли Байрона впервые; вблизи его не видѣл почти никто. Поглядывали на него с любопытством, а люди помоложе — с восторженной завистью. Это был невысокій, скорѣе полный человек, с лицом блѣдным и почти изможденным. Относительно его наружности потом были споры, но всѣ признавали, что лицо у него очень красивое и выразительное. Одни говорили, что “лицо Байрона так и дышет презрѣніем к человѣчеству”; другіе, напротив, прочли в его глазах “неземную доброту”, особенно в тѣ минуты, когда он слушал доклад грека. Вѣрно было, что выраженіе его лица мѣнялось почти непрерывно и чрезвычайно сильно; быть может, это отчасти способствовало установившейся за ним в Венеціи репутаціи полоумнаго человека. Почти всѣ слышали, что он сумасшедшій, и ждали от него всевозможных странностей. Однако, ничего страннаго он не дѣлал и вел себя именно так, как должен был себя вести важный гость на собраніи баракки. Щеголи из молодых карбонаріев обратили вниманіе на то, что этот лорд, еще недавно бывшій королем лондонскаго общества, одѣт нехорошо и не по модѣ. Старый костюм сидѣл на нем мѣшком, точно куплен был в магазинѣ готоваго платья, да еще неудачно. Не было в общем обликѣ Байрона и величія, полагавшагося знаменитому поэту, борцу за свободу и лорду (часть его престижа основывалась на титулѣ, без котораго он и как поэт нравился бы, вѣроятно, меньше). Молодые люди у лѣвой стѣны разочарованно перешептывались. Мастер - мѣсяц замѣтил, что один глаз у Байрона значительно больше другого. “Какое, однако, необыкновенное лицо”, — шепнул он, наклонившись к сосѣду.

Предсѣдатель взял со стола т о п о р и к и поступал по столу.

— Добрые родственники*), — сказал он значительным, проникновенным, глухим голосом, показывавшим, что началось серьезное дѣло. — Какова цѣль угольщиков?

— Она в том, чтобы очистить лѣс от волков, — отвѣтил, немного запинаясь, мастер - солнце.

— Такова-ли, в самом дѣлѣ, цѣль нашей венты?

— Да, она такова: орден угольщиков хочет очистить лѣс от волков, — громко и отчетливо произнес мастер-мѣсяц, точно хотѣл попрекнуть мастера - солнце за вялость.

— Ежели так, то приступим к нашему великому дѣлу, — сказал предсѣдатель. Он встал и объявил, что на долю хижины выпали большая честь и большая радость: засѣданіе посѣтил великій англійскій писатель и государственный дѣятель, член палаты пэров, лорд Байрон. Карбонарии затопали ногами, принося конспирацію в жертву обряду.

— Добрые родственники, — сказал хозяин хижины, — наш знаменитый гость не входит в нашу венту. Но мы никак не должны считать его язычником. Он входит в близкое и родственное нам общество Романтика. Другое общество, Американцы, ставящее себѣ тѣ же цѣли, что и мы, избрало его своим главой. Наш знаменитый гость имѣет, слѣдовательно, право присутствовать в хижинѣ, и всѣ мы рады привѣтствовать в его лицѣ одного из благороднѣйших людей міра, великаго борца за свободу народов и, в частности, за нашу страждущую страну, имѣющую столь великое прошлое. Освобожденная единая Италія, созданіе которой составляет нашу цѣль, вѣчно сохранит в своей благодарной памяти людей, боровшихся за ея освобожденіе и за освобожденіе человѣчества. Ибо мы знаем, как прочна любовь к свободѣ в душѣ нашего народа! — Всѣ снова шумно затопали. — Добрые родствен-

*) В подлинникѣ карбонарскаго обряда: «*buoni cugini*». — Автор.

ники, — сказал хозяин хижины, немного понизив голос в знак того, что сейчас будет говорить слова тягостныя. — В каждой странѣ есть люди разные. Великим британским народом теперь правит виконт Кэстльри, враг свободы, защитник угнетателей во всем мірѣ. Мы об этом скорбим. Но мы твердо помним, что великій британскій народ не несет отвѣтственности за своих правителей. Наряду с лордом Кэстльри, — он немного помолчал, — у Англіи есть и лорд Байрон!

Карбонаріи затопали. Хозяин хижины сѣл и вопросительно взглянул на гостя. Наступила тишина, будто всѣ ожидали, что теперь-то странности и начнутся. Байрон совершенно не предвидѣл, что ему придется сказать слово. Никакой рѣчи он не приготовил и смутился, хоть умѣл и любил говорить. Лицо его измѣнилось и поблѣднѣло. Он встал (веревка, оказавшаяся не повязанной, свалилась на пол) и заговорил, к общему удовлетворенію, по-итальянски, при том довольно свободно. Поблагодарил за оказанную ему честь, за добрыя слова, столь им незаслуженныя, и выразил радость по тому случаю, что оказался в Венеціи, с которой у него связано столько пріятных воспоминаній.

—В вашей прекрасной странѣ, — сказал он, — в вашей прекрасной странѣ... Ибо для меня нѣтъ австрійской Венеціи, папскаго Рима и бурбонскаго Неаполя, а есть одна великая, прекрасная, единая Италія! — Снова всѣ восторженно затопали. — В вашей прекрасной странѣ существует превосходная поговорка: *A Venezia si sogna, a Roma si pensa, a Firenze si lavora, a Napoli...* Он запнулся, забыв, что дѣлают в Неаполѣ. Нѣсколько голосов радостно ему подсказали: «*Si vive!.. Si vive*»! Байрон улыбнулся, повторил: «*Si vive*», — и заявил, что всѣ, итальянцы и не-итальянцы, должны одновременно и мыслить, и мечтать, и трудиться, и жить во имя будущей великой, свободной Италіи!

Когда долгое топанье кончилось, Байрон попросил

разрѣшенія перейти на англійскій языкъ. “Просим, просим”, — закричало нѣсколько голосовъ. Хозяин хижинъ ласково-бережно протянулъ руку къ оратору, предлагая ему на мгновенье остановиться, и сказалъ, что, такъ какъ всѣмъ дорога каждое слово знаменитаго гостя, а прекраснымъ англійскимъ языкомъ владѣютъ лишь немногіе, то не согласится-ли мастеръ - мѣсяцъ, хорошо знающій иностранные языки, потомъ перевести рѣчь? — “Хозяинъ, я повинуюсь”, — отчетливо, солдатскимъ тономъ, сказалъ мастеръ - мѣсяцъ и вынулъ изъ кармана карандашъ.

. . . Онъ не хотѣлъ говорить серьезно. Былъ зол, что сюда пришелъ, и думалъ, что пора бы перестать дѣлать видъ, будто его беспокоитъ судьба венеціанцевъ, грековъ, венецуэльцевъ, еще какихъ-то экзотическихъ людей, непременно желающихъ сдѣлать изъ своей родины второсортную Анлію, — ему была достаточно противна и первосортная (хоть въ душѣ онъ интересовался почти исключительно Англіей и только Лондонъ, при всей своей ненависти къ нему, считалъ н а с т о я щ и мъ городомъ, — да еще Парижъ, въ которомъ никогда не былъ). Вдругъ настроеніе у него совершенно измѣнилось, — онъ самъ никогда не зналъ причинъ перемѣны своего настроенія, — на этотъ разъ оно, быть можетъ, измѣнилось отъ вызваннаго его словами у экзотическихъ людей искренняго и бурнаго восторга. Сидѣвшій въ немъ второй Байронъ, контролировавшій изнутри мысли и слова перваго Байрона, обычно контролировавшій ихъ критически, а то и с издѣвательствомъ, теперь ему подсказалъ, что экзотическіе люди смѣшны и провинціальны, но что они все же менѣе смѣшны и менѣе глупы, чѣмъ разные лорды Кэстльри, отравляющіе жизнь и имъ, и ему. Онъ вдругъ съ радостью почувствовалъ приливъ злобы: это чувство считалъ своей главной силой и въ литературѣ, и въ жизни. Внезапная злоба придавала мощь его рѣчи, и говорилъ онъ, по общему отзыву, превосходно, — “какъ Байронъ”. “Просто металъ грома!” — восторженно повторяли потомъ

молодые карбонаріи. Это ясно было даже людям, совершенно не понимавшим по-англійски. Громил он людей, правивших Европой, людей, пришедших на смѣну Наполеону и бывших в сто раз хуже его, ибо у них не было его ума и геніальности, — с ними восторжествовали глупость и бездарность. Когда он назвал имя Меттерниха, кое-кто невольно оглянулся на дверь. Она была затворена плотно. Байрон сказал, что Меттерниха слѣдовало бы назвать самым презрѣнным человѣком на свѣтѣ, еслиб не существовало лорда Кэстльри. Хоть эта фраза и произнесена была так, что явно требовала знаков одобренія, топнул ногой только юный, недавно принятый в венту карбонарій у края лѣвой стѣны и сам смутился, увидѣвъ, что его не поддержал никто: старшіе из понявших фразу, очевидно, признали, что в такой формѣ может говорить о британском министрѣ лишь англичанин, а с их стороны тактичнѣе помолчать. Оратор и в самом дѣлѣ не поскупился на выраженія.

— Я не могу признать свободной страну, в которой владychествуют идіоты и негодяи, подобные Кэстльри, — сказал он, показывая интонаціей, что кончает. — В настоящее время всѣ народы нуждаются в освобожденіи. Свободное и культурное государство существует в мірѣ теперь только одно: это Венецуэла великаго Боливара!

Послышалось новое долгое топанье: имя разобрали всѣ и в англійском произношеніи оратора. Мастер - мѣсяц гладко и подробно перевел на итальянскій языкъ рѣчь, имѣвшую огромный успѣх. Хозяин хижины горячо пожал руку гостю и перешел к порядку дня. Сказал, что сейчас в венту должен быть принят язычник... (он заглянул в бумажку) Паларигопулос, по національности грек, по профессіи негоціант, постоянно проживающій в Россіи, в городѣ Одессѣ. Он — видный член греческой гетеріи филикеров, основанной именно в этом городѣ.

— Добрые родственники, — сказал хозяин, — как мы стремимся к освобожденію Италіи, так гетерія филикеров

ставит себѣ цѣлью освобожденіе Греціи. Вы знаете, что три угольщика, в том числѣ мастер - мѣсяц и я, рекомендовали принять язычника... Папаригопулоса в нашу венту. При предварительной баллотировкѣ он ни одного чернаго шара не получил. Если нѣтъ возраженій, он сейчас будет принят и, по принесеніи присяги, прочтет нам доклад о борьбѣ греческаго народа за независимость. Цѣли греческих революціонеров тѣ же, что наши: они хотят очистить лѣс от волков! — Мастер - мѣсяц затопал, другіе послѣдовали его примѣру. — Добрые родственники, есть ли возраженія против того, чтобы язычник... Папаригопулос был принят в венту? Возраженій нѣтъ. Мастер - мѣсяц, введи язычника в хижину

IV

Наступила тишина. Через минуту послышался стук. Мастер - солнце отворил дверь камеры размышленій, и на порогѣ пещеры приѣма показались мастер - мѣсяц и язычник. Грек в мѣшкѣ осторожно ступал, все с правой ноги, пробуя под собой твердую почву. Мастер - мѣсяц вел его, как вожатый медвѣдя, и, невольно ему подражая, ступал столь же неловко, точно и он перед собой ничего не видѣл. Поставив язычника там, гдѣ ему полагалось стоять, он поспѣшно отступил на шаг, как человѣкъ, сдѣлавшій свое нелегкое дѣло. Хозяин хижины постучал три раза т о п о р о м по столу и сказал замогильным голосом:

— Добрые родственники, мнѣ нужна помощь.

— Хозяину нужна помощь, — повторил довольно нестройно хор старших карбонаріев у правой стѣны.

— Я слышу призыв добраго родственника. Не принесли он дерева, чтобы подбросить в наш костер?

— Хозяин, я принес дерево, — отчетливо, громче хозяина хижины, сказал мастер - мѣсяц.

— Добрый родственник, откуда ты явился?

— Из лѣса.

- Куда ты идешь?
- В дом чести, гдѣ я усмирю свои страсти, подчиню свою волю и получу наставленіе в ученіи угольщиков.
- Что принес ты с собой из лѣсу?
- Дерево, хлѣб и землю.
- Нѣтъ-ли у тебя чего-либо еще?
- Есть: вѣра, надежда и любовь.
- Кого привел ты с собою?
- Человѣка, который заблудился в лѣсу.
- Чего он хочет?
- Вступить в хижину.
- Так веди же его к нашему очагу.

При помощи мастера - мѣсяца, грек в мѣшкѣ сдѣлал еще два осторожно - неловких шага и остановился. Предсѣдатель гробовым голосом объяснил по-французски язычнику, что цѣль общества карбонаріев вообще, и венеціанской венты в частности, заключается в борьбѣ с угнетателями. Согласен-ли язычник посвятить всю свою жизнь дѣлу свободы и братства? — “Я согласен”, — под-сказал бодрым шопотом мастер - мѣсяц. — “Я согласен”, — отвѣтил Папаригопулос дрогнувшим голосом.

— В таком случаѣ опустись на колѣни и испей из чаши забвенія.

Грек опустился на колѣни, неловко и тщетно стараясь за что-нибудь уцѣпиться, — ткнулся рукою в пол. Мастер - солнце подал чашу. Папариголупос осторожно, подѣтски выпучив губы, прикоснулся к ней ртом. Мастер - мѣсяц наклонил чашу и прошептал ласково, точно убѣждая ребенка проглотить невкусное лѣкарство: “Отпейте”... Папаригопулос отпил из чаши, стараясь не захлебнуться. Немного воды пролилось, кто-то слабо засмѣялся и замолк под грозным взглядом мастера - мѣсяца.

— Теперь повтори за мной слова присяги, — сказал хозяин хижины и стал читать, хоть знал наизусть присягу и по-французски, и по-итальянски: “Я, Афанасій Папаригопулос, обещаюсь и клянусь именем Креста, символа-

ми ордена и кинжалом, карающим клятвопреступников... честно хранить тайну союза угольщиков... и без письменнаго разрѣшенія не изображать ея ни на полотнѣ, ни на мѣди... Клянусь в трудных дѣлах жизни... по мѣрѣ сил... оказывать помощь всѣм добрым родственникам... и беречь честь их семейств... Если же я нарушу клятву... (голос предсѣдателя повысился и стал еще болѣе гробовым)... то я согласен на то... чтоб мое сердце и внутренности были выдраны... чтобы тѣло мое было разорвано на части, сожжено... и развѣяно вѣтром... дабы имя мое распространилось по всей землѣ... и внушало отвращеніе всѣм добрым родственникам... Да поможет мнѣ Господь Бог!..”

Когда присяга была принесена, мастер - солнце и мастер - мѣсяц помогли греку встать с колѣн и сняли с него мѣшок. Мигая и сконфуженно улыбаясь, он стоял, не зная, что дѣлать, несмотря на давнюю привычку к ритуалу. Хозяин хижины поздравил его с вступленіем в общество и раз'яснил значеніе главных карбонарских символов. Крученая нить означает висѣлицу для тиранов. Топор нужен, чтобы рубить им головы. Соль должна помѣшать гніенію их тѣл, дабы они стали памятником вѣчнаго позора. Лопата развѣет их прах по вѣтру. Вода очистит свершителей казни от пролитой ими гнусной крови.

Затѣм хозяин хижины обнялъ новаго добраго родственника и велѣлъ поставить для него пень у стола. Грекъ сѣлъ, волнуясь и оглядываясь на человѣка, сидѣвшаго рядом с хозяином: догадывался, что это и есть писатель-лорд. Заученное наизусть благодарственное слово он произнес хорошо; к большому своему облегченію, ни разу не сбился, хоть слово было довольно длинное. Карбонаріи топали в наиболѣе важных мѣстах, правда, гораздо менѣе дружно, чѣм в честь Байрона. Затѣм грекъ вынул тетрадь и перешел к дѣловому докладу:

— Пять лѣтъ тому назад, добрые родственники, — неувѣренно начал он (члены гетеріи филикеров называли друг друга иначе), — три доблестных гражданина грече-

ской національности, Скуфас, Ксантос и Такалов, честно и с пользой для общества занимающіеся торговлей в русском городѣ Одессѣ, сойдясь однажды в домѣ на улицѣ, носящей, к сожалѣнію, злодѣйское имя извѣстнаго вам, конечно, де Рибаса, основали общество, названное ими гетеріей филикеров и теперь наполняющее славой весь мір...

Он читал не очень внятно, тѣм не менѣе люди, владѣющіе французским языком, вполне могли понять его доклад. Изложил исторію гетеріи филикеров, указал, что теперь в нее входят или дѣйствуют с ней заодно знаменитые люди, в том числѣ Ботцарис, Маврокордато, Ипсиланти, сам граф Каподистріа, и намекнул, что сочувствуют ея цѣлям люди еще гораздо болѣе высокопоставленные, — интонація его ясно показывала, что тут он на кого-то намекает (подразумѣвался император Александр). Затѣм он познакомил слушателей с исторіей греческаго народа, с его несчастной судьбой и перешел к положенію греков в Турціи.

Доклад, несмотря на возвышенный слог, был составлен вполне толково и давал ясную картину гоненій, которым подвергали греческій народ — не столько султаны и Порты, сколько свирѣпые мѣстные правители, часто и не-турки по національности. Факты, сообщавшіеся греком, были один ужаснѣе и невѣроятнѣе другого. Тѣм не менѣе впечатлѣніе от затянувшагося доклада постепенно слабѣло: слишком много было повѣшенных, сожженных, посаженных на кол людей, зарѣзанных дѣтей, изнасилованных женщин. Байрон, слушая, вспоминалъ, что одного из главных звѣрей, Али-Пашу, он когда-то посѣтил в Янинѣ, что этот благодушный с виду старичек был с ним и с Гобгаузом очаровательно любезен, говорил комплименты, угощал их дивным кофе и вареньем. Однако, Байрон знал, что все или почти все в рассказѣ грека — совершенная правда: англійскій резидент в Янинѣ им рассказывал о благодушном старичкѣ точно такія же вещи. Потом и

Байрону стало скучно: посаженные на кол люди в таком количествѣ больше не дѣйствовали и на него. Второй же Байрон, слушая, еще подумал, что, хотя греки борются за святое дѣло, но нельзя всерьез называться Папаригопулос или Маврокордато.

Когда Папаригопулос кончил и нервно закрыл тетрадку, слушатели затопали и приняли подобавшее докладу выраженіе. Сочувствіе было вполнѣ искреннее, но всѣм хотѣлось поскорѣе пойти в кофейню, выпить и поболтать: времени оставалось уже немного. Понимая общее настроеніе, предсѣдатель предложил сегодня не задавать вопросов (грек облегченно вздохнул) и сократил свое заключительное слово: горячо поблагодарив докладчика, выразил ему и всѣм его соплеменникам глубокое сочувствіе венты.

— Мы в Венеціи, — сказал он, — думали, что на себѣ в достаточной мѣрѣ испытываем ужасы деспотизма. Теперь мы видим, что другіе народы еще гораздо несчастнѣе, чѣм мы. Будем же твердо помнить, что цѣль у нас одна и та же: надо очистить лѣс от волков! (Мастер - мѣсяц энергично затопал, за ним всѣ другіе, в том числѣ и докладчик, теперь чувствовавшій себя гораздо болѣе свободным). Когда из солнечной итальянской земли вы вернетесь в об'ятую русскими льдами, благородную Одессу, скажите вашим угнетенным братьям, всѣм без исключенія, от великаго мастера элевзиній до юношей, которые, конечно, увидят лучшее будущее! — скажите им, что у честных людей под всѣми широтами быются честныя сердца и что никто не может понять лучше потомков Перикла, чѣм потомки Брута!..

Он особенно мастерски заканчивал свои рѣчи. Всѣ одобрительно переглядывались. Затѣм хозяин хижины по обряду закрыл баракку: выразил надежду на побѣду угольщиков во всем мірѣ и на скорое созданіе великой республики Авзоніи. Карбонаріи стали снимать с себя веревки, прятать кинжалы, складывать в корзину чаши и со-

суды. Многие горячо пожимали руку греку и говорили подходящія слова, болѣе или менѣе краткія в зависимости от знанія французскаго языка. Мастер - мѣсяц пригласил Папаригопулоса пожаловать к нему запросто на обѣд, — “хоть завтра, если вы свободны”.

Хозяин хижины упрашивал Байрона провести с ним остаток вечера, — всѣ будут так рады! Гость любезно, но твердо отказался: он и без того опоздал. “Мы будем всегда счастливы видѣть вас в нашей средѣ”, — горячо сказал хозяин, не знавшій, как называть гостя теперь, когда баракка кончилась и отпали ритуальные титулы. Подходили к Байрону и другіе карбонаріи. Старших представлял ему хозяин; тѣ, что помоложе и посмѣлѣе, представлялись сами, восторженно отзывались об его рѣчи и об его произведеніях. Хозяин хижины, мастер - солнце и мастер - мѣсяц проводили его до лѣстницы: дальше не пошли по соображеніям конспиративным. Он сбѣжал вниз. “Сумасшедшій Байрон! Лорд Байрон!” — снова понесся шопот со столиков.

V

Мастер - мѣсяц внимательно слушал доклад Папаригопулоса, вздыхая и сочувственно кивая головой. Когда заговорил хозяин хижины, мастер - мѣсяц перестал слушать и разсѣяннo думал о своем. Его давно занимал вопрос, кто именно состоит на службѣ у мѣстной полиціи: хозяин хижины или мастер - солнце? Все как-будто говорило, что скорѣе мастер - солнце: хозяин хижины был человек не только с именем, — имя тут ничего не доказывало, — но и с большим достатком; он в побочных заработках не нуждался. “Да, конечно, скорѣе тот, или же кто-нибудь из менѣе видных, Торелло, напрімѣр, или Бравози?” — соображал мастер - мѣсяц, все вздыхая. Сам он служил в британской полицейской развѣдкѣ.

С предсѣдательскаго стола ему прислали подписан-

ный греком текст присяги, в которой Папаригопулос выражал согласие на то, чтобы, в случае измены, его сердце и внутренности были выдраны, а тело разорвано на части. Мастер - мѣсяц бережно ее спрятал (текст должен был храниться у него). И вдруг ему пришла мысль, что сегодняшнее заседание можно использовать для устройства поездки в Лондон. Сам он не придавал особенного значения ни карбонариям, ни филикерам, ни тайным обществам вообще: больше болтовня. Однако, представить дело можно было отлично: греческие революционеры установили связь с венецианскими, а те связаны с римскими и неаполитанскими, готовится возмущение в Турции, за ним последуют другие, — чего же еще? Мастер - мѣсяц радостно подумал, что и полоумный лорд тут появился очень кстати: из него можно сдѣлать главного вождя возмущения. Вот и Американцы избрали его своим саро. Волнение в Лондонѣ будет необыкновенное. Не выѣхать-ли туда по своей инициативѣ? — откладывать такое дело нельзя.

По правилам британской тайной полиции, мастер-мѣсяц был обязан предварительно испросить для командировки разрѣшение начальства. Но инструкция допускала исключенія в особенно важных случаях: агенты должны проявлять инициативу, когда этого требуют обстоятельства. Мастер - мѣсяц все больше склонялся к мысли, что теперь обстоятельства настоятельно требуют срочной поездки: с возмущением в Турции не шутят. Ему давно хотѣлось сѣздить за границу на казенный счет. Он подумал, что на обратном пути можно будет, конечно, остановиться на недѣльку в Парижѣ.

Мастер - мѣсяц стал соображать, сколько может очиститься денег. От суточных должна остаться круглая сумма, но главное не в суточных, а в наградѣ. В отличие от других полицій (он в разное время служил в разных полицейских учреждениях), британская политическая разведка не скупилась при оплатѣ важных заслуг. Всѣм служившим в ней людям извѣстны были легендарные разска-

зы, возбуждавшіе рвеніе и зависть: Колин Макензи, вывѣдавшій секретныя статьи тильзитскаго договора, получил в награду двадцать тысяч фунтов. — “Правда, было за что, если не врут!” — восторженно подумал мастер-мѣсяц, — “переодѣлся казаком, пробрался на плот вслѣд за императором Александром и все подслушал!..”

За сообщеніе грека и за свѣдѣнія о полоумном лордѣ двадцати тысяч фунтов дать, разумѣется, не могли, но фунтов двѣсти, а то и триста можно было получить несомнѣнно. “Надо только, чтобы в Вѣну не сообщили раньше”, — озабоченно подумал мастер-мѣсяц: ему было извѣстно, что между лордом Кэстльри и князем Меттернихом существует соревнованіе в быстротѣ и точности их секретной информации. В Вѣну из Венеціи было ближе, чѣм в Лондон, опередить несомнѣнно могли. Мастер-мѣсяц, вздыхая, поглядывал то на мастера - солнце, то на хозяина хижины, уже кончавшаго рѣчь. “А может, и сам грек?..”

Когда карбонаріи выразили надежду на близкое установленіе республики Авзоніи и стали покидать хижину, мастер-мѣсяц, болтая с друзьями, вскользь сказал, что его здоровье нехорошо, совсѣм нехорошо: врач посылает на воды за границу, во Францію, кажется, придется поѣхать, ничего не подѣлаешь. Друзья посочувствовали, спрашивали, как и что: “Печень? Да, воды очень помогают”...

Из соображеній осторожности, карбонаріи у Флоріана не остались; они разошлись по другим кофейням и расположились небольшими группами, заказывая кто *capuccino diviso*, кто *crema marsala*, кто *spremute di arancio*. Мастер-мѣсяц еще сыграл с пріятелем в шахматы. Играл он очень хорошо и выиграл обѣ партіи, так что за марсалу заплатил пріятель. Затѣм он показал пріятелю новую остроумную шахматную задачу графа Лабурдоннэ. Возник спор о великом Филидорѣ. Пріятель сказал, что Филидор играл двѣ партіи, не глядя на доску,

мастер - мѣсяц возразил, что не двѣ, а одну, да и на том сошел с ума: играть двѣ партіи наизусть невозможно. — “Нѣтъ, играл двѣ”. Мастер - мѣсяц вспылал. — “А я говорю: одну!..” — Успокоился он не сразу, но, успокоившись, с застѣнчивой улыбкой выразил сожалѣніе, что погорячился: — “Такой уж у меня несчастный характер! Больше никогда не буду. «*Jurons sur ces glaives sanglants*», — благодушно спѣл он хор из “Эркелинды” того же Филлора.

Разстались они в первом часу ночи. В самом лучшем настроеніи духа мастер - мѣсяц направился домой, насвистывая мелодію хора и поглядывая на проходивших женщин. Со многими он был знаком и обмѣнивался привѣтствіями и шуточками.

Дома, несмотря на усталость, он достал из шкапа папку документов о лордѣ Байронѣ. Мастер - мѣсяц получал от многих итальянских агентов копіи интересных бумаг: британская политическая полиція считалась дружественной и, главное, очень хорошо платила. Документов, относящихся к Байрону, было немного, и они были не слишком интересны. Мастер - мѣсяц все внимательно просмотрѣл и отложил донесеніе начальника болонской полиціи главному директору полиціи в Венеціи, от 2 октября, за номером 37:

“12-го числа прошлаго мѣсяца англійскій дворянин, лорд Байрон, выѣхал отсюда в Венецію. Этот господин — член Тайнаго Общества, называющагося Романтика*. Он извѣстен как литератор и пользуется у себя на родинѣ репутаціей хорошаго поэта. Его большое состояніе дает ему полную возможность слѣдовать склонностям. Вышеупомянутых обстоятельств достаточно было для того, чтобы ввѣренная мнѣ полиція обратила вниманіе на этого субъекта. Особенно он опасен потому, что его вы-

*) *Roma antica*, в конспиративном сокращеніи — *Romantica*.
Автор

дающіся способности и богатство дают ему возможность собирать у себя в домъ людей наиболѣе образованнаго класса. В виду этого мое правительство, отмѣчая настоящее мѣстопробываніе лорда Байрона и считаясь с вѣроятностью его возвращенія в Болонью в теченіе ближайших мѣсяцев, поручило мнѣ установить за ним постоянное наблюденіе и просить о свѣдѣніях о нем во время его пребыванія в Венеціи. В надеждѣ на то, что Ваше Превосходительство благосклонно удовлетворите настоящее ходатайство, ставлю себя в ваше распоряженіе, ежели бы Вашему Превосходительству в будущем понадобилась сходная услуга”...

Другое сообщеніе, тоже отложенное для работы мастером - мѣсяцем, исходило от рядового агента, освѣщавшаго организацію изнутри. “Романтиков я знаю хорошо”, писал *fiduciario*, — “Эта организація ставит себѣ цѣлью разрушеніе нашей литературы, нашей культуры, нашей страны. Ея безспорный вождь — лорд Байрон. Вы ошибаетесь, полагая, что он занят только обманываніем*) Гвиччіоли. Он отличается чрезвычайным сладострастіем и безнравственностью, часто мѣняет предмет своих воздыханій и приносит очередную жертву на алтарь своего гордаго презрѣнія. Однако, в политикѣ он не так постоянен: тут он англичанин в полном смыслѣ слова. Байрон вродѣ сумасшедшаго, он хочет разрушить все, что ему не принадлежит, хочет подорвать наши стремленія к національной независимости (“что за вздор!” — подумал мастер - мѣсяц), вызвать у нас разореніе и кровопролитіе, дабы, в концѣ концов, подѣлать тлѣющія развалины между деморализованными заговорщиками”... — “Ну, тут этот болван заврался”, — сказал себѣ весело мастер - мѣсяц. Он был очень доволен. Рѣшил завтра встать пораньше и тотчас приняться за работу.

*) В подлинникѣ донесенія: « *a fare le corne a Guiccioli* ».

VI

День виконта Кэстльри был рассчитан не только по часам, но почти по минутам. В это утро министр проснулся ровно в шесть; его никто не будил, он всегда просыпался тогда, когда себѣ это предписывал с вечера. Он открыл глаза с чувством тоски и испуга, сѣл на постели низко опустив голову, и встряхнулся: ничего дурного как-будто не случилось.

Спальня его и туалетная комната были обставлены Шератоновской мебелью стиля *Harlequin*. Все было с выдумкой, стол заключал в себѣ умывальник, зеркала представляли собой двери, за видимостью шкапа скрывалась каморка, предназначенная для бритья. Виконт Кэстльри брился всегда сам и притом необыкновенно хорошо. Его бритвы были отточены до предѣлов возможного, но он себя не поцарапал, лучше не мог бы побрить самый искусный парикмахер; щеки, подбородок, шея были гладки как мрамор: ни единого волоса. Укладывая бритвы, лорд Кэстльри с удивленіем замѣтил, что в ящикѣ нѣтъ малаго ножа. Этот малый нож, собственно, не был нужен ни для бритья и ни для чего вообще; однако, его исчезновеніе вызвало непріятное чувство у министра. “Вѣроятно, остался в Крѣѣ”, — с неудовольствіем подумал он.

На туалет по расписанію отводилось сорок минут. Без двадцати семь виконт Кэстльри вышел, одѣтый превосходно, хоть без щегольства, в застегнутом кафтанѣ, при галстухѣ, — никаких халатов для работы он не признавал. Зеркало отразило его огромную стройную фигуру. Ему было пятьдесят лѣтъ, — он родился в один год с Наполеоном и видѣл в этом нѣчто вродѣ великаго предзнаменованія. Он не потолстѣл и не обрюзг с годами, был еще очень красив, и на больших пріемах, на международных конференціях англичане с удовлетвореніем поглядывали на челоуѣка, представлявшаго их страну: виконт Кэстльри выигрывал по внѣшности от сравненія с большин-

ством иностранных дипломатов. Он был необыкновенно dignified.

Послѣ очень легкаго завтрака, ровно в семь часов, министр иностранных дѣл вошел в свой громадный кабинет, великолѣпно обставленный мебелью готическаго періода Чиппендаля, но тоже с хитрыми арлекиными произведеніями: так, у камина стоял отапливающійся диван, одно из лучших Шератоновских созданій. На стѣнѣ висѣлъ огромный портрет короля Георга III. Были и портреты другихъ европейскихъ монархов, подаренные ими министру, с собственноручными лестными, почти дружественными, надписями. На столах, полочках, тумбахъ стояли другіе ихъ подарки, разныя вазы и произведенія искусства. Одна изъ стѣнъ была выстлана книгами в великолѣпныхъ кожаныхъ переплетахъ с гербомъ дома Лондондерри. Книги, как и вазы, предназначались лишь для украшенія комнаты: лордъ Кэстльри почти ничего не читал, да и не могъ читать, так какъ былъ цѣлый день занятъ. Только по воскресеньямъ в своемъ имѣніи Крэй-фарм, в свободное от охоты время, онъ имѣлъ возможность немного освѣжать в памяти запасъ цитатъ изъ латинскихъ классиковъ, бывшій ему необходимымъ для парламентской работы. Картинъ в кабинетѣ не было. Но почему-то, в отступленіе отъ общаго стиля комнаты, на стѣнѣ, надъ отапливающимся диваномъ висѣла в дорогой рамкѣ голова гнѣдой лошади, нисколько не замѣчательная по работѣ, написанная с натуры в Крэй-фармѣ малоизвѣстнымъ художникомъ.

В каминѣ уже былъ зажженъ огонь. На письменномъ столѣ горѣли четыре свѣчи. В работѣ при свѣчахъ в ранній утренній часъ было нѣчто пріятно - бодрящее, напоминавшее министру дѣтство, Армагскую школу, гдѣ онъ учился. Подъ столомъ на мягкомъ коврѣ лежала приготовленная лакеемъ грѣлка. Лордъ Кэстльри страдалъ подагрой, что подавало друзьямъ вѣчный поводъ для шутокъ: онъ не признавалъ крѣпкихъ напитковъ, почти не пилъ вина и былъ весьма умѣренъ в ѣдѣ, — друзья, потреблявшіе в большихъ количествахъ виски, шам-

панское, коньяк и все же подагрой не болѣвшіе, говорили, что, видно, нѣтъ на землѣ справедливости.

Министр иностранных дѣлъ по утрам работал без секретарей, — как одѣвался без помощи камердинера: по своей деликатности, не хотѣлъ заставлять подчиненных вставать в столь ранній час. Да секретари ему, собственно, не были нужны. Он знал всѣ дѣла превосходно, и находились они у него в образцовом порядкѣ. На столѣ уже лежал запечатанный пакет с ночными депешами, присланный в седьмом часу из министерства. Сбоку стояла частная шкатулка министра, большая, желѣзная, инкрустированная золотом, тоже украшенная гербом их рода, истинное чудо искусства и техники. Над ней, по особому заказу, года два трудились лучшіе мастера Англіи. Открыть ее можно было только зная секретный шифр; послѣ того, как первая крышка поднималась, появлялись еще крышки, отдѣленія, были двойныя стѣны, двойное дно, все со сложнѣйшими приспособленіями, извѣстными только самому лорду Кэстльри. Эта драгоценная шкатулка предназначалась для храненія важнѣйших бумаг, вынимавшихся ненадолго из стальных шкапов министерства, или же копій, которыя он заказывал лично для себя. В самом секретном отдѣленіи лежали его собственныя записи, обычно по дѣлам долговременнаго значенія, касавшіяся вѣковой политики Англіи и имѣвшія большую историческую важность.

Виконт Кэстльри распечатал пакет и стал читать депеши одну за другой. Каждая депеша укрѣпляла в нем увѣренность в правильности его политики. Он не мог бы допустить и мысли, что послы и дипломатическіе агенты хоть отчасти, сознательно или безсознательно, поддѣлываются под его взгляды и подбирают для него соотвѣтственныя свѣдѣнія. Будучи англійским джентльмэном, министр не считал других англійских джентльмэнов способными на подлаживание и угодничество.

Всѣ его предположенія оправдывались. Тѣм не менѣе у него росло тоскливо-безпокойное чувство, с которым он

проснулся в это утро и с которым просыпался в послѣднее время все чаще. Положеніе в мірѣ было очень, очень тревожно. Вездѣ ежеминутно могли вспыхнуть возстанія, любой инцидент мог вовлечь Англію в новую войну. Эта мысль была кошмаром лорда Кэстльри.

Особенно серьезно было положеніе в греческих землях Турціи. Резидент в Янинѣ сообщал, что Али-паша изжарил на медленном огнѣ пятнадцать человѣкъ. Свѣдѣнія о звѣрствах разных пашей были и из других депешах. Министр морщился с гадливостью, читая эти сообщенія. Враги обвиняли его в сухости, черствости, даже в жестокости. Это обвиненіе было невѣрно. Звѣрства, о которых он читал, были ему чрезвычайно противны. Но он твердо знал, что ничего тут подѣлать невозможно, что нельзя руководиться в политикѣ чувствами, хотя бы самыми лучшими. В этих греческих землях Турція все же представляла собой порядок, — а самый жестокий порядок всегда лучше безпорядка. Обобщать ничего не слѣдует, на одного свирѣпаго пашу приходится десять не-свирѣпых, и всѣ они вмѣстѣ так или иначе выражают государственное начало. Время, конечно, сдѣлает свое дѣло. К тому же, с Яниной англичане вели выгодную торговлю, за товары Али-паша платил исправно и, по словам резидента, был настроен вполне благожелательно к Англіи.

Министр иностранных дѣл с раздраженіем подумал, что многіе британскіе политическіе дѣятели, в том числѣ и сам Каннинг, были бы не прочь втравить Англію в войну с Турціей. "Пока я у власти, этого во всяком случаѣ не произойдет!" — твердо сказал себѣ он и рѣшил при случаѣ напомнить своим врагам в палатѣ выраженіе своего друга, герцога Веллингтона: «*Nothing is more tragical than a victory, except a defeat*» *).

Тревожныя извѣстія шли и из итальянских государств. Это было довольно естественно: мір все не мог прійти в

*) «Если не считать пораженія, то нѣтъ ничего болѣе трагическаго, чѣм побѣда».

равновѣсіе послѣ французской революціи и наполеоновских войн. Непокойно было и в самой Англіи. Лицо лорда Кэстльри становилось все болѣе мрачным.

Он занимал пост министра иностранных дѣл и был лидером палаты общин. Однако и друзья, и враги не без основанія считали его настоящим главой правительства: первый министр, лорд Ливерпуль, большой роли не играл. На виконта Кэстльри валили отвѣтственность и за внутреннія дѣла Англіи, особенно за ея финансы. Враги говорили, что его экономическая политика строится на эксплуатаціи низших классов. Он давно пріучил себя к мысли, что от врагов не дожидаться ни фактической правды, ни справедливой оцѣнки; все же это его немного удивляло: сам он был совершенно справедлив к врагам, и не его вина была в том, что они ничего в политикѣ не понимали. Несправедлив был и бросавшійся ему упрек в черствости в отношеніи бѣдных людей. Доход и жалованіе лорда Кэстльри составляли около сорока тысяч фунтов в год. Он никогда из своего бюджета не выходил, отроду не имѣл никаких долгов и тоже немного удивлялся, слыша, что у других людей есть долги, — не только у каких-нибудь бездѣльников или мотов — это было бы неудивительно, — но и у людей вполне порядочных: отчего же они не приводят своего бюджета в порядок? Из своих сорока тысяч фунтов он ежегодно удѣлял одну и ту же, немалую, долю на благотворительныя дѣла, впрочем и тут не без легкаго удивленія: каким образом могут быть люди, нуждающіеся в благотворительной помощи?

Отдѣльный запечатанный пакет исходил от вѣдомства развѣдочной службы. Министр иностранных дѣл вскрыл его без большого интереса: по долгому опыту знал, что сообщенія этого вѣдомства вообще не заслуживают довѣрія и что нельзя относиться к ним серьезно. Ему было извѣстно, что на континентѣ, напротив, с ужасом и восхищеніем приписывают этому британскому учрежденію огромную важность, необычайную освѣдомленность, какія-то дѣла

историческаго значенія. Лорд Кэстльри слушал и читал такіе рассказы с улыбкой: с этим мифом трудно и незачѣм бороться. Вѣдомство развѣдочной службы знало мало интереснаго, почти ничего не дѣлало и вдобавок, по своему крайне сложному, запутанному и секретному устройству, находилось в хаотическом состояніи: отдѣльныя его службы были разбросаны по разным министерствам, обычно друг с другом враждовали и даже не обмѣнивались между собой сообщеніями. Болѣе цѣнныя секретныя свѣдѣнія приходили от британских военных агентов при иностранных арміях: эти были завѣдомые шпіоны, чего нисколько и не скрывали, — каждый грамотный человѣкъ понимал, что никакого другого дѣла и других обязанностей, кромѣ шпіонажа, у них нѣтъ; тѣм не менѣе их вездѣ принимали, с ними поддерживали дружескія отношенія всѣ, вплоть до иностранных монархов. От военных агентов иногда приходили интересныя донесенія; от вѣдомства же политической развѣдки почти никогда.

Не было ничего особенно важнаго в запечатанном пакетѣ и на этот раз. Тѣм не менѣе одно донесеніе из Венеціи обратило на себя вниманіе министра. Агент сообщал, что греческіе филикеры установили связь с венеціанскими карбонаріями, что ими уже налажена опасная связь с Римом и Неаполем, что возстаніе должно вспыхнуть с минуты на минуту в разных городах южной и восточной Европы, что во главѣ заговора стоит англійскій поэт, лорд Байрон, намѣченный в президенты европейской республики и тратящій на это дѣло свое несмѣтное богатство. Лорд Кэстльри внимательно прочел сообщеніе и подумал, что все это, разумѣется, преувеличено, однако доля правды, должно быть, есть; на него всегда производило впечатлѣніе обиліе всевозможных подробностей: агент сообщал, что Байрон произнес в Венеціи кровожадную зажигательную рѣчь и что толпы итальянских и греческих революціонеров, выхватив кинжалы, клялись ему в вѣрности до гроба.

Этот скандальный поэт был всегда чрезвычайно не-

приятен лорду Кэстльри. Он знал его по лондонскому обществу, слышал ходившіе о нем безчисленные рассказы, иногда весьма непристойные. Как немало пожившій и знавшій свѣтъ человѣкъ, лорд Кэстльри дѣлал поправку на общественное вранье: наиболѣе непристойным рассказам он не вѣрил. Но ему было достаточно и десятой доли того, что говорили: Байрон был человѣкъ не вполне нормальный умственно, не джентльмэн и не dignified, да еще вдобавок вмѣшивающійся в дѣла, которыя нисколько его не касались и в которых он ничего не понимал (министр разумѣл высшую политику). “Что-ж, может быть этот сумасшедшій и в самом дѣлѣ хочет стать президентом всемірной республики”, — с досадой сказал себѣ Кэстльри и рѣшил обратиться на Байрона вниманіе австрійскаго посла Эстергази: пусть доложит князю Меттерниху. “Вѣдь этот господин преимущественно на Австрію тратит теперь свое несмѣтное богатство”, — с усмѣшкой подумал министр. Имѣя сорок тысяч фунтов годового дохода, он не считал себя богатым человѣком; Байрон же, бывшій кругом в долгу, покинувшій Англію не из романтической ненависти к ней, а из опасенія долговой тюрьмы, мог казаться богачем только итальянским нищим, — как только плебеям мог казаться утонченным аристократом этот воспитанный в бѣдности сын Катерины Гордон. Виконт Кэстльри, впрочем, отнюдь не сравнивал его с итальянскими нищими и плебеями: лорд Байрон был лорд Байрон.

Министр иностранных дѣл занес в книжку нѣсколько слов для памяти. При этом он подумал, что в сущности можно было бы кое-с-чѣм согласиться из того, чего требовали всѣ эти карбонаріи, филикеры, эрколаны, романтики, дженнаты, граціадеи и другіе экзотическіе люди со смѣшными кличками. По существу, конечно, не было оснований Турціи владычествовать в греческих землях, а Австріи — в итальянских. Нельзя было бы, пожалуй, возражать и против требованія свободнаго строя. У лорда Кэстльри не лежала душа к парламентскому строю, большой пользы от

него он не видѣл. Но в свободный строй вѣрили его отец, дѣд, предки, этот строй в Англіи существовал давно, а все, что давно существовало в Англіи, не могло не быть разумно. Экзотическіе люди однако до свободы еще не доросли, никаких государственных дѣятелей у них не было,—настоящими государственными людьми Кэстльри считал только себя, князя Меттерниха и еще, быть может, двух или трех человек. Во всяком случаѣ, британскому правительству до всѣх этих Ботцарисов и Маврокордато ни малѣйшаго дѣла нѣтъ. “То, что они называют свободой, уже однажды, тридцать лѣтъ тому назад, взорвало мір, может взорвать и во второй раз. Все лучше войн и возстаній. Али-паша изжарил пятнадцать человек, а сколько изжарят они? Да, совершенно безумные люди!” — подумал он, читая о присягѣ Байрону и о полномочіях великаго мастера элевзиній.

Виконт Кэстльри очинил перо — перья тоже чинил сам, новых, стальных, не признавал, — и стал писать отвѣты послам и дипломатическим агентам. Министр иностранных дѣлъ все писал собственноручно; его сотрудники занимались лишь стилистической отдѣлкой документов, да и ее он разрѣшал только в ограниченных предѣлах. Гордился тѣм, что его вѣдомство всегда отвѣчает на вопросы в тот же день, — за исключеніем тѣх случаев, когда отвѣтъ затягивается умышленно. Инструкціи послам оставались прежнія, неизмѣнныя: вездѣ поддерживать существующую власть и людей, представляющих государственный порядок; могли быть отступленія от этого правила лишь в тѣх случаях, если-б этого требовали интересы британской имперіи, но таких случаев он пока не видѣл. Все же предписал янинскому резиденту обратить в самой дружественной формѣ вниманіе Али-паши на то, что не слѣдовало бы злоупотреблять жестокостью и что лучше было бы не поджаривать вообще людей.

VII.

Закончив отвѣтъ на всѣ депеши, он занялся вопросами не срочными, а долговременными. Виконт Кэстльри пред-

почитал дѣлать большую часть работы у себя, а не в министерствѣ, которое помѣщалось в комнатах тѣсных, темноватых и неудобных. Поэтому он и держал дома свою секретную шкатулку.

Как раз тогда, когда он придвинул ее к себѣ, дверь кабинета отворилась без стука; вошла жена министра, очень толстая, добродушная дама. В руках у нея было вязанье; ее сопровождал бульдог. Лорд Кэстльри встал, улыбнулся (улыбка у него была тоже в высшей степени dignified), поцѣловал женѣ руку, спросил, как она спала. Он имѣлъ репутацію образцоваго супруга и был вѣрен женѣ, что в тѣ времена еще не было общим обязательным правилом британских министров. Лэди Кэстльри замахала руками, показывая, что не хочет мѣшать его работѣ, сѣла на отопливаемый диван и занялась вязаньем. Она боготворила мужа, считала его величайшим человѣком в мірѣ, никогда с ним не разставалась: сопровождала его и при поѣздках на континент, на разныя международныя конференціи. Это подавало вездѣ в Европѣ повод для шуток и насмѣшек, тѣм болѣе, что ее считали женщиной весьма недалекой.

Министр пустил в ход секретныя приспособленія шкатулки; пришли в движеніе шифры, секреты, колесики. Лэди Кэстльри, как всегда, с любопытством на это смотрѣла: сложная диковинная шкатулка казалась ей символом британской государственной машины; она не выражала своей мысли этими словами, но именно таково было ея ощущеніе. И точно такое же чувство испытывал старый лакей, вошедшій в комнату—подложить дров в камин. Он на цыпочках прошел по мягкому ковра кабинета; ему было ясно—и пріятно, — что в этой комнатѣ творятся большія дѣла: виконт Кэстльри, правитель Англіи, сын и наслѣдник маркиза Лондондерри, размышляет о дѣлах британской имперіи и всего міра.

Подняв крышку секретнѣйшаго отдѣленія, министр достал свою записку об основных линіях англійской политики. Во всей государственной дѣятельности лорда Кэстльри

им руководили три основныя идеи. Первая из них заключалась в том, что вѣковой историческій враг британской имперіи это Франція, что нужно всегда и во всем вести и поддерживать такія дѣйствія, которыя помѣшали бы возстановленію французской гегемоніи в мірѣ. Вторая политическая мысль министра иностранных дѣл сводилась к необходимости прочных, добрых, дружественных отношеній с Австріей, как с самой устойчивой и благонамѣренной великой державой Европы. Этой державой вдобавок давно руководил большой государственный дѣятель, князь Меттерних, — лорд Кэстльри только его и считал себѣ равным. И, наконец, третья, если не основная, то очень существенная мысль касалась Россіи, к которой отношеніе было двойственное. Россія еще не стала вѣковым историческим врагом, но были симптомы, что она может им стать. Не внушал особеннаго довѣрія и император Александр. Лорд Кэстльри не отрицал дарованій царя, но, подобно своему другу Веллингтону, видѣл в нем опаснаго якобинца, особенно с той поры, как царь заговорил о созданіи какого-то международнаго совѣта государств, имѣющаго цѣлью разрѣшать спорные вопросы и предупреждать войны. Ничто не могло быть болѣе противно виконту Кэстльри, чѣм подобное фантастическое учрежденіе, вмѣшивающееся в чужія дѣла, нарушающее традиціи британской имперіи и явно несовмѣстимое с ея интересами. Кромѣ того император Александр становился слишком могущественным чловѣком, а Россія — слишком могущественной страной. В частности, в послѣднее время, она стала основываться на сѣверо - американском материкѣ: русскія колоніи возникали на всем его западном побережьи. Калифорнія, вслѣд за Аляской, почти стала русской провинціей. Сан - Франциско уже едва ли не находится под властью русскаго губернатора. Если Россія окончательно захватит Калифорнію, сумѣют ли слабыя бѣдныя Соединенные Штаты отстоять свою независимость от этого колосса, не подпадут ли под русское вліяніе, не станут ли русской колоніей? Лорду Кэст-

ри было извѣстно, что эта мысль очень беспокоит и американских политических дѣятелей.

Министр долго размышлял с пером в рукѣ, то нервно записывал нѣсколько строк, то погружался снова в размышленія. Без двадцати пяти минут одиннадцать лэди Кэстльри положила вязанье и сказала с улыбкой, что им пора. Он взглянул на часы и с улыбкой подтвердил: пора в самом дѣлѣ. Снова пришли в ход секреты, шифры, колесики, крышечки, крышки, и двойное дно магической шкатулки поглотило новый плод глубоких мыслей виконта Кэстльри, правителя Англіи, сына и наслѣдника маркиза Лондондерри. Он встал, подошел к женѣ, снова поцѣловал ее сначала в руку, потом в лоб. Бульдог поднялся и потянулся, видимо тоже понимая, что им пора.

При этом взгляд министра иностранных дѣл внезапно упал на висѣвшую на стѣнѣ лошадиную голову. Почему-то она его удивила, точно он увидѣл ее впервые, и удивила как-то досадно: что-то в этой гнѣдой лошади было непріятно виконту Кэстльри. “Что такое? В чем дѣло?” — спросил себя он и нахмурился.— “О, нѣтъ, ничего рѣшительно”, — ласково отвѣтил министр женѣ, спросившей его с нѣкоторым беспокойством, уж не случилось ли что-либо дурное.

Они вышли вмѣстѣ, лакеи вытягивались на лѣстницѣ, вытянулся швейцар, распахнувшій перед ними двери, вытянулись на улицѣ сыщики, охранявшіе министра от покушеній. Прогулка продолжалась двадцать минут. Нѣкоторые прохожіе почтительно кланялись министру, другіе дѣлали вид, что не узнают его — не надо мѣшать государственному человѣку, — третьи с ненавистью смотрѣли ему вслѣд. Сыщики слѣдовали за министром иностранных дѣл на нѣкотором от него разстояніи, не спуская глаз с проходивших людей. Прежде на пути министра не раз раздавались крики: “Добрый старый Кэстльри!”, но уже давно что-то никто не кричал. Министр об этом не скорбѣл, зная человеческую неблагодарность. Да эти возгласы и не шли к его стилю.

Ровно в одиннадцать они подошли к министерству. Швейцар распахнул дверь, на лѣстницѣ вытянулись лакеи, старшій секретарь почтительно поздоровался с министром. В душѣ секретарь не одобрялъ того, что лорд Кэстльри является в министерство в сопровожденіи жены и бульдога: это противорѣчило традиціям, таких прецедентов не было. Но вид у министра был настолько dignified, что сомнѣнія тотчас разсѣивались: этот человѣкъ сам был традиціей и прецедентом. У секретаря, у служащих, у швейцара, у лакеев было все то же пріятное чувство: государственная машина работает превосходно, фактическій правитель государства, виконт Кэстльри, сын и наслѣдник маркиза Лондондерри, явился на свой пост, как всегда, ровно в одиннадцать часов, без единой минуты опозданія.

VIII

В третьем часу дня герцог Веллингтон медленно проѣзжал верхом по Гайд-Парку. Матери показывали его дѣтям: “Веллингтон”, “желѣзный герцог”, “побѣдитель Наполеона”... Он привѣтливо кивал всѣм головой. Лошадь под ним была необыкновенно хороша, и ѣздил он так, что лучшіе штатскіе наѣздники смотрѣли на него с восторженной завистью. Один-же из них, не то с гордостью, не то с легкой ироніей, подумал, что тут цѣлая культура: надо бы написать картину с этого человѣка, который похож на конную статую самому себѣ; как, по извѣстной шуткѣ, нетрудно создать британскіе газоны — нужно только шестьсот лѣт полоть и поливать траву, — так для созданія этой картинной фигуры нужно было не одно поколѣніе Каулеев, Морнингтонов, Денганнонов и Вельслеев, бывших сэрами, баронами, виконтами и графами, честно служивших в королевской арміи и ѣздивших всю жизнь на кровных лошадях.

Герцог Веллингтон кружным путем ѣхал в министерство иностранных дѣл навѣстить лорда Кэстльри, котораго он очень любил, хоть считал человѣком слишком либе-

ральным и не чуждым якобинского духа или, по крайней мѣрѣ, дѣлающим якобинскому духу в мірѣ чрезмѣрныя уступки. Он остановился у параднаго под'ѣзда. Швейцар, служившій когда-то в его арміи, превратился у двери в каменную статую. Какіе-то люди бросились к лошади. Герцог сошел с коня и, хоть сдѣлал он это необыкновенно легко и быстро, сказать о нем, что он с о с к о ч и л, было бы совершенно невозможно. Веллингтон вошел в холл и медленно поднялся по лѣстницѣ, кивая всѣм с ласковым величіем. Он не был так dignified, как лорд Кэстльри, или был dignified по иному: в его наружности, осанкѣ, выраженіи лица была королевская привѣтливость.

Дежурный секретарь почтительно проводил герцога к дверям министерскаго кабинета. В комнатѣ, кромѣ министра и его жены, находился иностранный посол. — «*Madame, je ne vous savais pas en si bonne compagnie*» — с сильным англійским акцентом произнес Веллингтон и, смѣясь, пояснил, что это ритуальная формула французских королей: так говорил госпожѣ Мэntenон Людовик XIV, заставая гостей у нея в гостиной. так же с тѣх пор говорили всѣ его престолонаслѣдники; и нынѣ благополучно царствующій Людовик, появившись в Парижѣ послѣ революціи, послѣ террора, послѣ четверти вѣка эмиграціи, войдя в салон какой-то маркизы, бывшей двадцать пять лѣтъ чулочницей в Лондонѣ, сказал ей: «*Madame, je ne vous savais pas en si bonne compagnie*».

Веллингтон предупредил, что заѣхал без всякаго дѣла. — “Выгоните меня без стѣсненія, если я мѣшаю”, — добавил он тоном человѣка, увѣреннаго в том, что его не выгонят, даже если он мѣшает. Гость дѣйствительно мѣшал: у посла был с министром иностранных дѣл дѣловой разговор, который на худой конец можно было вести при лэди Кэстльри (она, занятая вязаньем, мѣшала не болѣе, чѣм бульдог или мебель), но не при посторонних людях. Однако, хотя посол куда-то спѣшил, он с видимым удовольствіем отложил дѣловую бесѣду: всякому лестно было

посидѣть в тѣсном кругу с побѣдителем Наполеона. И дѣйствительно, Велингтон попотчевал собесѣдников анекдотом, относившимся к битвѣ при Ватерлоо. Говорил он из-за посла по-французски, но безпрестанно переходил на англійскій языкъ.

Посол слушал с почтительным восхищеніем. Слушали также лорд и лэди Кэстльри, хоть они эту исторію слышали неоднократно. Посторонній зритель и тут сказал-бы, что сцену эту можно увѣковѣчить: герцог Веллингтон рассказывает о битвѣ при Ватерлоо виконту Кэстльри. — ...“Но гдѣ же находились главныя артиллерійскія силы Вашей Свѣтлости?” — вставил почтительный вопрос посол. Желѣзный герцог остановился: не любил, чтобы его перебивали, хотя-бы и почтительными вопросами. Кромѣ того, он забыл, гдѣ тогда находились его главныя артиллерійскія силы. — “Вот они, штатскіе люди!” — сказал он, — “дѣло было не в артиллеріи: артиллерія и вообще, вѣрьте мнѣ, не имѣет будущаго, как род оружія. Дѣло было в моих солдатах!..” Посол больше не прерывал разсказа до конца: — ...“Тогда-то я обратился к ним со словами: “Дѣтки, нельзя допустить, чтобы нас разбили. Подумайте, что о нас скажут в Англіи!”. И 95-ый полкъ ринулся в атаку, как бѣшеный. Дѣло было рѣшено!” — “Это удивительно. Ваша Свѣтлость!” — сказал восторженно посол.

Он в самом дѣлѣ находил это удивительным. Посол, слушая, думал, какую огромную силу представляют собой этот человек и другіе подобные ему, менѣ знаменитые, но столь-же крѣпкіе, порядочные, вѣрные традиціям люди, не хватающіе звѣзд с неба, и вся эта удивительная, во всем преуспѣвающая, свято почитающая традиціи страна. Ему показалось, что в Веллингтонѣ, в Кэстльри, в лежавшем на полу бульдогѣ есть что-то общее, очень пріятное, породистое, вмѣстѣ и добродушное, и рекомендующее осторожность: сердить не надо. “Они, конечно, не геніи, но Наполеона именно геній и привел на Святую Елену”.

— « ... Sound sense is better than abilities » *), — сказал герцог Веллингтон, любивший афоризмы. Он теперь говорил о международной политикѣ и критиковал дѣйствія императора Александра. “Да, да, вот именно”, — подумал посол.

Виконт Кэстльри слушал без улыбки. Герцог Веллингтон был его друг и был герцог Веллингтон. Однако, никому не слѣдовало отрывать от дѣла министра иностранных дѣл во время его дѣловой бесѣды с послом. Точно такое же выраженіе ласковаго дружескаго неодобренія было написано на лицѣ лэди Кэстльри. Но все разбивалось о благодушіе гостя и о несокрушимую его увѣренность, что для него время есть у каждого.

— ...Не думаете-ли вы, Ваша Свѣтлость, что война с Турціей не могла бы быть для Россіи особенно серьезной, — в полувопросительной формѣ сказал посол.

— Великая страна не должна вести малых войн, — отвѣтил Веллингтон и перевел афоризм на англійскій язык: «A great country ought never to make little wars...» Он вернулся к военным вопросам и сказал, что присутствіе Наполеона во главѣ войск бывало по значенію равноцѣнно 40-тысячной арміи. — “Неужели 40-тысячной?” — переспросил посол, пораженный точностью разсчета. — “Да, да, 40-тысячной”, — подтвердил герцог. — “Какое великое предзнаменованіе в том, что Ваша Свѣтлость родились в один год с Наполеоном!” — сказал посол и пожалѣл о неудачном замѣчаніи: он вспомнил, что в один год с Наполеоном родился также лорд Кэстльри. “Все-таки, онѣ должны были бы как-нибудь между собой устроиться насчет великаго предзнаменованія...”

Герцог поговорил еще минут десять о финансовых вопросах, — он почему-то считал себя глубоким финансистом, — поговорил и о разных других предметах, все в тонѣ королевской благосклонной шутливости, затѣм ска-

*) «Здравый смыслъ лучше дарованій».

зал: “Однако, я вам порядочно надоѣл” — и нащупал в карманѣ часы; лицо его освѣтилось дѣтской улыбкой. У Веллингтона была слабость к часам; он имѣл огромную их коллекцію, в которой были и часы Типпу-Саиба, захваченные послѣ взятія Серингапатама, и часы с картой Испаніи на крышкѣ, подаренные Наполеоном испанскому королю Іосифу, и еще очень много других исторических и неисторических часов. Недавно Брегет изготовил, по особому его заказу, часы с замысловатым циферблатом, — время можно было опредѣлять наощупь. “Пора, пора”, — сказал герцог и показал Брегетовскіе часы: “Послѣдняя новинка, очень удобно: не надо вынимать из кармана”, — пояснил он, вставая.

Кэстльри проводил его до выхода. Из дверей высовывались переписчики, желавшіе увидѣть вблизи желѣзнаго герцога. Старшій секретарь вполголоса перечислял всѣ его титулы: герцог Веллингтон, герцог де Брюнуа, князь Ватерлоо, маркиз Дуро”... Веллингтон сѣлъ на коня — нельзя было сказать: вскочил, — и поскакал домой. Всѣ испытывали странное чувство: как это памятник скачет?

— *Mon cher comte, nous réglerons cette question à l'aimable*, — сказал лорд Кэстльри послу в заключеніе дѣловой бесѣды. Он всегда говорил «à l'aimable» вмѣсто «à l'amiable», но вид у него при этом был столь увѣренный и столь dignified, что даже французы иногда терялись: может быть, в самом дѣлѣ надо говорить «à l'aimable»? Посол горячо поблагодарил, простился и вышел. Его лорд Кэстльри провожал только до лѣстницы: посол представлял иностраннаго монарха, но это не был герцог Веллингтон.

В три часа дня, отдавъ послѣднія инструкціи, министр отправился в Палату. Жена сопровождала его и туда. Лэди Кэстльри поднялась наверх, лорд Кэстльри вошел в залу засѣданій и занял свое первое мѣсто на правительственной скамьѣ, холодно - вѣжливо отвѣчая на привѣтствія. В парламентѣ не очень любили министра иностранных дѣл. Тори

считали его человеком высокомерным, виги возмущались его внешней и внутренней политикой. Почти все, однако, отдавали должное личным качествам министра, уму, воле, трудолюбию, последовательности, джентльменству; многие считали его глубоким государственным мыслителем. Были у него немногочисленные личные друзья, преклонявшиеся перед ним и фанатически ему преданные. Но были и немногочисленные личные враги, отрицавшие за ним какие-бы то ни было качества.

В этот день в палате прений по внешней политике не было. Был вопрос, относившийся к недороду и к тяжелому положению низших классов. Виги говорили, что народ переобременен налогами, что так дальше продолжаться не может. Виконт Кэстльри слушал равнодушно: знал, что так оппозиция говорила и говорит во все времена, что в этом ее ремесло: это условные слова, вроде того, как новые министры неизменно говорят, что их кабинету пришлось встретиться с небывалым и неслыханным по трудности положением из-за наследства, полученного ими от их предшественников. Он даже сомневался, стоит ли ему отвечать. Все-же решил ответить и сказал холодно несколько слов на свою обычную тему: — «*It is delusive and dangerous*», — сказал он. — «*to say that distress arose from taxation and not from Providence and the great principles of Nature....*» На скамьях тори слышались возгласы: «*Hear, hear...*» Главный же враг и недоброжелатель лорда Кэстльри, член Палаты от Винчельси, Генри Брум, все время с ненавистью на него поглядывавший, подумал, что подлинное Божье наказание не в недороде: оно в том, что огромной империей и отчасти судьбами мира правит тупой, ограниченный, невежественный человек, не знающий даже английского литературного языка.

Отвѣтив оппозиции, министр иностранных дел вернулся с женой домой. Они пообедали вдвоем, без гостей. Гости должны были у них собраться вечером после оперы. Так как общался заехать принц-регент, то лэди Кэстль-

ри распорядилась, чтобы ужин был подан на великолѣпном саксонском сервизѣ, подаренном монархами министру послѣ Вѣнскаго конгресса. Обѣд — же, скромно сервированный, был очень простой, англійскій: черепаховый суп, джойнт, стилтон, пуддинг; все запивалось пивом в весьма умѣренном количествѣ. Послѣ обѣда, лорд Кэстльри поцѣловал руку женѣ. Они отправились одѣваться.

В туалетной комнатѣ, перед зеркалом, вдѣланным в Шератоновскую штучку, министр замѣтил, что на подбородкѣ у него успѣло выступить нѣсколько сѣдых волосков. Он не любил бриться во второй раз в день и рѣшил снять волоски, не намазывая лица. Виконт Кэстльри достал бритву и опять, с непонятным ему самому тревожным неудовольствіем, обратил вниманіе на то, что небольшой нож куда-то исчез.

Затѣм он зашел к женѣ, — всегда высказывал свое мнѣніе об ея туалетѣ. Лэди Кэстльри одѣвалась, по общему отзыву, плохо; о ней ходили разные анекдоты: говорили, напримѣр, что однажды, на Вѣнском конгрессѣ, она надѣла, вмѣсто діадемы, осыпанный брилліантами орден Подвязки ея мужа. Министр совершенно искренно похвалил платье и поцѣловал жену в голову, молчаливо благодаря за ея восторженный взгляд: лорд Кэстльри был в самом дѣлѣ великолѣпен; едва-ли на свѣтѣ когда-либо существовал человек болѣе dignified, чѣм он.

Сложная прическа жены еще не была додѣлана: по пришедшей из Парижа модѣ, надлежало носить в волосах от восьми до двѣнадцати перьев, — чѣм больше, тѣм лучше. Это требовало времени. Министр развел руками, показывая, что тут он безсилен. — “Я готов и пропустить первый акт”, — сказал он, показывая улыбкой, что это для него большой жертвы не составит, — “буду ждать вас у себя”.

Кабинет был теперь освѣщен только лампой над Шератоновским диваном. При входѣ взгляд министра остановился на лошадиной головѣ. Какая-то неясная мысль опять

тревожно его поразила. “Нѣтъ, в депешах ничего особенно печальнаго, кажется, не было?” — неувѣренно сказал он себѣ. Лорд Кэстльри неторопливо расхаживал своей величественной походкой по кабинету, переходя из освѣщенной части комнаты в полутемную. Почему-то в нем все усиливалось чувство тревоги, с которым он проснулся в этот день. В депешах все было не слишком пріятно, но не было ничего особенно дурного. Ничего дурного не произошло и днем на засѣданіи Палаты. Вдруг, когда министр приблизился к дивану, гнѣдая лошадь с полотна показала ему язык... Он прирос к полу от негодованія: “Что это? Как она смѣет?..” Виконт Кэстльри вздрогнул, провел рукой по лбу, пришел в себя. “Просто я переутомился”, — подумал он и поспѣшно отошел от дивана.

X

— ...Вы меня осуждаете за невѣріе, милый друг, — сказал Байрон. — Между тѣм, слухи о моем атеизмѣ распускаются конкурентами моего издателя, дабы повредить распространенію моих книг. Расчет, кстати сказать, невѣрный, ибо періодически возстаивающаяся мода на невѣріе возвращается в Европѣ и сейчас. Очень сожалью, что князь Меттерних считает Господа Бога австрійским патріотом и обер-канцлером, а лорд Кэстльри — верховным лидером партіи тори. Но сам я не атеист. Не могу назвать себя и вѣрующим человѣком. Прежде боялся, что природа произвела меня в день совершеннаго равнодушія. Теперь вижу, что все-таки сомнѣваюсь, — это по моему, *ne plus ultra* вѣры. Наставлять-же меня тут совершенно бесполезно. Так-же напрасно говорить человѣку: не сомнѣвайся, вѣруй, как напрасно говорить: не спи, бодрствуй. Он заснет все равно.

Тереза Гвиччіоли подавила зѣвок. Собственно, она не очень его наставляла и не так уж опасалась его невѣрія. Знала, что послѣ долгой работы он любит поговорить, и

что говорить ему не с кѣм: в Пизѣ, гдѣ они жили уже довольно долго, их небольшое общество успѣло очень ему надоесть. Она понимала, что ей надо лишь изображать на лицѣ вниманіе и время от времени вставлять осторожныя замѣчанія, которыя не могли бы ему показаться слишком глупыми. В п о с ѣ щ е н і и к л а д б и щ а с л ю б и м о й ж е н щ и н о й было то, что, по ея мнѣнію, полагалось поэту. Однако, они уже с четверть часа стояли перед “Торжеством смерти”. Именно из-за фресок **Campro Santo** разговор перешел на религіозные предметы; о них говорить с ним Тереза Гвиччіоли не любила.

— Великій писатель не может быть невѣрующим человеком. А вы, Байрон, — величайшій из писателей, — замѣтила она.

— Мнѣ, напротив, иногда кажется, что религія несомнѣстима с искусством, — сказал он, не дослушав. — Существует-ли строго - религіозное искусство? Вы назовете Данта, нѣкоторых великих живописцев, и вы будете, конечно, правы. Я не рѣшил этого вопроса, все тщетно пытаюсь разрѣшить. Существуют невѣрующіе люди, по разным причинам желающіе, чтобы их искусство было “насквозь религіозно”. Они меня не интересуют, как не интересуют меня люди неискренніе вообще. — Графиня Гвиччіоли улыбнулась; он холодным выраженіем лица показал, что не понимает ея улыбки. — Существуют также так называемые “люди, ищущіе Бога”. Этой распространенной формулы я никогда не мог понять; она, в сущности, ничего не значит и ни к чему не обязывает. Как это они “ищут Бога”? И если ищут, то почему не находят? Когда же они найдут? Существуют, наконец, истинно религіозные художники, среди них есть люди гениальные. Но религіозно-ли их искусство? Когда они писали, они больше думали о рифмах, о звуках, о красках, о стилѣ, чѣм о вѣчной жизни и безсмертіи души. Вы возразите, что религіозность их душевной природы сказывалась в них, о чем бы они ни думали...

— Разумѣется! — встала Тереза: мысли, которыя он сам ей подсказывал, можно было выражать без опаски.

— Пусть, но они не могли не видѣть соблазнов своего искусства. Вѣдь все искусство само по себѣ есть великій соблазн, оно соперничаетъ съ вѣрой, и для искренне вѣрующаго человѣка эта мысль, я думаю, нестерпима. Религіозное творчество должно быть понятно, общедоступно, опредѣленно, односмысленно. Искусство-же почти всегда не-общедоступно, неопредѣленно, двусмысленно, даже многосмысленно. Кромѣ того, религія живетъ добромъ, дышетъ добромъ и прекрасна добромъ. Искусство-же по природѣ зло или живетъ преимущественно злобой... Впрочем, въ такой формѣ моя мысль преувеличена. Однако, вѣрно то, что искусство, — по крайней мѣрѣ литература, — гораздо лучше помнитъ о злѣ, чѣмъ о добрѣ, гораздо чаще вдохновляется зломъ, чѣмъ добромъ, гораздо больше обязано злу, чѣмъ добру. И не вѣрьте тѣмъ художникамъ, которые, вѣчно описывая зло, увѣряютъ, что служатъ такимъ образомъ добру или даже Богу: это самые неискренніе изъ художниковъ. Да вотъ, взгляните на эти гениальныя фрески. Я не живописецъ, у меня нѣтъ вѣрнаго глаза, — когда я смотрю на картину, я интересуюсь не тѣмъ, что занимаетъ живописцевъ; меня прежде всего занимаетъ вопросъ: что за человѣкъ былъ тотъ, кто это создалъ. И тутъ, слава Богу, мы въ догадкахъ почти свободны. Вазари насъ погубилъ, рассказавъ анекдоты обо всѣхъ художникахъ Италіи. Но объ авторѣ этихъ фресокъ онъ самъ почти ничего не зналъ. Говорятъ, что “Торжество смерти” написалъ нѣкій Андреа ди Чіоне, называвшій себя Орканья, жившій въ Пизѣ въ 14-омъ вѣкѣ, бывшій одновременно живописцемъ, архитекторомъ, скульпторомъ и поэтомъ. О немъ Вазари не сообщилъ намъ ни пустыхъ анекдотовъ, ни серьезныхъ свѣдѣній. Нѣкоторые знатоки въдобавокъ приписываютъ “Торжество смерти” кому-то другому. Во всякомъ случаѣ, мы совершенно не знаемъ, что за человѣкъ былъ этотъ Орканья. Кажется, онъ къ искусству относился съ легкой ироніей: по крайней мѣрѣ, на своихъ картинахъ писалъ: «Fecit Andrea

di Cione scultore», а на статуях: «Fece Andrea di Cione pittore». Впрочем, это могло происходить и от маніи величія: “все умѣю!..” В религиозных чувствах этого человека мы как будто сомнѣваться не должны: он строил церкви, расписывал стѣны часовен, набожные пизанцы до вѣрили ему стѣнную живопись их знаменитаго кладбища. Что-же он написал? В этих фресках все двусмысленно.

— Почему, Байрон? — спросила графиня. Она чувствовала, что тут слѣдовало бы записывать: великій поэт высказывает свои мысли о произведеніи великаго художника, да еще на пизанском Campo Santo.

— Посмотрите, справа молодые люди и дамы танцуют, поют, играют на лютнѣ... Разумѣется, это должно означать поэзію, свѣтъ, радость жизни. Замѣьте, однако: ни одного красиваго лица, ни одной привлекательной фигуры. Точно он хотѣл сказать, что все это очень преувеличено, что ничего хорошаго тут нѣтъ, что радоваться собственно нечему. А вот рядом собрались калѣки, нищіе, уроды, — эти, напротив, изображены очень наглядно. По срединѣ фресок летит смерть. Обратите на нее вниманіе, я такой смерти не видѣл ни на одной картинѣ. Обыкновенно, смерть рисуют дряхлой старухой с косою. Здѣсь она здоровенная злая баба. Калѣки, нищіе и уроды простирают руки к атлеткѣ-смерти. И по милому, простодушному обычаю того времени, художник, очевидно не очень вѣря в свою изобразительную силу или в понятливость зрителей, пояснил мысль еще словами, — видите, тут помѣщены стишки, вѣроятно, его собственнаго сочиненія: «*Dacche prosperidade ci ha lasciati, — O Morte, Medicina d'ogni pena, — Deh vieni a darne omai l'ultima Cena!...*». Однако смерть знать не хочет калѣк, нищих и уродов. Минуя их, она летит к тѣм невеселым прожигателям жизни, к не очень красивым богатым дамам, за которыми волочатся не очень привлекательные богатые юноши. Не думаю, чтобы это была благочестивая мысль. Скорѣе здѣсь можно усмотрѣть насмѣшку. Но вот — настоящій центр картины. Три

короля, в сопровожденіи любовниц, слуг, пажей, ѣдут на охоту или, быть может, на “оргію”. Перед ними на дорогѣ — три открытых гроба. В гробах мертвые короли в разных степенях разложенія: один сгнил совершенно, другой — наполовину, по его тѣлу ползает змѣя, третій — стал скелетом. Живые короли в ужасѣ останавливаются перед тѣлами мертвых... Как хорошо для этого Орканья, что в его время не было ни газет, ни рецензентов. Если бы что-либо подобное написал я, меня забросали бы ироническими вопросами: что за короли? Почему такая симметрія: три живых, три мертвых? Почему гробы стоят на дорогѣ? Откуда взялась змѣя? Почему поэт пишет чепуху? Но прежде всего, сказали-бы, конечно, что только циник, только человѣкъ, любящій копаться в грязи и тлѣніи, мог избрать подобный сюжет, — кто-же не знает, что люди смертны и что мы всѣ умрем... Мысль эта была не так нова и во времена Орканья, но его за подобный сюжет, вѣрно, не бранили...

— Вы не хотѣли бы, однако, Байрон, — сказала, смѣясь, Тереза, — чтобы он на стѣнѣ кладбища изобразил какой-нибудь веселенькій сюжет!

— И я тоже не склонен к веселеньким сюжетам.

— Но вы все-таки не пишете фресок на кладбищѣ!

— Двусмысленныя, соблазнительныя, злыя фрески! Что тут сказано? Может быть, живые короли, увидѣвъ мертвых, раскаялись и стали отшельниками? Нѣтъ, они, вѣроятно, поѣхали дальше на свою оргію или на охоту. Видите, с каким отвращеніем один из них смотрит на гробы: скорѣй бы отѣхалъ подальше! И он совершенно прав: это настоящій король! Умрешь, — пусть и от тебя убѣгают другіе, ничего другого из гробов не слѣдует. Я увѣрен, он не умрет смертью, которую называют естественной, — точно э т о может быть естественным, — и точно “естественная” чѣм-то лучше: она хуже во сто крат! Настоящій король найдет с в о ю могилу... Вы не думаете?

— Я думаю, что сторож у ворот больше всего мечтает о том, как бы мы ушли возможно скорѣе.

— Исполним его желаніе: он останется один, со своими фресками, со своими покойниками, со своей палестинской землей. Вы знаете, ученые установили, что в землѣ этого кладбища тѣла истлѣваютъ вдвое быстрѣе, чѣмъ во всякой другой. И еще удивительно: позднѣе всего в землѣ на мертвомъ тѣлѣ истлѣваютъ волосы и зубы, — то, чего живой человѣкъ лишается всего раньше...

— Ради Бога! Ради Бога! — сказала она, морщась с отвращеніемъ.

— Простите меня. Пойдемъ отсюда, там на площади веселѣе. Вы слышите, поютъ пѣсни.

Выходя, он сунулъ сторожу золотую монету. Графиня Гвиччіоли только вздохнула: знала, что и денег не так уж много, и что не всегда он бываетъ столь щедр, — вѣрнѣе, борется со своей природной скупостью. Сторож проводилъ ихъ с низкими поклонами, с “эччеленца”. На площади, по случаю праздника, бойкій бродячій пѣвецъ пѣлъ старыя пизанскія пѣсни. Они едва нашли мѣсто за столикомъ; лакей, не спрашивая, принесъ бутылку вина и мороженое. В послѣднее время Байрон почему-то полюбилъ эту невзрачную кофейню, дешевенькое бѣлое вино, которое даже не имѣло названія.

— «Voi siete la più bella creatura — Venuta dal cielo in terra cristiana», — повторилъ онъ слова пѣсни. — Какъ дальше? Я не разобралъ словъ.

— «Tutte le stelle non si lascian vedere, — Tutte le belle non si posson avere», — пропѣла она вполголоса. ” Вы огорчены? У васъ было ихъ, вѣрно, не болѣе тысячи?.. Правда, прелестная пѣсня? Она очень, очень старая...

— Можетъ быть, пятьсотъ лѣтъ тому назадъ Андреа ди Чіоне, прозванный Орканья, на этой площади, передъ этимъ соборомъ, передъ этой сумасшедшей башней, в такой-же вечеръ, со столь же прекрасной женщиной, слушалъ эту же пѣсню, потрудившись в теченіе дня надъ “Торжествомъ

смерти”, и его дама подшучивала над ним: зачѣм морочишь людей? Ни о каких мертвых королях ты не думаешь, а думаешь о бѣлом винѣ, о славѣ, о дукатах.

— Тогда уж и “обо мнѣ”. Но мы опоздаем к обѣду, Байрон, — сказала Тереза, испугавшись, что, снова вспомнив об Орканья, он начнет длинный монолог. Он посмотрѣлъ на нее, улыбнулся, окинул взглядом собор, “батисте-ро”, наклонную башню и подумал, что незачѣм себя дальше обманывать: ему в самом дѣлѣ надоѣла Италія, в которую он влюблен, ея памятники, ея дворцы со звучными названіями, картины и фрески, наклонныя и не-наклонныя башни; надоѣла и комедія с графиней Гвиччіоли, и все надоѣло просто, без байронизма, и уж если гдѣ жить, то все-таки у себя в Англій.

— ..Вы говорите: безсмертіе души, — сказал он, хоть она ничего такого не говорила. — Знаю, я воспитался на книгах восемнадцатаго столѣтія, которыя уже стали пошловатыми, а скоро станут совсѣм пошлыми — впредь до их возможнаго воскресенія. Я сам человек 18-го столѣтія. Это придает и мнѣ, и моим мыслям, и моим разговорам скучную трезвую сухость, которой нѣтъ в моих стихах, от чего они, впрочем, не становятся лучше. Мои мысли о безсмертіи души вы угадываете, я не стану повторять общія мѣста. Но должен сказать, безсмертіе души я принял бы скорѣе как наказаніе: я не так доволен собственной душой.

— А тѣлом? — спросила она себя и, увидѣвъ по выраженію его лица, что замѣчаніе ему не понравилось, огорчилась. Разговаривать с ним было так трудно. — Не сердитесь, Байрон: я вѣдь постоянно говорю глупости.

— Я и сам часами несу ерунду, — сказал он, вдруг засмѣявшись добродушным, почти дѣтским смѣхом. — Да и сейчас я высказывал вам о вѣрѣ, об искусствѣ мысли самодовольныя, скучныя, сухія. О вѣрѣ, по моему, не должны говорить ни вѣрующіе, ни невѣрующіе люди. Об искусствѣ-же мои сужденія мѣняются каждый день. Я занимаюсь искусством чуть не двадцать лѣтъ и совершенно не

знаю, что это такое. Но знаю твердо, что меня искусство уже удовлетворить не может: ни мое, ни даже чужое, самое лучшее. Человѣкъ не создан для того, чтобы писать стихи или сказки. Надо дѣлать дѣло? А если ни в какое дѣло не вѣришь, что тогда?

— В самом дѣлѣ, что тогда?

— Тогда надо жить со дня на день. Или, когда станет уж очень гадко, найти с в о ю могилу, к о р о л е в с к у ю, — произнес он, помолчав.

— Больше никогда не буду ходить с вами на кладбище, — сказала она, разсердившись полуискренне, полупритворно. — “Могила, могила”, что можно новаго и умнаго сказать о могилѣ! Вам надо творить: вы первый писатель міра, вы так знаете людей, друзья ваши говорили мнѣ, что вы читаете в душах как в книгѣ.

— Как в книгѣ! — с комической торжественностью подтвердил он и подумал, что друзья совершенно правы, что, главным образом, поэтому жизнь его так тяжела, так скучна и становится все скучнѣе и тяжелѣе. Подумал также, что читать в птичьей душѣ графини Гвиччіоли не очень трудно, но вслух читать незачѣм. Подумал, что сошлась она с ним из-за счастливаго обычая: у них молодым замужним женщинам, особенно при старом мужѣ, полагается имѣть *cavaliere servante*, и он превосходный *cavaliere servante*: богатый, знаменитый, знатный, красивый; а когда он исчезнет, то появится слѣдующій, похуже, ибо она станет старше. Роковая же страсть изображается по модѣ, им самим в мірѣ введенной. Слѣдующій будет уже вѣрно по другой модѣ.

— Скажите, скажите, Байрон, что вы во мнѣ видите? — спросила она, улыбаясь.

И слова ея, и к о к е т л и в а я у л ы б к а, и весь глупый разговор были ему привычны - противны. Он изобразил на лицѣ роковую страсть и повторил страстным шопотом: «*Voi siete la più bella creatura — Venuta dal cielo*

in terra cristiana...». Она подарила его нѣжным
взлядом. “Теперь настоящий *cavaliere servante*»...

XI

Горцог Веллингтон давал обѣд в честь короля. Георг IV, в бытность свою принцем-регентом, охотно принимал приглашенія в частные дома. У себя он устраивал три рода приѣмов. На большіе приѣмы посылались обер-камергером официальные приглашенія, отпечатанныя на огромных листах картона, и являться надо было в придворных костюмах. Затѣм были приѣмы средніе, с приглашеніем не отпечатанным, а писанным рукой секретаря, — гости приходили во фраках. И, наконец, иногда устраивались во дворцѣ малые приѣмы, человѣкъ на пять или на шесть, которым письменных приглашеній не посылалось: к ним приходил дворцовый лакей и устно просил, “если у них нѣтъ ничего лучшаго”, прійти к его высочеству поужинать, за-просто, не одѣваясь: будут только свои. Устные приглашенія считались особой честью, и получали их только избран-ные лица.

С тѣх пор как принц-регент, со смертью Георга III, вступил на престол, этикет стал болѣе строгим. Новый король почувствовал с годами усталость. Он свои шестьдесят лѣтъ прожил очень весело. Повліяла на короля и исторія с женой. Послѣ развода с ней, его популярность значительно уменьшилась; при проѣздѣ по улицам Лондона, он не слышал радостные возгласы: «Where's your wife, Georgy?...»^{*)}). Затѣм жена его скончалась; к собственному его изумленію, на нем отразилось и это, хоть он совершенно ея не выносил. Георг IV вдруг очень потолстѣлъ, отяжелѣлъ, обрюзг. Ему тяжело было смотрѣть на свои портреты в молодости, писанные в тѣ времена, когда он считался красавцем и, под прозвищем “перваго джентльмена Европы”, сводил с ума красивѣйших женщин міра.

^{*)} «Джорджи, гдѣ твоя жена?»

Новая фаворитка, маркиза Конингэм, пришедшая на смѣну лэди Хертфорд, старалась не отпускать его в общество. Да и сам он ее покидал неохотно, смутно-тревожно предполагая, что эта старческая любовь (без ужаса и подумать было невозможно). — послѣдняя любовь его жизни. Собираться с людьми, даже пріятелями, без женщин, стало ему скучно и тягостно. Однако, изрѣдка все же приходилось принимать гостей и ѣздить в гости. Подражая королю, малые пріемы в его честь устраивали знатнѣйшіе сановники Англіи.

Отказаться от приглашенія побѣдителя при Ватерлоо было почти невозможно. Вдобавок, Веллингтон недавно купил новый великолѣпный дом, Apsley House, и желал его показать. Георг IV и вообще недолюбливал герцога. При мысли же о том, что придется осматривать и хвалить разныя сокровища и достопримѣчательности, дурное настроеніе короля усилилось. Ему достаточно надоѣли и собственные, и тѣм болѣе чужіе дворцы, картинныя галереи, стильная мебель, коллекціи фарфора, старинное серебро. Если-б дѣло было зимой, можно было-бы сказать, что при свѣчах нельзя ничего оцѣнить по достоинству. Но в августѣ в семь часов вечера еще было свѣтло, как днем. Король понимал, что хозяин его не пощадит и покажет рѣшительно все.

Достопримѣчательности начались уже в холлѣ. Георг IV покорно остановился перед огромной статуей; это был Наполеон Кановы с земным шаром в рукѣ. Хозяин дома рассказал исторію сокровища. "...Когда же лорд Бристоль сказал скульптору, что земной шар недостаточно велик по размѣрам статуи императора, Канова отвѣтил: «*Vous pensez bien, mylord, que la Grande Bretagne n'y est pas comprise*». Король слабо улыбнулся. Отвѣтъ показался ему довольно забавным; однако он подумал, что, если не только осматривать произведенія искусства, но еще выслушивать по их поводу историческіе анекдоты, то обѣдать вообще не придется.

Георг IV пошел дальше тяжелой, переваливающейся походкой. Почти не глядя на вещи, почти не слушая объяснений, он, как при открытии разных музеев, повторял, в зависимости от предмета: “Это поистинѣ прекрасно” или “Очень, очень интересно”. Увидѣвъ в зеркалѣ свою грузную фигуру, помятое, теперь совсѣм старческое, лицо, король только вздохнул. Он по-прежнему одѣвался лучше всѣх в Англіи; по-прежнему платил портным десятки тысяч фунтов в год; по-прежнему знал, что, если сегодня криво застегнет пуговицу или воткнет носовой платок в туфлю, то завтра то же сдѣлает весь Лондон. Но теперь ему было ясно, что все это ни к чему.

За ним почтительно слѣдовали хозяин и гости: маркиз Лондондерри (его по старой памяти все еще называли лордом Кэстльри), русскій посол, граф Ливен, и еще три человека, — Георг IV не помнил одного из них: знал его в лицо, знал, что этот гость был в свое время представлен (иначе он не мог бы быть приглашен на обѣд), знал, что фамилія гостя значилась в списокѣ приглашенных, и все-таки не мог вспомнить, кто это. “Плохой признак, старость”, — хмуро подумал он: память у него вообще была профессиональная, очень хорошая. По облику гостя король понял, что это дэнди (больше не говорили «beau»). самого послѣдняго образца: он был нехорошо одѣтъ, ногти у него были длинные, волосы немного растрепанные, вид болѣзненный, разсѣянный и роковой, — Георгу IV было извѣстно, что новая мода эта создавалась в подражаніе сумасшедшему поэту Байрону, тому, который находился в любовной связи с собственной сестрой. “Да, странное, странное время!” — сердито думал он, вспоминая себя и друзей своей молодости, Фокса, графа д’Артуа, так худо кончившаго Филиппа-Эгалитэ. Когда из разговора фамилія гостя выяснилась, король пожал плечами. Это был обыкновенный, ничѣм не замѣчательный лорд, дальній родственник Веллингтона, — очевидно, герцог хотѣл его угостить королем. “Но кѣм-же он угощает меня!..” Георг IV,

от природы человек умный, хорошо знавший общество, перевидавший всевозможных знаменитых людей, больше никѣм вообще не интересовался и ни для кого себя не утруждал. Разговоры на серьезныя темы были еще хуже глупых разговоров. Сам он говорил почти всегда одно и то же: так проще, и незачѣм стараться, и совершенно неинтересно, что о нем подумают Веллингтон, Кэстльри, растрепанный лорд, да и вообще кто-бы то ни было.

Хозяин давал объясненія, и по его интонаціям был виден чин художника: Сальватора Розу он представлял королю не так, как Мурильо, а Мурильо не так, как Тиціана. Гости вставляли замѣчанія, и Георг IV видѣлъ, что они ничего не понимают в искусствѣ. Сам он знал толк в картинах; в другое время, в лучшем настроеніи духа, быть может, кое-что посмотрѣлъ бы в этом домѣ: наряду с плохими картинами и поддѣлками, тут были превосходныя вещи. Но ему не хотѣлось доставлять удовольствіе Веллингтону, и ничего, кромѣ “Это поистинѣ прекрасно” и “Очень, очень интересно”, он так из себя и не выдавил. Позабавило его и вмѣстѣ раздражило, что Наполеон был в Apsley House’ѣ буквально на каждом шагу, во всѣх видах, — скончавшійся в прошлом году император был в Лондонѣ вообще в большой модѣ. При видѣ картины Уилькиса, изображавшей, как англійскіе инвалиды читают в газетѣ сообщеніе о битвѣ при Ватерлоо, король подумал, что картина неважная и что вывѣшивать ее Веллингтону не слѣдовало бы. Когда же дѣло дошло до часов Типпу-Саиба, захваченных послѣ взятія Серингапатама, Георг IV так открыто и рѣшительно зѣвнул, что хозяин тотчас повел гостей к столу.

— Ваши русскія идеи у меня сегодня побѣждают, как вы увидите, лишь наполовину, — сказал он русскому послу, смѣясь и показывая на стол. Его слова относились к революціи, которая происходила в мірѣ в вопросах сервировки. Старыя, французскія правила тут боролись с новыми, русскими. Во Франціи, а за ней во всей Западной Европѣ, при

-

званных обѣдах на огромный стол ставились сразу десятки самых разных блюд, под крышками, под колпаками, на жаровнях. Однако в послѣднее время стала распространяться русская мода: блюда приносились в столовую из кухни одно за другим. Между знаменитыми поварами, мэтр-д-отелями, гастрономами шел ожесточенный спор о недостаткѣ и преимуществах новой моды, *assiettes volantes*. На столѣ герцога Веллингтона стояли золотыя и серебряныя блюда, но их было не так много, и ясно было, что это не весь обѣд. — Сегодня мой шеф придумал «*dîner tout en boeuf*», — пояснил герцог. У короля вытянулось лицо.

— Я знаю эту штуку. Идея Элю, да? Карем всегда это отрицал, — сказал он довольно угрюмо. Рѣчь шла тоже о новой модѣ, вѣрнѣе, о возрожденной модѣ времен Людовика XV: многочисленныя блюда обѣда готовились из одного и того же мяса. Георг IV взял меню и прочел с хмурым видом. Там значились: «*potage à la jambe de bœuf*», «*alimelles de palais de bœuf*», «*petits pâtés de bœuf*», «*poitrine de bœuf à la Hongrie*», «*gâteau de graisse de bœuf*», «*griblettes de bœuf*», «*hatereaux de boeuf*», «*clarquet de jus de bœuf*» и еще какія-то мало понятныя блюда, все из *bœuf*. — У меня тоже был как-то «*souper tout en cochon*»... Герцог пояснил разочарованным гостям, что *dîner tout en bœuf* составляет только часть обѣда; остальное напечатано на другой сторонѣ меню. Король заглянул и просвѣтлѣл: жаловаться на вторую часть обѣда никак не приходилось.

— Это меню сдѣлало бы честь самому Камбасересу, великому архиканцлеру покойнаго Наполеона, — сказал Ливен.

— Ах, не говорите мнѣ об этом человѣкѣ, — отвѣтил герцог. — В Парижѣ он пригласил меня к себѣ на обѣд, и я имѣл неосторожность ему сказать, что не очень интересуюсь ѣдой. — “Чѣм-же вы интересуетесь?” — закричал он, — “и зачѣм-же вы ко мнѣ пришли?”

Король улыбнулся, гости засмѣялись. Лакеи подали

мадеру в золотых кубках, она была превосходна. Растрепанный лорд сказал, что гораздо лучше начинать обѣды не с хереса, а именно с мадеры, — “особенно если с такой, вѣдь это Мальвазія бабоза?” Граф Ливен высказал мнѣніе, что обѣды надо начинать с русской водки, которая лучше всякой мальвазіи бабоза, “и вдобавок стоит не два фунта бутылка, а пять или шесть пенсов”. Король, смѣясь, замѣтил, что Карем бѣжал от императора Александра и перешел к нему на службу оттого, что не мог вынести этого варварства: перед началом обѣда люди убивают чувствительность неба, глотая залпом разбавленный водою спирт; а затѣм из кухни, откуда итти в столовую не меньше пяти минут, приносят одно за другим стынуція по дорогѣ блюда!

— Я высказываю не свое мнѣніе, а мнѣніе великаго Карема, — сказал он Ливену. — Впрочем, великій Карем сбѣжал и от меня. Он так мнѣ и об’яснил: король поваров может творить только в Парижѣ.

Разговор начался очень хорошо. Настроение короля стало улучшаться, особенно когда разныя *griblettes de bœuf* были убраны и начался настоящій обѣд. Однако, к концу, послѣ шампанскаго (никаких тостов на малых пріемах не полагалось) произошел не совсѣм пріятный инцидент. Король заговорил на военные темы, которыя очень любил. Он высказал мнѣніе, что первая пѣхота в мірѣ — русская. Наступило молчаніе. — “Послѣ пѣхоты Вашего Величества”, — отвѣтил очень холодно герцог Веллингтон. — “Ну, какая же у нас пѣхота! Наша кавалерія это, пожалуй, другое дѣло!.. Думаю, однако, что, при столкновении с французской арміей, в случаѣ равных сил, мы непремѣнно должны потерпѣть пораженіе, правда?” — “Я не могу согласиться и с этим мнѣніем Вашего Величества”, — ледяным голосом произнес хозяин дома. Король так озлился, что стал хвалить военные таланты генерала Англьси. Нельзя было задѣть Веллингтона чувствительнѣе: в военных кругах многіе приписывали не ему, а лорду Англьси, честь

побѣды при Ватерлоо. Гости переглянулись. Граф Ливен поспѣшно заговорил о предстоящем в Веронѣ международном конгрессѣ, составлявшем главную злобу дня.

Маркиз Лондондерри, бывший лорд Кэстльри, не сказал почти ни одного слова за весь вечер. Он и вообще был не очень разговорчив, но на этот раз его молчаливость и измученный вид обратили на себя общее вниманіе гостей. Хозяин дома раза два пытался вовлечь его в разговор; министр отвѣчал кратко “да”, “нѣтъ”, и то невпопад. Он мало ѣл, зато пил в этот вечер нѣсколько больше обычного, хоть гораздо меньше, чѣм другіе гости. Когда разговор зашел о Веронском конгрессѣ, министр иностранных дѣл вдруг оживился, но оживился, как потом вспоминали гости, нѣсколько странно.

— Этот конгресс очень, очень опасен, — взволнованно сказал он. В его словах ничего особенно удивительнаго не было. Однако, голос и вид министра были таковы, что гости с недоумѣніем на него взглянули.

— Почему-же? — спросил Веллингтон. — Вы сами, дорогой друг, не раз мнѣ говорили, что предпочитаете систему непосредственных встрѣч и переговоров с иностранными монархами и государственными людьми. Вы указывали, что она удобнѣе дипломатической переписки и дает лучшіе результаты. А я всегда думал, что нужно выбирать меньшее зло. «In all circumstances the duty of a wise man is to choose the lesser of any two difficulties which beset him», — повторил он ту же мысль в афористической формѣ и оглядѣл гостей.

— Я вам говорю, что ѣхать в Верону опасно, — повторил Кэстльри, — очень, очень опасно.

— В каком же смыслѣ? — осторожно спросил граф Ливен.

Министр иностранных дѣл пробормотал что-то невразумительное. “Заговор, заговор!” — произнес он и оглянулся в сторону окна. Гости насторожились. Веллингтон сказал, что поѣздка в Италію очень утомительна.

— Не для желѣзнаго герцога, надѣюсь? — спросил король, желавшій перед уходом загладить свои нелюбезныя замѣчанія.

— Увы, и я, Ваше Величество, начинаю чувствовать тяжесть лѣтъ.

— Я знаю, что вы родились в один год с Наполеоном, — сказал король. Граф Ливен спросил хозяина, видѣл-ли он когда-либо Наполеона. — “Никогда. Но в самый разгар Ватерлоо я вдруг услышал совсѣм близко от себя крики: «Vive l'Empereur!...». Помню, я тогда стоял под деревом, на перекресткѣ двух дорог...”. Георг IV подавил зѣвок и подумал, что все-таки, в былыя времена, обѣды с Филиппом-Эгалитѣ бывали веселѣе. Он знал, что о Ватерлоо герцог рассказывает долго; зато рѣшил минут через пять послѣ окончанія разсказа проститься и уѣхать к маркизѣ Конингэм. — ...“Думаю, что он был от меня тогда совсѣм близко. Мнѣ очень жаль, что я никогда его не видѣл. Всѣх знаю, а его никогда не видал”.

— “Всѣх” можно будет увидѣть в Веронѣ. Положительно, туда собирается весь Лондон, — сказал Ливен.

— Да, но лошади? Гдѣ достать надежных лошадей? — вскрикнул маркиз Лондондерри. Хозяин взглянул на него уже с тревогой. “Кажется, ровесник Наполеона начинает понемногу выживать из ума”, — подумал король и рѣшил, что можно уѣхать и сейчас. Он встал, поднялись всѣ гости, вопрос министра иностранных дѣл остался без вниманія.

Во холлѣ повеселѣвшій король наговорил любезностей Веллингтону. Георг IV умѣл быть очаровательным, когда хотѣл. — “Конечно, это была с моей стороны большая смѣлость спорить о военных предметах с Вашей Свѣтлостью”, — сказал король на прощанье, крѣпко пожимая руку хозяину. “Нѣтъ, все-таки он прекрасный человек, совершенный джентльмэн и гордость Англіи”... — “Напротив, замѣчанія Вашего Величества показались мнѣ чрезвы-

чайно интересными”, — отвѣтил почтительно желѣзный герцог.

Гости, смѣясь, еще поговорили о лэди Конингэм (ее в Лондонѣ называли просто «the lady»), об ея предшественницѣ, лэди Хертфорд, об их острой ненависти друг к другу, о том, насколько достойнѣ вела себя в свое время, получив отставку, госпожа Фицгерберт. Первый встал граф Ливен, за ним поднялись другіе гости. Маркиз Лондондерри, повидимому, еще не собирался уходить. — “Вот это мило, дорогой друг”, — сказал хозяин дома, — “мы с вами допьем портвейн 1788 года, оставленный нам безумцами”... Граф Ливен почему-то взглянул на маркиза Лондондерри.

Проводив гостей, Веллингтон с непріятным чувством вернулся в столовую. Лорд Лондондерри сидѣл, откинувшись на спинку стула, неподвижно глядя в сторону окна и вертя в руках фруктовый ножик. Безпокойство хозяина усилилось. Он изобразил на лицѣ преувеличенную радость; при его совершенной правдивости, это не очень ему удалось.

— Я думаю, не стоит переходить в гостиную? Здѣсь отлично, неправда-ли, старый друг? Выпьем еще портвейна, он недурен.

Маркиз Лондондерри ничего не отвѣтил; он все вертѣл ножик, глядя лезвіе пальцем.

— Теперь так трудно доставать настоящій портвейн, без примѣси этой проклятой д ж е р о п и г и, — сказал хозяин. — Вы знаете, что такое джеропига? — Лондондерри встал, подошел к окну и вернулся с ножиком на свое мѣсто. Веллингтон безпокойно слѣдил за ним взглядом. — Нѣтъ, дожда нѣтъ.

— Это Джон, — сказал министр иностранных дѣл, — я так и знал: Джон тут.

— Какой Джон? — мягко спросил Веллингтон.

— Мой кучер. Вѣдь это он ее настраивает против меня.

— Кого?

— Ее. Гнѣдую лошадь.

Хозяин дома испуганно замолчал. Он еще не отдавал себѣ яснаго отчета в том, что произошло, но чувствовал, что случилось нѣчто очень, очень нехорошее. “Может быть, он пьян? Однако, эти глаза!..” В полном замѣшательствѣ, Веллингтон зачѣм-то отодвинул стул, снова его придвинул, переставил бокал. “Что же надо теперь сдѣлать?..” Такого случая в его жизни никогда не было.

— В портвейн они обыкновенно подбавляют какую-то аптекарскую дрянь, которая называется джеропига, — произнес он послѣ долгаго молчанія. Помолчал еще и высказал мнѣніе, что политика изнуряет людей, как война. — Да тут еще эта свѣтская жизнь. Я сам часто чувствую себя переутомленным. И знаете, что я тогда дѣлаю, дорогой друг? Я первым дѣлом иду к нашему милому доктору Бэнкхеду. Он меня посылает в Брайтон или в деревню, и через двѣ недѣли я возвращаюсь в Лондон другим человѣком...

— Вы возвращаетесь в Лондон другим человѣком, — задумчиво повторил гость.

— Да... Этот доктор творит чудеса и с настоящими больными, тогда как просто усталые люди...

— Какой хорошій ножик! — перебил его лорд Лондондерри. — Какой хорошій ножик! Вы обратили вниманіе, какой ножик?

— Вам нравится? Этот сервиз мнѣ поднесли послѣ сраженія при Талаверѣ, — сказал Веллингтон, стараясь говорить особенно вразумительно. — По поводу этого сраженія мнѣ вспоминается один интересный случай...

— При Талаверѣ? Да, при Талаверѣ... Это какой год?

— 1809-ый год, — тихо сказал хозяин дома.

— Этот нож шеффильдской работы! Я убѣжден, что это шеффильдская работа!

— Очень может быть, хотя...

— Шеффильдскія бритвы — самыя лучшія в мірѣ. Я всегда пользуюсь шеффильдскими бритвами, но мой ма-

ленькій ножик куда-то пропал! — сказал с ужасом в голосѣ лорд Лондондерри. Веллингтон взглянул на него и тотчас, поблѣднѣвъ, опустил глаза.

— Ах, у вас пропал нож? Цѣнная вещь?

— Нож пропал, тот нож! Развѣ вы не видите, как я плохо выбрит? Всѣ замѣтили, всѣ! Король тоже!.. Видите, вот волосы и вот здѣсь!

— Напротив, вы выбриты превосходно, как всегда... Но я говорил, кажется, о докторѣ Бэнкхедѣ, — начал снова Веллингтон и остолбенѣл: маркиз Лондондерри опустил палец в стакан с портвейном, провел пальцем по шеѣ и стал пробривать горло фруктовым ножиком.

Так они просидѣли минуты три или четыре. Веллингтон думал, что произошла катастрофа, послѣдствія которой еще нельзя охватить; думал, что надо немедленно, не теряя ни секунды, обратиться к доктору Бэнкхеду, взявъ с него клятву молчать; думал, что э т о могло случиться в присутствіи короля; думал, что, быть может, русскій посол уже что-либо замѣтил...

Швейцар громовым голосом вызвал коляску маркиза Лондондерри. К под'ѣзду подкатила карета, запряженная гнѣдыми лошадьми. — “Это она! Лѣвая! Вот она!” — закричал в ужасѣ министр. Веллингтон грозно оглянулся на испугавшагося швейцара, взял своего друга под руку и велѣл кучеру ѣхать домой: “Мы хотим пройтись пѣшком”.

По дорогѣ он вразумительным тоном, с разстановкой и повтореніями, говорил о докторѣ Бэнкхедѣ, о преимуществах сельской жизни, о том, что самому крѣпкому человѣку бывает нужен отдых. — “Я совѣтовал бы вам даже отказаться от поѣздки в Верону. Если хотите, я могу вас там замѣнить... А вы, дорогой друг, это время провели бы в вашем чудесном Крэй-фармѣ”. — Он говорил мягким успокоительным голосом и, по своей природной жизнерадостности, почти начинал вѣрить, что, может быть, в самом дѣлѣ все окажется пустяками. “Головокруженіе, прилив

крови к мозгу, мало-ли что!" — "В Верону я охотно с'ѣзжу вмѣсто вас, если, как я надѣюсь, вы мнѣ довѣряете", — повторил он. Вдруг у фонаря министр иностранных дѣл повернулся и, задыхаясь, прошептал: "Вы ее не знаете! Она способна на все!.." Увидѣвъ глаза Кэстльри, его блѣдное, искаженное, безумное лицо, Веллингтон похолодѣл и отшатнулся, едва не вскрикнув. Им овладѣл ужас, подобнаго которому он не испытывал никогда в жизни. Они пошли дальше. "Все надо скрыть! Все!" — мелькало в головѣ у Веллингтона. Но он уже понимал, что скрыть трудно, что скрыть невозможно, что через недѣлю всѣм станет извѣстно: Англіей правил сумасшедшій! Англіей правит сумасшедшій!

Лэди Лондондерри уже цѣлый мѣсяц находилась в Крэй-Фармѣ. Герцог Веллингтон пошептался с камердинером, глядя на него страшными глазами, затѣм особенно крѣпко пожал руку своему другу и вышел. Оставшись один на улицѣ, он вздохнул с облегченіем и, все еще вздрагивая, поспѣшно отправился к доктору Бэнкхеду.

На его сильные, властные удары молотком — стучит герцог Веллингтон, — не сразу отворила дверь молодая, хорошенькая горничная. Она обомлѣла, узнавъ посѣтителя. Доктора Бэнкхэда не было дома. Веллингтон задумался, затѣм рѣшительными шагами направился в кабинет. Он был так взволнован и разстроен, что против своего обычая не оглядѣл красивой горничной и не улыбнулся ей. Герцог написал Бэнкхеду записку: лорд Лондондерри заболѣл и нуждается в немедленной помощи. «*I have no doubt he labours under mental delyrium*»*), — писал он своим твердым отчетливым почерком. Горничная растерянно зажига-

*) «Не подлежит сомнѣнію, что он работает в состояніи помѣшательства».

ла в кабинетъ одну свѣчу за другой, бросая взгляды на гостя, заранѣе мечтая о том, как завтра всѣм расскажет, что у них был желѣзный герцог и что она тотчас его узнала. Веллингтон потребовал сургуч и тщательно запечатал листок: нельзя было оставлять открытой записку, содержащую в себѣ государственную тайну.

М. Алданов

(Окончаніе слѣдует)

Канун войны. Безпамятство. Предѣл.
В послѣдній раз пустынная дорога.
Осенній теплый вечер догорѣл,
Как наша жизнь у этого порога.

Кому теперь и через сколько лѣтъ
Приморскія, встревоженные сосны
Здѣсь прошумят, как нам с тобой, в отвѣтъ,
Глубокой ночью вѣтряной и росной?

Какой пришлец откроет этот дом,
Гдѣ много мы терзались и любили,
И наши розы, под большим окном,
Такими-ль будут, как когда-то были?

Пора. Пора. Но сил произнести
Мучительное слово "разставанье"
Нам никогда с тобою не найти
В безслезности послѣдняго касанья

Екатерина Таубер

ЧЕРНЫЙ ВѢТЕР *)

Андрей шел быстро. Он не мог отдѣлаться от мучительнаго ощущенія горѣнія. Вся душа в нем была залита злом. Мысль металась между Милицей и Васькой, которым легче всего было причинить боль. Он говорил про себя обидныя, злыя слова, занозами вонзавшіяся в душу.

Он чувствовал в себѣ зло, как отдѣльное тѣло. Оно спирало дыханіе, заливало голову и тяжелым металлом осѣдало в душѣ. Он ловил себя на нелѣпости этого внутренняго с'ѣданія, старался разрядить мысль, направить ее в другую сторону. Но она моментально возвращалась, подчиняя его себѣ цѣликом. И, как всякую силу, он ощущал ее в себѣ со сладострастіем, взвѣшивая, кто окажется сильнѣе, кто побѣдит.

— Грѣх... Грѣха нѣтъ! Дура! Когда он дышет во мнѣ, распирает, катышком к горлу поднимается, смрадной отравой в крови живет. Нѣтъ грѣха!.. Да он, как вербный чорт, во мнѣ движется! Только пальцем нажмешь — бѣснуется!..

Андрей остановился около срубленнаго дерева и пихнул изо всѣх сил столѣтній пенъ. Потом поставил на него ногу и стал шарить по карманам, ища табак.

Кольцами выступали коричневые отложенія на замшѣлом срубѣ, круг за кругом, замыкая малыя в большія. молодыя в старыя.

— Вот и во мнѣ от грѣха такая же роспись осталась.

*) См. «Русскія Записки» — Декабрь.

--- Подумал он успокоеннѣе. — Первая точка --- в двѣнадцать лѣтъ. А за ней круги. Каждый год узнать можно... Смердит к тому же. Хоть я и приняхался.

И вдруг снова потемнѣло в мозгу, точно от вина. Вспомнил, как Милицѣ о насиліях рассказывал, и опять зажглась злоба, потекла до конца пальцев, сжатых в кулак. И он знал, что пока не перегорит до тла, до кучи грязного пепла, — не затихнет.

— Погоди ж ты, птицелюбка. Докатится и до тебя моя слава... Пусть ищут отвѣтчика до четырех границ. Чорта с два...

Он хотѣл пойти дальше, но не мог. Вѣтер несея, завывая, катя красный песок из пустыни. Дикая усталость смѣнила упавшее бѣшенство. Он опустился на пень. Мысли бродили путанья, сцѣплялись одна с другой.

--- Сирокко дует... из Африки... ноги мягкыя стали. В Венеціи, когда сирокко дует, убійц оправдывают...

На землѣ, на листьях деревьев красной пудрой осѣл песок. Дорожка в темнотѣ — под огнем спички — стала розовой. Андрей почувствовал, точно все, что минуту назад болѣзненно вонзалось в каждую складку, — провалилось. Он забыл, что случилось в теченіе послѣдних часов. Хотѣл вспомнить и не мог. Старался сложить в одно шахматный ход ускользающих мыслей и мучительно продолжал искать какую-то утерянную, казавшуюся такой необходимой, мысль. Потом закрыл глаза и застыл.

Медленно заработал остановившійся механизм. Стали выплывать забытыя лица -- гяжелыя, без улыбки. Он старался найти, хотя бы одно, которое улыбалось. Но они казались восковыми — мертвыми. Ему стало страшно. Захотѣлось звуков. В головѣ, как в герметически закрытом аппаратѣ, плотной стѣнной стояла тишина.

Он мучительно искал какое-то нужное слово, чтобы сказать его вслух, но оно не приходило. Тогда, с огромным напряженіем, он стал выбрасывать звуки и повторять, нажимно вдавливая концы слов в воздух:

— “Тушкан”... “Тушкан”...

Потом, ослабляя нажим, как пружину, сводил на еле слышный шопот.

— Туш—кк—а—а—а—н... к—а—а—ан...

Острая собачья морда с прекрасными, как малага, отливающими глазами выплыла перед ним. Неизмѣнный спутник на охотѣ, в тайгѣ, в длинныя ночи, когда, никому во всем мірѣ ненужный, он бродил один с ружьем на плечах, пьяный от свободы и необозримо ставшихся перед ним таежных далей. Тушкан, плакавшій перед его отѣздом загнивающими под глазами в шерсти слезами, Тушкан, готовый разорвать каждого, кто осмѣлился бы тронуть хозяина. А за ним — другой образ, совсѣм, казалось, забытый.

Сибирь. Изба. Старушечій, дребезжащій голос.

“Ах ты, язва огнева... Чихотка холерска... Да чтоб тебѣ сдохнуть!...” — Это хозяйка его избы — чалдонка — сгоняла собаку с порога.

И губы Андрея сложились в улыбку и произнесли затаянно-милое слово: “Назола... Назолушка...” — не зная, кому он его говорил.

С земли поднимался пар. Слиняли послѣднія краски. Вѣтер глушил холодом. А мысль неслась без узды. Вспомнился голос Милицы, пѣвшей псалом, скользнул и пропал. Перед глазами встала забытая, давно утерянная картина

... Холодные плиты. Полутемная церковь. Мальчиком пробирается он, на разсвѣтѣ, озираясь, не слѣдит ли за ним кто-нибудь, не раскроет-ли потаенное, скрытое от всѣх. В церкви темно. Невѣрно дрожат очертанія Распятія. В алтарѣ блеск церковной чаши под огнями лампад. Служит старый священник. Они вдвоем. Хорошо помогать, заледенѣвшими руками. Тайно и благостно. Соншел, голова ясная. Голос звонко выпѣвает слова молитв.

А потом другая — отдѣленная цѣлой жизнью. Церковь. Сибирская, преступными руками каторжан сложен-

ная. И в церковном хору — утренние каноны, Богородичные тропари и Великим Постом, от последней глубины из души, к Богу кинутый зов:

“Покаянія двери отверзи ми...”

Андрей перевел дыханье. Снова увидѣл Милицу, как тогда, со спины, на колѣнях. Как чернильный рисунок, растекаясь, стояла перед зажженным кіотом.

Андрей с трудом оборвал мысль и пошел. Лѣс кончился. Дорога круто повернула. Запахло морем. Нитью пробирался в горах поѣзд, зажигая и гася в воздухѣ огни. Звѣзда упала, вычертила на небѣ слинявшій полукруг. И внезапно каскад ярмарочно переливавших огней, от лилового до бѣлаго, залил глаза, ослѣпил и погас.

Он обогнул бухту. На водѣ перекрещивались огненные полосы. Синій вырѣз рекламы, купол казино встали перед ним в темнотѣ. Он шел ничего не видя перед собой, кромѣ Милицы. Она появлялась, то наклоненная над птицами, со свѣтлым, остановившимся взглядом, то — колѣнопреклоненная в сумракѣ грота монахиня с одержимыми глазами — крестя его прижатой к груди рукой. И стыд за страх перед женщиной, беззащитно смотрѣвшей на бѣсновашагося в нем звѣря, сплюснулся под злобной мыслью: “Так тебѣ и надо, поповна!..”

Мысль расплылась под гулом голосов — упала. Около рабочего кабачка, под ярко голубой рекламой с кирпичной головой сфинкса, собралась толпа. За столами с картами в руках сидѣли моряки. Из-за стойки, наклонившись над цинком, виднѣлась хозяйка, об'яснявшая что-то сидѣвшему рядом мужу.

На разложенном грязном коврѣ стоял акробат с оголенной грудью. Из-под обтягивавшаго его торс трико нелѣпо торчал горб, возбуждая всеобщее вниманіе. Рядом с ним, ловким звѣрьком проходила на руках дѣвочка, перебирая ладонями по землѣ, пока отец устанавливал трапеціи. И толпа молча наблюдала за их движеніями.

Андрей подошел сзади и через плечи заглянул на

круг. Его поразила какая-то, необычная для бродячих гимнастов, убогость, грязь костюмов и отсутствіе шуток и присказок. Не успѣл он протолкнуться вперед, как кто-то взял его за плечо. Алексѣй Иванович, красный, вспотѣвшій, видимо, успѣвшій изрядно выпить, стоял перед ним.

— Душа-человѣкъ!.. Что ж это ты отчислился? Можно сказать, нутро перегорѣло, тебя ждавши. Дунька — та просто как тѣнь ходит.

— К чорту Дуньку! Ты что тут дѣлаешь?

— Я? В белоту сражаюсь. Видишь, у столика того. Пойдем, выпьем...

Он схватил Андрея за рукав и потащил к столу. Андрей, не очень сопротивляясь, вырвал руку и пошел за ним. Ему хотѣлось пить, и, крикнув, чтобы подали вина, он сѣл за залитый красным соком стол.

— Васька тоже вчера поминал... Говорил...

— К чорту Ваську!

— Да ты что, в самом дѣлѣ, к чертям шлешь? И поговорить ни о чем нельзя.

— Рассказывай-ка лучше — пронюхал что-нибудь?

Медленно подходившіе к толпѣ монегасскіе жандармы и лицо Алексѣя Ивановича, сжавшееся и посѣрѣвшее от испуга, оборвали начатую фразу. Он взял поданную бутылку, откупорил и налил себѣ густое южное вино. Выпил и, молча, закурил. За сосѣдним столом французы играли в карты. Рядом — верхом на стульях — сидѣли партнеры, слѣдившіе за каждым ходом игроков.

Алексѣй Иванович захмелѣл и примолк. Андрей чувствовал, как разливалось жарким теплом вино, как обостренно работала не успѣвшая отяжелѣть мысль. Он смотрѣл на играющих и невольно, в такт движеніям их рук, рассыпались в умѣ его образы: Милица за работой. Блѣдное лицо под свѣчей. Руки, убирающія сосновыми вѣтками кіот. — И чѣм строже был облик, напоминавшій мо-

настырскую службу, тѣм труднѣе было оторвать от нея мысль.

— Небось, спит - нѣжится, забыла бродягу... Подожди, птицелюбка, придет и твой час!..

И, внезапно, обернувшись к Алексѣю Ивановичу, он тронул его за руку и, хитровато подмигивая, полушопотом, сказал:

— А поповну-то — я нашел...

Алексѣй Иванович широко ухмыльнулся, цокнул языком, но, видимо, совершенно не понял, о ком говорит Андрей.

— Поповну? Какую поповну?

— Ну, та, знаешь — святая твоя, с горы...

Алексѣй Иванович долго не мог ничего понять, а потом вдруг хлопнул себя по лбу.

— Русская-то?.. Елки зеленые... Разыскал? Ну, и как же оно? Нѣтъ?... Андрей Иванович — побожись!

— Уж говорю тебѣ — значит, можешь вѣрить. Пока нашел — чуть головы не снес... Ну, а потом, когда улещил, пѣсенька пошла другая.

Андрей не мог остановиться. Он летѣл, словно сорвавшись с горы. Купаясь в грязных словах, переплетая несбывшіяся, смутно бродившія в нем желанія, претворяя их в якобы существовавшую реальность, он грязнил Милицу с упоеніем, похабно и мрачно рассказывал то, чего не было, не сводя глаз с гоготавшаго Алексѣя Ивановича, хлопавшаго себя по колѣням и приговаривавшаго:

— Так ее — стерву и надо!.. Поповна, говоришь? — Так ее — не так...

Андрей вдруг стукнул кулаком по столу. Вино разбудило бѣшенство, и он не знал на кого его направить — на себя или на того, перед кѣм опоганил он птицелюбку.

— Молчи — Алексѣй!.. Молчи, как-будто тебя на свѣтъ нѣтъ! Как-будто ты — моль, тля!..

Алексѣй вдруг в свою очередь разсвирѣпѣл.

— Не желаю молчать! Побаронил ты надо мной!.. Довольно!

— Молчи, говорю, плюгавец! Плюгавить тебѣ в самый раз по рылу.

Алексѣя Ивановича взорвало. Он вскочил и невѣрным шагом полѣз драться. Неожиданное движеніе ошеломило Андрея, словно протрезвив его. Он покорно опустил голову и, не глядя в лицо Алексѣя Ивановича, тихо сказал:

— Разбей мнѣ морду, Алексѣй. На! Тряхани враз.

Алексѣй Иванович остановился, долго смотрѣл изумленными глазами, а потом, покотившись со смѣху, ничего не понимая, стал лупить его по щекам, приговаривая:

— Побаронил и хватит. Пробаронился. Теперь щеки подставил, фронт! Лупи его, Алексѣй! Люстриновый станет.

Он не видѣл, как закрылись на побѣлѣвшем лицѣ Андрея глаза. Он ржал, гоготал пьяным гоготом, изо всѣх сил трескал его по щекам, пока не появились жандармы. Молча указав на упавшую шапку, они сказали какія-то тяжелыя и не дошедшія до сознанія слова. Андрей поднял протрезвѣвшее, почти счастливое лицо и бросил, уходя между жандармами:

— Слушай меня, Алексѣй, посмѣешь еще раз охаять поповну, — голову размозжу... Твой будет послѣдній смертный час...

Послѣ ареста Андрея Дунька долго не находила себѣ мѣста. Она бродила безцѣльно. Скука отравила все ея существо. На дорогѣ, когда Андрей шел между жандармами, кинулась, думала — улыбнется, — а он оттолкнул. И пообѣщала отомстить за обиду. Ходила, жгуче - злыя слова шептала. Бывало, схватится за голову, себя слушает: "Постылый. Разлюбил — из-за кого? Только бы узнать..."»

С'ѣла ее дума, изсосала. Ходит, как потерянная, словами шелестит между губами. А когда недѣля прошла, —

вдруг подумала: “За недѣлю окрика не было. Не обернул, не ударил никто”. И почувствовала свободу, на встрѣчных глаза стала поднимать. Улыбнется кто — отвѣтит уголками рта. А с ним жмурилась, словно лошадь взмыленная, под уздой, головой дергала.

И пошла на фабрику работать, духи дѣлать. Сѣла в угол, поставила в ногах корзину с цвѣтами, стала сортировать. Руками перебирает, головки цвѣтов падают, в головѣ мысли всё вразброд. — “Парфюмерія” слово сладостное: мылом пахнет... Сладость французская... Андрей пихнул бы ногой, раскатил бы все по углам... Парфюмерія... То ли в Сибири — земля!... Черной сметанкой вскормленная. Густая — пахнет!

Дунька взвивала кудерьки и расшвыривала цвѣты около корзины. Видѣлось ей, будто Андрей на нее смотрит, и слова его ясно слышала:

— Замотайся, говорит, Дунька, катушечкой! Я тебя обниму и покатамся. На землю положу ребрышком — схватишь ниточку за один конец и полетим — вниз головой...

Сам смѣется. Зубы бѣлыми зернами снизаны. Дунька тоже голову закинула, смѣется. А потом глаза открыла, потише засмѣялась, глуше, скороговорочкой, и на нѣтъ свела.

Смотрит ей в лицо — только не Андрей, а чужой. Бѣлесый — смѣшняк. — Смѣется. Цвѣты перебирает, а с нея глаз не сводит. Сдвинула Дунька брови. Собрала упавшіе цвѣты, с сердцем бросила в корзину и стала работать. Обрывает головки, стебли ниточками повисли. Брови сжаты — сердится. Губы в булавочную головку сжались — красную, пухлую. А потом взяла да глаза опять подняла. Видит — смѣшняк сидит, цвѣты тоже разсыпал, брови нахмурил и, как она, губы в пуговку силится сжать.

Не выдержала — разсмѣялась. И тот в отвѣтъ — да так радостно, точно крендель получил.

Цѣлко мысль об Андреѣ в ней жила. Царапала, му-

чила. Жалко себя Дунькѣ стало. “Никому не нужна — а уж меньше всего ему. Всю жизнь под него подогнала, каждую минуту ему несла. А он? Кричал, стегал, зубы в душу, как в яблоко, бывало, впускал”.

И почувствовала Дунька, что по улыbkѣ соскучилась, но радости голодна...

Когда прозвонил фабричный колокол — встала, вытянула затекшія руки, сбросила зацѣпившіяся за фартук травы, зачесала волосы и пошла к выходу. Голова была тяжелая, тѣло ныло, домой не хотѣлось, а идти больше некуда было. Опять засосала мысль об Андреѣ. Обернулась, глядит — смѣшник стоит, подойти не рѣшается. Улыбка лентой поперек лица! И растаяла у Дуньки первая досада. А он ей тихо:

— Очень вы сестру мнѣ напоминаете. Смотришь на вас, работается спорно.

Дунька посмотрѣла, вслушалась в чужой говор и вмѣсто того, чтобы “отшить”, спросила:

— А ты кто будешь?

— Хохол.

— Откуда?

— Из Миргорода.

— То-то! Не по-нашенски удар на словах разставляешь... — И помолчав прибавила:

— Годов, тебѣ, чай, по пальцам перечесть! Подбородок-то цыплячій — бѣлесый!

Он отвѣтил такой милой и безобидной улыбкой, что у Дуньки что-то дрогнуло в отвѣт. “Блаженный, смѣшник” — перевела она свою мысль. И опять спросила.

— Ты на фабрику давно?

— Вчера вписался. Рад очень. С цвѣтами весело. Пахнет. Мечтаешь. А тут еще на вас посмотрѣл — радостно стало...

— Ишь ты — мечтаешь! А у меня так одна мечта: все к чорту послать!

— Зачѣм? Работать надо, — а с цвѣтами развѣ труд? В уладу. Сидишь — мечтаешь.

— О чем же ты мечтаешь?

— Обо всем, чего нѣтъ.

— Вот об'яснил. Обо всем. Ты скажи о чем?

— Нѣтъ.

— Отчего?

— Разсыплется.

— Что?

— Мечта.

— Вот еще что выдумал! Что она — пряник крупитчатый? Разсыплется!

Смѣшник перестал улыбаться. Лицо его — четырехугольное — с округлыми губами и бѣлесым пушком на бровях, на рѣсницах, над губой, по подбородку разсыпанным, стало серьезным. И заговорил с такой-же дѣловитой серьезностью, с какой цвѣты на фабрикѣ собирал. Дунька притихла. Смутно почувствовала, что прикасается к чему-то серьезному. Вспомнила, как мечтала сама неудержимо, запойно, рядом с чужим, враждебным ей тѣлом Андрея. Вспомнила, какой легкой становилась, мечтая, в воздух пушком поднималась! А смѣшник говорил, точно о важном дѣлѣ бесѣду завел.

— Мечтаю я о таком городѣ одном, как-бы сказать, — какого нѣтъ. Только не всегда он привидится. Иногда только краешком выплывет и сгинет... Для начала возьмем небо. Не розовое и не голубое, а зеленое, как кошачьи глаза, свѣтит. А домов нѣтъ!.. Так вот нѣтъ. Намѣсто домов, вродѣ как сундуки, рундуки по нашему, из тростника снизаны, вродѣ как цыновка, — тоже зеленые. И крыш нѣтъ. Без крыш. Зачѣм крыши? Если когда дождик пройдет — что-ж такого? Поднимет раньше времени утром. Человѣку надо вставать рано. С солнцем. Утреннюю радость просыпаешь во снѣ. — Смѣшник помолчал, а потом прибавил, улыбаясь:— „А сгніют крѣпши—новыя сплетут, в два счета”...

Дунька закидывала голову, кудерьками звенѣла. Улыбка красными перышками в губах, к ушам протягивалась. А Смѣшняк продолжая нараспѣв:

— Это я в Америкѣ мечтать стал. Очень уж мнѣ неба захотѣлось там. По небу соскучился, как в тюрьмѣ. Домѣ весь воздух с'ѣли, и небо видишь — оконцами — промеж домов. И все опасаясь — заколеблятся дома и упадут на тебя...

— Ты в Америкѣ жил?

— Жил.

— А как-же сговаривался! Небось по-ихнему то ни слова?

— Скорѣ всего любовью сговаривался. — так я думаю.

— Что? Дунька подняла на него удивленное лицо, а он продолжал, опять улыбаясь — по блаженному, — как бы только ждал, чтобы улыбаться ему позволили подольше:

— Когда любишь — всегда сговариваешься. А я всѣх люблю. Хорошіе. Когда нехорошій человѣкъ, — это от жизни.

Дунька не утерпѣла — сорвалась.

— А я так думаю: всѣ — стервецы, а когда хорошій, значит, блаженный. Она хотѣла прибавить, “как ты”, но — запнулась.

А Смѣшняк ничего из ея слов не слышал и с улыбкой, ни на минуту с лица не сходившей, смѣшно дотрагиваясь до ея рукава, продолжал:

— Уж таких хороших я видѣл — ровно братья или сестры. Свои по крови такими не были. Сколько я от людей добра видѣл — ай-ай-ай!.. Иногда даже со скрипом человѣкъ поможет — это, вѣрно, бывает, но оно всегда потом наповѣрку оказывается от конфуза. Конфузно — от того и огрызнется человѣкъ.

— Да ты что все улыбаешься? — не стерпѣла вдруг Дунька, не сводившая с него глаз. Она слушала с изум-

лением и недоверием, стараясь уловить, — смеется он над ней или нет.

Еще радости и усердия закивал Смешняк головой

— Всегда улыбаюсь. Меня так и называли — он запнулся, не находя подходящего слова. — Милoduшем называли.

Дунька засмеялась.

— А чего ж ты улыбаешься?

— От любви. Еще с детства, бывало, отец учил. “Садись, говорит, передо мною и улыбайся. Людям, говорит, всегда в радость улыбка. Не хочется? А ты постарайся. Раз — два!.. Вот видишь и вышло!..” — И растягивались губы. Сначала со скрипом. А потом привык. Теперь всегда улыбаюсь.

— От любви?

— От любви.

— Что ж ты так всех и любишь?

— Всех.

— За что же?

— Ни за что. Хорошие.

— Ну, а которые дрянные?..

— Тех особо.

— Как так — особо?

— Ну, значит — очень глубоко хорошие. Спрятали свое. От стыда. Улыбнись им — сейчас ответят.

Дунька рассмеялась, а он за ней. Заразительно, ясно смеется, то и дело за руку тронет, еле-еле коснется, словно погладить хочет.

— Видите, Ясенька, вот и вы смеетесь.

Дунька подняла голову.

— Это еще что за прозвище?

— А я всегда человеку имя нарекаю. Вас, вот, Ясенкой прозвал.

— И, впрямь, блаженный, — сказала Дунька, продолжая смеяться. И подумав, про себя скороговоркой: “Мальчонка больно чудной”, прибавила:

— Смѣшняк ты!

Он замотал головой, словно обрадовался.

— Смѣшняк. Всѣ говорят.

— А по-нашему, по-россійски, просто дурак! — вдруг грубо сказала Дунька.

У него мгновенно засерьезнѣло лицо, но только на секунду. Он улыбнулся и немного жалко и тихо сказал:

— Я и сам, Ясенька, так думаю. Этим словом. Значит, оно и правда — раз вы тоже.

Дуныкѣ стало стыдно. А уж взять назад слово нельзя.

— Пошутила я.

Он поднял на нее глаза.

— Нѣтъ, Ясенька, не шутили.

— Пошутила — не шутила — пошутила, — вихрем пронеслось в Дунькиной головѣ.

Она вдруг забыла Смѣшняка, забыла, что он рядом, и вся наполнилась Андреем. Точно он вошел в нее и всю проник. Вспомнила, как лѣниво охватывали ее его руки, напрягались, сжимали. А Смѣшняк, ничего не замѣчая, продолжал свое:

— Не шутили вы. И сам я знаю, что смѣшняк, — иначе сказать, дурной. Встрѣчу человѣка и полюблю. Сразу, Вот и вас так полюбил. Сидѣл и думал: “Шумит поток — падает. Как это сказать? вѣсом прямым; отвѣсно — поправил он сам себя. А землю тронет — растечется плавно рѣченькой. А на берегу я сажу, на вас смотрю. И так бы всю жизнь.

“И так бы всю жизнь!” — донеслось до Дуньки, отозвалось и претворилось в свое. “Так бы всю жизнь...”

— Всю бы жизнь смотрѣл, — повторил он и вдруг прибавил: — Как-же вы хорошо смѣтаетесь — звонко! Вся! И голова, и бровки, и завитушки колокольчиками заливаются.

— “Колокольчиками заливаются” — звенѣло в Дуныкѣ свое. А мы в саночках, обнявшись, — вниз летим — под

снѣгом... — “Развейся, говорит, Дунька, — размотайся катушечкой...”

— И вся вы такая — словно Масленица — веселая, Ясенька. Вот бы с вами подружить... Можно? — вдруг спросил он, и в голосѣ у него прозвучала мольба.

Дунька вдруг опомнилась, увидала его. Слов не раз-слышала, а в глазах вопрос прочла. И разсердилась. А он, не в час, еще раз переспросил:

— Можно?

— Иди ты к чорту, — рванула Дунька, — привязался!..

Смѣшник откинулся, точно от удара. Лицо побѣлѣло, а потом жалко пріоткрылись губы и произнесли:

— Простите, Ясенька!

Но Дунька была далеко. Ей хотѣлось кричать, в землю ногами бить, платок зубами рвать от безсилія. — “Заперли, в тюрьму посадили, не дорвешься. А на волѣ был бы — радость какая... Колкая!”

Бродит вокруг тюрьмы, руки под платком спрятаны, кричать хочется, крик удержать трудно. Стала пѣть. Выпѣвала любовь свою измятую, во-внутрь загнанную. Ду-мала — услышит, дойдет до сердца, вспомнит безсиль-ную страсть ея. “Кому-ж отдать теперь? Некому!” Мелькнул Смѣшник в памяти, Васька вспомнился. Хотѣла пойти к нему, да скучно стало. Утерла мокрое лицо и пошла домой.

... Спит Дунька. Снится ей: открываются ворота, а на-встрѣчу Андрей. Смѣется. “Что, говорит, соскучилась, Дунь-Дунь? Пойдем, говорит, думку разоведем...” И пошли в обнимку, а город кругом... без домов, с небом не розо-вым, не голубым — зеленым — фисташковым. А дома — без крыш. Сквозь открытость их звѣзды, алмазам подоб-ные...

Спит Дунька, грезит... Неподалеку, в отдельной комна-тѣ, спит Смѣшник. Во снѣ, как на яву, улыбается, с самим собой перешептывается. “Милая вы, говорит, самая изо всѣх хорошая...” Улыбается.

... Спит Андрей в тюрьмѣ. Видит скит. А в скиту монахини сѣдя, а лица веселыя. Идут, смѣются, пѣсни поют, как в большой праздник. И вдруг из-за угла Васька, голосом кличет. Нахмурились брови у Андрея, во снѣ улыбка с губ сползла. Грезит — хмурится.

С тѣх пор, как Андрей стал пропадать, уходя на нѣсколько дней нивѣсть куда, как бывало когда-то в Сибири, Васька начал задумываться. Он слишком хорошо знал отца и понимал, что уходы эти были связаны с каким-то душевным перестроем и не сулили ничего хорошаго. К тому же его рѣзкую враждебность к Дунькѣ объяснял он себѣ по-своему.

— “Перемыкается”, — вразумительно повторял он Дунькѣ, приходившей в сарай ежевечерне. А что вкладывал он в это слово — и сам толком не знал.

Но однажды, когда Дунька, выговорившая всѣ слова, обычно переводившія ея душевную муть, опустила голову и сказала тайно, ощеря всѣ зубы, растянув по-бабьи губы, не то в улыбку, не то в слезах: “Приворожили!” — Васькѣ стало страшно. Он боялся нечисти и вѣрил в ея непобѣдимую силу, как вѣрили бабы - чалдонки в Сибири, выгонявшія ее из сѣней. А за страхом пришло другое. Он увидѣл себя Буй-Туром, Василием Кедровым, и тот Тур-Василій все мог. Пылало Васькино лицо, кулаки поднимались и ерошились вихрастые волосы. А перед глазами вставал отец. “Узнает, что сын за него поднялся — Василием Андреевичем называть станѣт!”

И Васька выпячивал живот и сжимал руками что-то невидимое. Но приходила Дунька и травила разспросами.

Задумал Васька большое дѣло: отыскать ворожею, вернуть Дунькѣ отца. До времени рѣшил ничего не говорить и только загадочно улыбался, слушая ея жалобы, полныя терпкой обиды.

В Васькѣ загорѣлась новая жизнь. Он ходил, размахивая руками, что-то буркая себѣ под нос, и смолкал, как

только Алексѣй Иванович, зачистившій “на картошку”, входил в сарай. Он внимательно слушал, о чем говорили они с Дунькой, и постепенно, из обрывков, как из кубиков, что-то сложил: “Надоѣло — в монастырь охота — русская — скит в лѣсу — бабочка, говорят, ладная — идти надо по дорогѣ морем, в горы”. Ненароком спросит, “как бы незаинтересованно”, объяснял он самому себѣ, и отвѣты в себѣ в полном порядкѣ, колодками, раскладывал.

В тот день, когда, идя со Смѣшняком с работы, Дунька захмелѣла любовью, заболѣла желаніем увидѣть Андрея, Васька вышел, озираясь по сторонам, запер сарайчик на ключ, потрогал замочек — крѣпко ли висѣл, и пошел мимо тюрьмы, гдѣ сидѣл отец. Сжавшись, сведя тѣло на нѣтъ, про себя шептал, низко опустив голову.

— Посиди, тятка, сработаю дѣло, а там — приходи в сарайчик. Милости просим!..

Не знал, что когда, весь потный, взбирался он по заросшим зеленью скатам горы, Андрей с бѣшенством сшибал тонкій замочек, висѣвшій на деревянной дверкѣ сарая.

Милица ходила по гроту, убирала кіот, напѣвая псалмы. Потом посрединѣ работы остановилась. С того вечера, как ушел Андрей послѣ своей дикой выходки, она потеряла покой. Что-то тревожное жило в ней и вокруг. Начнет что-нибудь дѣлать, а перед глазами изступленное лицо, в ушах голос, бѣлый от злобы. Перекрестится, молитву начнет читать, а она рвется в клочья. Упадет — шишка, сухая вѣтка, — вздрогнет. Наважденіе.

Она бросила работу и вышла из грота. Вѣтер гулко оббивался вокруг сосен. За стволами, прижатая — увидѣлась тѣнь, Милица перекрестилась, пожала плечами.

Небо было сѣрое. А под ним проступала рыжая прослойка, сквозь облака.

Она стряхнула пальцем капли, задержавшіяся на листьях. Ртутными бусинками онѣ покатались по зеленому

полю и всосались в землю. Трава, жадно ждавшая влагу, потеряла свой сѣрый налет. Милица улыбнулась землѣ, дождю, как живым, и пошла к себѣ.

— “За морем синичка не пышно жила... — тихо, говорком расплылось в воздухѣ.

Свѣчи оплыли. Нагар стекал.

— Не хочу больше, не хочу, — вдруг сказала она себѣ, точно поняла мучившую мысль. — Мир мой ушел. Все, что забыть хотѣла, — напомнил. Как тогда — клубок завязал. Не распутаешь. И почему он меня беспокоит?.. — Простоты нѣтъ... — А во мнѣ? Есть она? — Нѣтъ.

Короткими токами высѣкались мысли и бѣжали словно по наклону, пока не разсыпались.

... Деревья шумят. Много можно о деревьях рассказать. И о свѣчах. Каждая по-своему горит.

— Не хочу неправды, — вдруг соскользнула мысль, — жила в неправдѣ, и она, как квадрат, вошла в душу. Рос квадрат, ширился, все выпихнул и стал моей жизнью. Все ложью стало, все во мнѣ заполнил. Дышать нечѣм.

Она сѣла, прижала руки крестом к груди, словно унять что-то хотѣла.

Точно крадущіеся шаги, зашуршали капли на листьях, замшевым звуком вошли в мозг. Казалось, кто-то, во роша листву, то подходил, то снова уходил в лѣс.

Она осмотрѣлась, прислушалась и, взяв работу, сѣла близ кіота, в розовом теплѣ лампад. Под мѣрное постукиванье спиц, затикали в мозгу, запросились на волю так давно на привязи бившіеся мысли. Слова связывали прошлое с настоящим, и узор получался капризный и пугающій.

Вспомнилось ей, как послѣ долгой жизни без желаній, без дум — вдруг проснулась радость, заплѣла в ней, и все тѣло упруго налилось животной, здоровой силой. Вспомнила, как сразу измѣнилась походка, и вся тяжесть шага легла на большіе пальцы, и наклон тѣла вперед дал

движение полета. Нога отрывалась от земли быстро, легко наступала на пальцы, — шла, точно танцевала.

И тогда родилась новая простота, новая молитва. Ни о чем не просить. Что нужно — будет дано, а не нужное отпадет. И молитва облекалась в неожиданные слова, легкие и усладные — не о себѣ — о людях, о всей живой твари. И притягивала она Бога, отрывала от царства невидимаго и чувствовала благодатно близость Его.

... Дождь продолжал шуршать. От свѣчей теплѣл воздух. Черной тушью вырѣзались на полу тѣни, — срывались, взметывались и расплывались, вдавленные в землю вѣтром.

Но не надолго остановилась мысль на хорошем. Что-то клубком стало душить, точно накаленным кончиком иглы жгло мозг. В памяти зазвенѣли слова — ненавидящія, насмѣшливыя, злобныя.

— Грѣх... Грѣха, говоришь, нѣтъ?.. А я, может, убить тебя пришел...

Перед Милицей выплыло лицо. Блеснул взгляд, и до невыносимости широко расширились зрачки. Что-то скрипнуло. Ей стало жутко. Она подняла глаза и раскрыто, в упор, встрѣтила взгляд.

Васька стоял в дверях, с суевѣрным страхом осматривая грот. Милица выросла перед ним черной Богородицей. Длинная одежда касалась пола. Он совсѣм оробѣл. Приготовленная фраза была потеряна.

“Колдунья... До потолка растет! А упрется — что тогда будет? Без рук. Рук-то не видно...”

Он смотрѣл бѣгающим взглядом, с тайной увѣренностью, что “колдунья” продолжает расти. Но она оказалась маленькой, и веселый, до удивительности звонкій голос сказал:

— Ты что? Заблудился? Откуда идешь?

Она смотрѣла чуть шурясь, словно вспоминала что-то знакомое. А что — не знала.

А он, во власти одной мысли, про себя повторял:

“Как маманька — такая же черная! А лицо, как желток — как у маманьки...”

Милица отвернулась. Она подошла к своему ящику, собрала раскатившийся клубок шерсти, сложила работу и, перекрестившись, стала снимать нагар со свѣч. Точно забыла о нем.

Васька глубоко перевел дыханье. Он никак не мог очнуться от неожиданности впечатлѣній. Ему хотѣлось куснуть, тявкнуть и спрятаться под скамейку, как щенку. Сходство с матерью повернуло в другую сторону его мысли. Но когда Милица обернулась, он слѣпым инстинктом понял, что первым заговорить должен он, иначе “колдунья” возьмет над ним верх и тогда...

Держа в руках обгорѣвшую вѣтку хвои, Милица пошла к выходу.

— “Прямо ко мнѣ” — мелькнуло в нем. Он попятился, потом, рѣшительно надѣв картуз, лихо сѣвший на затылок, всунул руки в карманы и, дернув носом, сказал:

— А Андрея-то посадили — И прибавил тихо: — небось...

Милица остановилась и снова с прежним вниманіем осмотрѣла Васькино лицо.

— Кого? — спросила она как-то отсутствующе.

— Андрея.

— Это кто Андрей? — Брови тронули одна другую, остановились. Она вспомнила. Но Васька вдруг обнаглѣл и озлѣл.

— Андрея не знаете? Вот тебѣ и на...

Но она уже знала. Тѣ же глаза, тот же широко раскрытый, обнажающій взгляд.

— “А я и не знала, как его зовут”, — скользнула мысль. Она продолжала смотрѣть на Ваську, чувствуя, что в этом мальчикѣ продолженіе того клубка, который стал заматываться вокруг ея жизни с перваго прихода к ней Андрея.

— За что-же его арестовали? — спросила она спокойно.

— Распознали, — нагло огрызнулся Васька, вдруг почувствовав, что держит в руках внимание Милицы, и прибавил неожиданно:

— Окромя как из-за вас, — пожалуй, и не видно из-за кого!

— Из-за меня?

— Оказывается... Ходил-ходил, ножки бил, а теперь здрасте - пожалуйста!

— Что ты, мальчонка, говоришь такое? — Милица придвинулась к нему ближе.

Но Васька уж галопом несся на своем конькѣ. Он вдруг разом повѣрил в свою исторію. — “Не уходил бы отец — не арестовали бы. А так — скрывался, — значит, и зацапали, как пропадавшего...А она еще комедию ломает. — “Не знает, дескать, никогда не видала”... Да меня не обдѣшь! Я-те напому!...

Ненависть горячим пузырем взбухла в его сердцѣ. Он смотрѣл на нее, ища слов особенно обидных, — и не находил. Картуз слѣз на затылок, капли пота выступили на лбу. Наконец, он набрал ртом воздух, раздул ноздри и стал выбрасывать:

— Засудят теперь, оказывается. А кого засудят?... Его... А мы останемся — неизвѣстно как-с!.. Только еще посмотрим, кто кого и как... Оно, конечно, как маманька, черным приворожила.. Небось, нас оставил!

И вдруг, набравшись храбрости и глотнув глубоко воздух, он дохнул ей в лицо: “Колдунья!”, потихоньку повторяя “Дунья - Дунья”. Словесный моток разбудил в нем какую-то невысказанную обиду, и он, словно набрав новаго матеріала, опять заговорил:

— Думала — отобѣшь от Дуньки! Держи карман. Чорта с два. Она ладная. Ладная, теплая. Пovoюет - поцѣлует, — вдруг сказал он складом, под Алексѣя Ивановича.

- А тут не иначе как...

Васькины слова изсякали. И чувствуя, что теряет на

минуту завоеванную власть, он выбросил уже совсѣм не-кстати:

— Вот, укасторжат таперича, а убійца выйдет вон кто!..

Милица слушала его с нескрываемым изумленіем. Она никак не могла связать в одно безсвязныя слова об ея винѣ с ненавистью, которая, она это чувствовала, почти случайно вылилась именно на нее.

Сложив руки, она переводила взгляд с загорѣвшихся глаз на скакавшій хохолок, подпрыгивавшій от каждаго движенія. Смотрѣла серьезно, видимо, стараясь понять. И вдруг, при совершенной неподвижности лица, — в глазах ея мелькнуло что-то близкое к смѣху. Зрачок с'узился и остановился на хохолкѣ. Как проволока на электрической лампѣ, вздрогнул, зажегся, брызнул свѣтъ и мгновенно потух. Взгляд остановился на Васькиных губах и рот начал складываться по формѣ произносимых им слов. Губы выпятились и выдунули, как у него: Дунья - Д — у — у — нья"... Казалось, еще минута и она разсмѣется и скажет: "Как занимательно!—Ну-ка, скажи еще Д-у-у Д-у-у—нь!".

Но Васька ничего не видѣл. Он продолжал говорить в упоеніи, заворачиваясь в слова, купаясь в звуках, теряя нить, с остервенѣніем повторяясь, — и не мог выпутаться. Молчаніе Милицы заставляло его слушать себя, замѣчать, что он топчется на мѣстѣ. Он сбивался, понижал голос, страстно желая найти сопротивленіе или встрѣчный вопрос. Но она словно забыла о нем. Как прежде обошла и прошла мимо. И стало тихо. Васька повторял еще что-то, но обернуться не смѣл. Точно закаменѣл. А хотѣлось знать, что дѣлала сзади "колдунья". И от этого слова опять заробѣл.

Вдруг он почувствовал три прикосновенія. Холодныя точки легли сзади на шею, надавили на кожу и стали толкать. Васька не сразу понял в чем дѣло и совсѣм заробѣл. Как лошадь встряхивал головой, стараясь освободиться. Но пальцы, — он разобрал, что это были пальцы, — отвѣтили легким нажимом. Он вытянул голову вперед и

стал поворачивать ее в уклон плеча, скосил глаза и уви-
дѣл руку. Четыре пальца, соскользнув с шеи, легли на пле-
чо, пятый оставался на шеѣ, надавливал и нагибал голову
вперед. Васька уперся, но попытался сдѣлать нѣсколько
шагов. Рука надавила еще раз и повторила нѣмое прика-
заніе. Васькин подбородок крѣпко прижался к груди, гла-
за мышью шарили по полу. И вдруг он услышал голос:

— Шапку сними!..

Злоба, желаніе убѣжать, раздраженіе от сознанія сил-
ка, в который он попал, свились в одно и вдруг развяза-
лись. Картуз упал. Он поймал его рукой. Затѣм, чувствуя,
как рука поддается и разжимается, — медленно стал под-
нимать голову.

В уровень с его лицом висѣла икона. Глаза Богомате-
ри смотрѣли прямо ему в глаза. Тот же по-мужски звуча-
щій голос сказал:

— Побожись, что говорил правду! Перекрестись пе-
ред иконой!.. Ну, — говори!..

И снова рука надавила его голову, как право имѣющая.

Васька озвѣрѣл. Сердце стало быстро биться, кровь
поднялась к головѣ, залила уши и натянула виски. Палец,
лежавшій на шеѣ, сосредоточил в себѣ всю силу его зло-
бы. Он ненавидѣл и боялся. Воровским взглядом скошен-
ных глаз он обсасывал, обматывался вокруг него — вы-
жидающе, осторожно и ненавистно. А голос продолжал:

— Повторяй: “Перед иконой — божусь... отца из-за
вас в тюрьму посадили...” — Бог все видит — все...

Васькина голова незамѣтно стала поворачиваться к
плечу. Глаза не отрывались от руки. Дыханіе душило. Он
улыбнулся, раскрыл глаза, нацѣливаясь, выжидая минуту,
чтобы не промахнуться, — и вцѣпил в ея указательный
палец. Жгучая боль заставила ее рвануть руку, -- зубы еще
раз сомкнулись и разжались.

Васька нагнулся. Картуз упал. Он его не поднял, взгля-
дом шаря по землѣ, ткнулся в какой-то угол, ринулся в
дверь, перебирая руками по стѣнѣ, и выскользнул наружу.

Все это произошло так быстро, что Милица не успѣла опомниться. Она подняла руку. На поблѣднѣвшей кожѣ обозначились нажимы от зубов. Вокруг сердца похолодѣло, гадко засосало внутри. Она замотала руку в платок и подняла. Боль потекла по рукѣ к локтю. Вокруг укушенного пальца кругло выступила кровь. Милица намочила тряпочку и обмотала вокруг больного пальца. Сердце билось остро и шибко.

Она стала ходить. Сердце стучало, разгоняя кровь. Мысли вонзались в мозг, как в мишень, покрывая ее черными точками.

— Проклятые... отняли... сколько искала, пока нашла... Добилась, себя переборола, а теперь все потеряла, покой потеряла... загадили... Спаси и помилуй... помилуй и сохрани... сохрани...

Слова разсыпались. Душевная смута просилась наружу. Вмѣсто глаз Богоматери на нее, как в наважденіи, глядѣли наглые Васькины глаза. Всегда строго печальная, Богоматерь смѣялась.

Милица теряла себя, падала — страшно, плашмя. Она вскочила и, крѣпче замотав ноющій палец в черный платок, завернулась в него и бросилась бѣжать.

Кругом был вечерній покой. Горы блекло тонули в туманѣ. Точно гамак подвѣшенный между скалами, дрожал воздух. Сиреневыя облака голубѣли по краям. И так вразрѣз шел покой пейзажа с ощущеніем ходуна, поднимававшего ея грудь. Что-то рвалось из нея, сметая стопочками размѣщенные ощущенія.

Вѣтер вкрадчиво подпѣвал, поднимался кверху и бросался вниз. И кружилась голова. Обрывки мыслей сплетались и растекались по всему ея существу, заполняя заматывающимся в одну точку движеніем.

— Побезпокоили... разгромили...

Она снова увидѣла, как летѣли осколки разбитой по-

суды, вспомнила в клочья разорванную молитву и жизнь, с таким трудом на-ново созданную.

И вдруг стала понятной тягость неправды, пронизывавшая клейко ея жизнь. Неправда прошлого, неправда искусственно созданного настоящего. “Все выдумка... В мечтах весело и прекрасно... А на повёрку — мишура!”

Она увидала свою жизнь такой, какой она должна была сложиться, — просто, расчерченно, как сантиметр. А она выломала ее в кривые зигзаги.

Рёзко нажимая на одну и ту же ноту, врёзался в воздух автомобильный рожок. Мысль развернула свой объём и остановилась.

Пошел дождь. Капли падали шелестя, точно кто-то листья перебирал.

Милица подняла голову. На горё лёпилась деревенька. Четко острились на небё линии крыш. Замшелыми казались порталы романской церкви, высоко летёл благовёст. Звуки казались надломленными, перебитыми на двое.

Море закуталось в туман. Боль затихла. Безпокойство уснуло. На зеленой мёди неба гравюрой казался профиль собора, этажами спускавшийся вниз. Дождь падал лёгниво и тонко. Милица закуталась в шаль, придерживая больную руку, и пошла домой.

— Господи! Благодарю Тебя за то, что успокоил меня, — сказала она, прислушиваясь к миру в себё. Прийду — помолюсь и все пройдет. Копоть смою. В Вербную субботу в церкви поют: “Умили душу”. Слова какія душистыя: “Умили”. — Только в молитвах такія находишь.

Она шла, отрёзая шаг за шагом, чтобы восстановить потерянный ритм. Мысль развертывалась, укачанная ходьбой. Воздух густёл, окрашивая синее в черное. В гротё свёт от свёчей дождевыми полосами просёкал темноту.

Она встрётила глазами взгляд Богородицы. Он смотрёл родно и строго.

Затеплив лампы, сняв нагар с оплывших свёч, она обернулась. Улыбка снова появилась на ея губах. Она об-

вела глазами кругом и вздрогнула. Васькин картуз, козырьком вверх, — лежал посрединъ грота. Вокруг сердца похолодѣло, как перед непреложным несчастьем.

В углу на ящикѣ сидѣл Андрей.

Он смотрѣл на нее жадно и голодно. На сѣром лицѣ планами выдѣлялись скулы, и в упор смотрѣли прищуренные глаза.

— Не ждала? Может, не в час? Пришел гостем, а встрѣчать некому! Вот и сѣл подождать, — заговорил он глухо.

Кровь отлила у нея от сердца, рука заныла, боль потекла по жилам.

“Все потеряно — наважденеіе...”, — шептали губы.

А он, переминая в зубах папиросу, всунув руки за пояс, слѣдил за ея лицом.

Милица повернулась. Мелькнул бѣлый бинт. Она приподняла раненую руку, но от сильной боли закрыла глаза и прижала ее к груди.

— Руку-то что, поранила? — спросил он, не спуская с нея глаз.

Она не отвѣтила и стала ходить по гроту. Хотѣла нагнуться, поднять картуз, но снова холодок ртутным столбиком поднялся к сердцу и засосал. И вдруг помертвѣло лицо, одержимо загорѣлись глаза. Тупыми ударами стали вылетать слова:

— Руку кто поранил? Пащенок твой... Вот кто! На, смотри! Видишь? Пришел и укусил, как волченочек — ненавистно. А за что? Что я вам сдѣлала? Никому не мѣшала... Ушла — вас не звала... Зачѣм вы пришли? Я так трудно, с таким трудом, — голос Милицы сорвался. Она размотала руку и, вынув палец, тряся в воздухѣ бинт с запекшейся на нем кровью, крикнула:

— Уходи, уходи отсюда!.. Проклятые... Жизнь мою мнѣ испортили... молиться не могу... бьюсь, бьюсь... Видишь, картуз забыл твой волченочек, видишь — вон лежит... Уйди, уйди ты и не возвращайся!..

Андрей слушал, оцѣпенѣвъ. Он не ожидал такой вспыш-

ки, такой страсти, — силился осмыслить ее слова. Переводил глаза с нея на картуз и вдруг до сознания дошло:

— Васькин картуз! Васька был здѣсь... Васька укусил.

Тѣло налилось знакомой силой. Он рванулся к двери. Но слова ее ударили хмѣлем. — “Уходи и не возвращайся...”

— Гонит — по-хозяйски, как собаку, прочь... Птицелюбка, монашка, а злобу в себѣ какую носит. Одержимая — не лучше меня.

Как вино, разливались в нем ее слова. Он впивал их жадно, томительно. А она сбрасывала их вповалку, безсвязно, не зная кому говорит — себѣ или ему, цѣплялась ключьями за жизнь свою, поползшую во всѣ стороны.

Андрей потерял себя в ней. Мысль о Васькѣ ушла. Он смотрѣл на ее лицо. Как в бреду оно слиняло и расплылось. Вмѣсто него он увидѣл оскал звѣря, сбивающаго намордник, в напряженной стойкѣ готового кинуться и укусить.

Милица замолчала. Ею овладѣла усталость. Слова сбились в одну круглую точку, как диск в движеніи, постепенно сходявшую на нѣт. Она повернулась и прижала лоб к краю иконы. Точно вплыла в одежду Богоматери и затихла. Молилась, думала ли, — Андрей не знал. Только не спуская глаз, что-то вспоминал, собирал в себѣ. А потом засмѣялся.

— Птицелюбка озвѣрѣла.. Не хуже моего оскалилась. А еще говорила— грѣха нѣтъ! Люди, дескать, выдумали... А сама, смотри, как взвилась! Грѣх-то в каждом сидит. И в тебѣ своего часа ждал, чтобы тявкнуть. А ты о нем не знала! Маленькій — с горошину. Тѣлице у него нѣжное, в темнотѣ прячется, свѣта не выносит.

Милица встала с колѣн. А он, не переставая смѣяться, устало добавил:

— Чего глядишь? — пошутил я. Нѣтъ в тебѣ настоя-

щаго грѣха. Так собачка тявкает. А я ее по ошибкѣ.... за дьявола принял. В бабѣ свой ад узнал...

Послѣднія слова сошли на шопот. Милица их не услышала. Глаза ея загасли. И, повернувшись к нему, она сказала как в ту ночь, словно жалѣючи:

— Ничего-то ты не понимаешь, — и прошла к кіоту.

Он не спускал с нея глаз, затаив дыханіе с растущим интересом к неожиданно открывшейся перед ним силѣ страсти. “Тайну носит... А, может, ничего и нѣтъ...”

“Тайна, есть тайна”, — подсказало гдѣ-то в глубинѣ сознание. — Пока не распутаю, не успокоюсь. Скрывается, темное в себѣ носит, таит, преодолевает, как я.

Она помертвѣла. Кровь отлила, от боли закрыла глаза и, подойдя к скамеечкѣ, медленно сѣла, закрыв глаза.

Андрей переводил в умѣ малѣйшее измѣненіе безкровных черт.

— Спокойнѣе стала. Больно еще. Застывает. Лицо как на иконах. Глаза с подглазниками пол-лица покрыли. Апостольник надѣтъ — монахиня. А прежде ястребом налеѣла, лицо ракетой разрывалось, искрами палила, не хуже меня в злобѣ.

Он сравнивал ее все время в собой, спаивал свое темное с тѣм, что почувствовал в ней. Но она открыла глаза и спокойно сказала:

— Уйди отсюда!

Темныя точки замерцали в его зрачках. Он что-то рѣшал, не рѣшаясь. Потом обошел кругом, рванулся и, рѣзко взяв в руки ея лицо, отогнул, прижал к себѣ и, смѣясь, стал нагибаться над ней.

— Не уйду я никуда, Боголюбка. Так ты говоришь, — не понимаю я ничего? Так говоришь?..

Она вздрогнула и всѣм тщедушным тѣлом своим рванулась назад. А он, крѣпко держа ее в руках, не спуская задорных глаз, повторял:

“Разъярилась Птицелюбка!.. Диво мое дивное...”

Но она смотрѣла с таким ужасом, точно в глазах ея

рос сатана. Потом сдѣлала усилие, вырвалась и в дверях столкнулась с Маргаритой Николаевной. От неожиданности остановилась, но радостно разрѣзавшій воздух возглас ребенка, потянувшегося к ней, — мгновенно отрезвил ее. Ничего не замѣтившая женщина откинула волосы с лица и стала говорить:

— Вот и мы. Покоя не давала Руська. Пойдем, да пойдем...

Милица взяла дѣвочку на руки и прижалась щекой к ея головкѣ. Потом сѣла и посадила ее к себѣ на колѣни. Ребенок, слѣдя за движеніем ея рук, поймал одну и стал цѣловать ладонь. Милица ближе прижала к себѣ дѣвочку. Мать сѣла рядом и что-то стала ей говорить, развязывая принесенныя вѣтки перцового дерева. Острый запах поплыл в воздухъ. Точно пряное вино ударил в голову Андрея. Он смотрѣл на совершенно измѣнившееся лицо Милицы, и чувство обидной ревнивой досады развернулось в нем. Но любопытство одержало верх, и на цыпочках, чтобы не быть замѣченным, он прошел в темноту и сѣл без движенія, стараясь преодолѣть расходящуюся силу.

“Зашептались — исповѣдуется, точно у старицы”.

— Не надо — донеслось до него... Когда гнѣвно, — помолчите... Завяжите себя в узелок... Любовь подскажет, что дѣлать.

А дальше ничего разобрать не мог.

Шопот затих — слился в гул. Андрей отбросил волосы назад и опустил голову на руки. Он весь растворился в густой тяжелой думѣ. В нем росла тайная жизнь. Он не подозрѣвал, что она могла родиться. Острый интерес к Милицѣ до боли залил его всего. Мысль о ней отрывала от обычных разнузданных желаній и ощущеній. И он знал, что жизнь его в эту минуту пошла по иному пути.

Прожитая жизнь, сальная, душная, рядом с которой тонуло дѣловито - расчерченное существованіе многих,

— встала перед ним. Но гдѣ-то, за этой жизнью звучали другіе голоса, свѣтилось внимательное лицо матери, свѣтлѣвшее при взглядѣ на него.

— Вот, когда станешь человѣком, дѣточка, большим среди всѣх, — говорила она часто, — всѣм на зависть. всѣм в примѣр, и меня старую к себѣ жить возьмешь. Молодое вино тогда перебродит, старуху мать не страшно будет к себѣ взять. Мѣшать не буду; может, еще в подмогу прійдусь. Я, когда ночью не сплю, глаза закрою, тебя вижу. Большой, статный, волосы, как у отца, с искрой. В городѣ всѣм примѣр. За что ни возьмешься, все ладится. Дѣло отцовское во сто крат развернешь...

Не знал, что сын, в свой час, как сухой пруттик, ея сон о нем ломит.

. . . Андрей очнулся. Милица стояла у двери, провожая Маргариту Николаевну. Она что-то говорила, наклонясь к ней, видимо очень значительное, все повторяя:

“Только непремѣнно так сдѣлайте. Послушайтесь меня...”

А когда ушли и затворилась дверь, она совершенно просто улыбнулась и сказала:

— Ну, вот, скоро к ужину собирать буду.

Андрей знал, что наступил час молитвы, когда Милица, зажигая свѣчки и наполняя маслом лампы, чистым дѣтским голосом запѣвала каноны, и, по молчаливо установившемуся между ними соглашенію, оставил ее одну.

Он вышел в лѣс. Вѣтер рвал с вѣток листья, то проносясь над головой, то невѣрным, слѣпым шагом вороша опавшую листву. Кругом не видно было ни одного огня. Лѣс, как птица, устало собирал своих дѣтей, сзывал на ночь кротов, бѣлок, ежей, всякую тварь. И тѣло лѣсное, разношерстное, разноперое, с гудом собиралось в гнѣзда, забивалось в норы.

Андрей шел во власти того, что, нѣсколько часов назад, с такой силой овладѣло им. Вспомнил этапами слагавшуюся жизнь.

Дѣтство, типографію отца, куда, с никогда не ослабѣвавшим любопытством, бѣжал он смотрѣть, как рабочіе складывали буквы, из которых составлялись книжныя строки, — коммерческая школа, в которой так долго томился, всегда чувствуя, что душа его просит воли, ночных костров и близости к землѣ, для него понятной и живой.

А затѣм изломанная юношеская жизнь. Революція, тайныя собранія, куда, воровато оглядываясь, пробирался он по вечерам, непрерывныя столкновенія с отцом, презрительно говорившим:

— Опять сапоги бѣгал чистить своим господам... В подтирашках ходишь?... — И большая обида от грязнаго слова взбухла у него в сердцѣ.

Потом война, раны, смерть. Смердящія от гнѣющих тѣл поля, остроты, быстро привившійся солдатскій жаргон, лихой галоп жизни и отношенія с чужими и враждебными ему людьми.

Вспомнилось ему вдруг, как писал он сестрѣ в минуту отчаянія.

. . . “Ты учила меня любить, Катюша. Как не похожа твоя любовь на тутошнюю. А, вѣдь, никогда еще не были люди так в один сноп связаны, как здѣсь, — смертью. Голые друг перед другом ходим. Сволочь человек без штанов, Катюша, без прикрытія. И в штанах сволочь, да не такая явственная”...

Потом возврат с войны в перепаханную на-ново страну, большевизм, тюрьма, Сибирь, новая игра со смертью. Нелѣпый брак озорской, как вызов кому-то брошенный, рожденіе Васьки, ему не нужнаго, жизнь с женой, с тихостью юродивой недоумѣнно смотрѣвшей, как бушевала натура его безудержная.

“И чего буйствуешь?” — спрашивал голос ея тихій.

“Черный вѣтер поет во мнѣ, — кидал он в отвѣтъ захватски. — Рвачом жил, рвачом и умру... А в тебѣ чирик чивикает. Вот и все...” — И в тѣ ночи пѣл в нем пѣтух, рывкал звѣрь.

Сумерки зачернили лѣс. Андрей поднялся с земли и пошел. Как из кубиков складывались перед ним два лица. Одно — человѣка, над собой не вольнаго, в себѣ дьявола разворачивавшаго, другое — того, кто в заплеванной харчевнѣ плакал под грубой женской рукой.

Первое — с темными впадинами вмѣсто глаз, с кровоподтеками на жуткой маскѣ.

Зло смотрѣла маска, кривилась, язык показывала. А за ней второе лицо... И внезапно рванулась мысль:

— Васька приходил... узнали, черти, куда хожу... Ну, подожди-ж, дьявол! Я тебѣ морду раскрашу. И зачѣм он приходил к ней?

Он встал и быстро пошел в грот.

При видѣ Андрея Милица сложила на колѣнях работу и просто сказала:

— Прости ты меня за прежнее... Сорвалась я...

Андрей усмѣхнулся.

— Да. Видно, дьявол из плевка, как из птичьей души, одинаково кукурекует. Всѣ перед ним, выходит, ротой строимся. А прощать? — экое слово. Мнѣ, да других прощать?.. Васька сюда приходил? — спросил он вдруг, видимо тщательно избѣгая говорить с ней на вы.

— Приходил. Видишь, картуз второпях забыл.

— А зачѣм он приходил?

— Не знаю. Говорил — тебя заарестовали. Будто из-за меня. Отомстить он мнѣ пришел — так я думаю!

— Что? — заревѣл Андрей. — Как отомстить? Это они с Дунькой там, значит, надумали.

— Не кричи ты. Чего кричишь? Кто это Дунька? Я вот сразу на него тогда вспыхнула. А потом, как ушел он от меня, — все думала. Как это в дѣтской душѣ такое родилось? Отродясь, я такого лица не видѣла у ребенка. Видно, крѣпко он тебя любит, если за тебя мстить пришел. От то-
ки пришел.

— Как от тоски? — спросил Андрей. Мысль о том, что Васька способен был на тоску, видимо, никогда не приходила ему в голову.

— Так, от тоски. Думала я о нем всё эти дни. Был он один. Вот и загрустил, а от грусти рѣшил посмотреть, кто его от отца отстранил. На меня и упала месть его. Ясно. Развѣ знаем мы, что через душу ребячью проходит? Жалко мнѣ его.

Андрей с изумленіем слушал Милицу. Мысль о том, что в Васькѣ проходили какія-то простыя и человѣческія ощущенія, — поразила его своей простотой. Для него Васька был вихрастый, немытый. Неизбѣжное зло. Тяжкій сожитель. И все. И вдруг в этом живом “механизмѣ” оказывались возможными какія-то простыя чувства, легко развернутыя перед ним чужой рукой. Он посмотрѣлъ на Милицу и неожиданно спросил.

— У самой дѣти-то были?

— Был сын — умер.

— То-то, как по-писанному души читаете!

Милица подняла глаза и сейчас же их опустила.

— Ничего замѣчательнаго. Что думала, то сказала.

Рука дрогнула. Нѣсколько петель упали со спиц и потянули остальные. Наступило молчаніе. Она опустила голову еще ниже над работой и затихла. Андрей понял, что спугнул какую-то неповторимую минуту, когда мог раскрыться странный как географическая карта путь человѣка, который прошла эта тихая женщина, от злобы его низко опустившая перед ним голову. Он не терпѣлъ покорности, той беззащитной покорности, которую читал в испугѣ жены. Но он знал, что не эта женщина покорится ему и что силы их были не равны. Понял также, что не сдѣлай он что-то нужное в эту минуту, она встанет и тогда надо будет уйти.

И когда, сложивши работу, она, дѣйствительно, встала с мѣста, он поднялся, близко подошел к ней и совсѣм новым голосом, каким говорил когда-то с сестрой, сказал:

— Простите меня на этот раз вы за все. Простите от души.

Она повернулась к нему и улыбнулась.

— Бог простит, — отвѣтила тихо, как перед исповѣдью. Потом, подумав минуту, взяла снова свою работу и сѣла на прежнее мѣсто.

— Отчего вы здѣсь? — снова неуверенно зазвучал голос Андрея, тот новый голос, который заставил ее остаться.

Она не сразу отвѣтила:

— Трудное ты спрашиваешь. Отчего? Я и сама не раз тот же вопрос себѣ задавала. Жизнь легко рассказать — не в жизни дѣло. А в точках. Есть такія точки — незабвенныя, от которых всѣ повороты начинаются. Идет, идет человѣкъ и не видит куда. Пока не споткнется. Тогда и землю увидит — какая она. Человѣку иногда нужно знать, по какой землѣ он идет.

— Так вот и я. Думаю, скорѣе всего от неправды ушла, от неправды всей своей жизни. Большая часть людей невѣрно живет. А когда замѣчают, поздно бывает. По привычкѣ и продолжают старое. Не хотѣла я своего поля незасѣянным оставить. И ушла, потому что тут я нужнѣе, чѣм в городѣ. Тут и человѣкъ к тебѣ проще приходит, и на помощь ему силы даются.

Андрей слушал ее жадно, боясь не разслышать или что-нибудь упустить. Тысячи вопросов наплывали в нем, но он молчал. А она снова, словно забыв о нем и думая только как бы полнѣе отвѣтить на его вопрос, продолжала:

— По любви я соскучилась, как сюда пошла. Я, когда сына потеряла, все потеряла. Ничего на свѣтѣ не любо стало. Одно только, пожалуй, еще и осталось живым, — это страсть бродить. Ея не перебороть. От отца своего ее в дар послѣдній, наслѣдный получила. Он всѣ русскіе монастыри пѣшком обошел. О каждом малѣйшее рассказать мог, что ни спроси. Иногда, когда не в очень дальній шел, и меня брал.

— Вот, когда потеряла я ребенка, и начался во мнѣ

бунт против жизни, против Бога, за смерть эту, за невѣрность жизни моей и всѣх кругом, рѣшила в один дальній монастырь Псковской губерніи идти. Монахиня там, говорили, замѣчательная жила. Монахиня Лидія, игуменья.

— Словно обожженная вся я внутри была. До чего ни дотронусь от всего больно. А что идти туда мнѣ нужно — знала. Нужно, чтобы жить. Пришла я к ней и говорю: — “Не знаю я сама, зачѣм пришла. Ничего сказать не могу, ни о чем просить не буду. Судите, как хотите”.

Посмотрѣла она на меня так, точно книгу раскрыла и, закрыла. А сама большая, крупная, лицо радостное, розовое. И такая привѣтливость к человѣку, что, кажется, самый, что ни на есть заядлый преступник, и тот бы улыбкѣ ся улыбнулся.

И сказала она мнѣ такія слова, такія замѣчательныя слова:

— Сухая у тебя душа стала, узенькая, кромѣ себя никого не вмѣщает. Развѣ так можно жить? Поливки она требует, как земля послѣ засухи.

А сама вся свѣтится, смѣется. И от слов ея не больно и все легким кажется, на все сила рождается. Долго жила с ней рядом, смотрѣла, как она молится. Сама на молитву не шла, не умѣла. Вечерами слушала рассказы ея удивительные. Ея жизнь тоже от незабвенной точки пошла...

Милица подняла голову. Глаза свѣтились. Одержимое выраженіе ничѣм не сдерживаемой страсти и любви залило блѣдное лицо. И, помолчав, вся полная своим, продолжала.

— Очень она искусство любила. Кажется, больше всего на свѣтѣ, и все мечтала в Италію попасть; провѣрить, так ли, в самом дѣлѣ, искусство над ней властно. Наконец, собралась. И вот на пол-пути, в Бѣлградѣ, однажды, при выходѣ из города, встрѣтила нищую. С вида юродивую. А сама — ясновидица.

“Все, говорит, я про тебя знаю. И планы твои знаю. Только не дойти тебѣ туда, куда идешь. Со мной оставать-

ся тебѣ положено. Я тебя жду давно. Скоро умирать, вот Господь на конечный мой час тебя и послал”.

— Поразили ее такія слова. Задумалась она крѣпко. И осталась с ней жить, до самой ея смерти. Год прожила. А когда вышла, — совѣм как на-ново рожденная. Точку нашла и на ней крѣпко стала. Твердая, рѣшительная сдѣлалась. Пошла в Бѣлград к епископу, отцу Алексѣю, и все ему рассказала. “В монастырь, говорит ему, хочу идти. Помоги, Владыка!...”

— И помог. Стала монахиней, а через короткое время ушла в Россію, в Псков. Там ее старшей признали, игуменьей выбрали. Там я ее и встрѣтила. Многому она меня научила, а главное, — любить человѣка, раскрываться ему, а себя замыкать. Звѣря обуздывать. Я, когда сердилась, — злоба во мнѣ без удержа жила, вот как вчера, особенно послѣ смерти мальчика — сладу с собой никакого не было. Только не могла я там долго оставаться. Когда уѣзжать час настал, позвала она меня к себѣ, благословила и сказала:

“Поѣзжай в Ницу. Разущи там Владыку Бѣлградскаго. Передай ему любовь мою, скажи, что помню о нем и молюсь. Он тебѣ во всем поможет”. — Такія слова сказала и такой завѣтъ дала. Вот потому я и тут, — засвѣтившись, кончила Милица.

Голос ея звучал мягко и молодо, глаза блестѣли. От свѣта свѣчей зсѣ дневные недочеты пропали, морщины исчезли, и лицо, несмотря на свою всегдашнюю строгость, приобрѣло какое-то особое, женственное, почти дѣвичье выраженіе.

Андрей не сводил с нея глаз. Он почувствовал, как билось его сердце. Ясные глаза глядѣли раскрыто. На лицѣ бродила странная улыбка. Минутами ясная, младенческая, и в ней святость и грѣх. А на колѣнях — рука маленькая, сухая, как у святых.

Андрей встал. Он и сам хорошенько не знал, что хотѣл сдѣлать, — уйти ли, подойти ли. Как вдруг сильным порывом

вом вѣтра дверь распахнулась. Пламя лампы легло, расплющилось, заметалось. Милица вскочила со своего мѣста и перекрестилась.

В дверях стоял Смѣшняк. Он смотрѣлъ с невыразимым изумленіем на кіотъ с иконами на бѣлыхъ полотенцахъ, на черную фигуру Милицы, словно инокиню, вырѣзавшуюся на мелькающей игрѣ тѣней. Обычная милая улыбка его исчезла, уступив мѣсто растерянной изумленности.

Андрей рѣзко обернулся и однимъ движеніемъ подошелъ к нему:

— Ты что? Тебѣ чего здѣсь нужно?

Смѣшнякъ еще растеряннѣе посмотрѣлъ сначала на Милицу, потом на Андрея, и жалкая улыбка пробѣжала по его губамъ.

— Васъ нужно, — словно задумчиво сказалъ онъ, наконецъ.

— Кого это васъ? Меня? Зачѣмъ я тебѣ задался?

— Меня Евдокія Макаровна к вамъ послали.

Андрей недоумѣнно поднялъ на него глаза.

— Кто послалъ?

И вдругъ понялъ. Жизнь, въ которой онъ жилъ до вчерашняго дня, заявила свои права. И за то, что этотъ такъ не кстати пришедшій человѣкъ, котораго онъ не зналъ, вырвалъ его изъ новаго міра, — захотѣлось выместить на немъ желчно и нелѣпо свою горькую досаду.

— Евдокія, говоришь, Макаровна? Такъ-с. По-нашему, Дунька будетъ. А ты, жеребеночекъ, кто такой?

— Я ихъ знакомый.

— Что-то я тебя не припомню. И давно ты у нея въ знакомыхъ состоишь?

Андрей, вѣроятно, долго издѣвался бы надъ Смѣшнякомъ. Но Милица подошла сзади и оборвала шутовски начавшуюся сцену.

— Кто тебя и зачѣмъ сюда послалъ? — спросила она тихо и серьезно.

Смѣшнякъ, успокоившись, повернулся къ ней.

— Предупредить велѣли.

— Говори, милый, ясно. О чем предупредить?

— Евдокія Макаровна вчера ввечеру, послѣ работы, велѣли их, — он указал на Андрея, видимо, не запомнив его имени, — предупредить, что жандармы были. Сказать, чтобы не возвращались, — опасно. Ищут по важному дѣлу. А как уходил я, мальчик меня на дорогѣ догнал. Бѣлый весь, испугался, видно. “Ты, говорит, еще скажи — арестовали ее до времени”.

— Кого арестовали? Дуньку?

— Их.

— За что?

Смѣшняк замаялся и, тихо потупясь, отвѣтил:

— В залог, сказал, взяли. А больше я ничего не знаю.

Милица стояла молча. Ничего не говоря, словно выжидая что-то, каких-то нужных ей слов. Но они не прозвучали. И, повернувшись, она прошла мимо, словно обронив:

— Иди!

Андрей встрепенулся.

— Никуда я не пойду. Тут останусь, сюда, небось, не придут...

В нем скользнула какая-то темная мысль. Он посмотрѣл на Смѣшняка и сказал:

— А Васька гдѣ?

— Мальчик-то? Не знаю. Он один остался.

— Он жандармам что-нибудь говорил?

Смѣшняк смотрѣл серьезно и непонимающе.

— Да говори, чорт! — сорвался как с привязи Андрей.

Тот еще шире раскрыл глаза и смотрѣл еще недоумѣннѣе и испуганнѣе чѣм раньше.

— Не знаю. Мнѣ велѣли только вас предупредить. А больше я ничего не знаю.

— Иди, Андрей, — снова из темноты прозвучал голос Милицы.

Прокуковала кукушка на деревянных часах, отбила одиннадцать ударов, и снова все стихло. Недвижно выдѣ-

лились три темных рисунка людей, по странному связанным в эту минуту.

Андрей первый зашевелился, посмотрѣл на Милицу и, твердо отчеканивая слова, сказал:

— Иди на деревню и скажи Василью — отец, мол, зовет.

И, нехорошо улыбнувшись, прибавил:

— Он дорогу найдет. Ученаго учить нечему.

Но внезапно фигура Смѣшняка исчезла. Закрыв его, тонкой тушью вычернился высокій облик монахини и покрыл все остальное. В воздухъ прозвучали четко, чеканно, как приказ, слова:

— Вот что, милый, иди, разыщи Василья. Скажи ему, что отец придет к утру и Дуню смѣнит. Не сидѣть неповинно женщинѣ за него в тюрьмѣ. Вот тут мясо с хлѣбом. Передашь ему. Голодный, небось, сидит волченоч. Только от кого, не говори, — улынулась она уже совсѣм старой своей улыбкой. — “Колдуньей” он меня прозвал. Отродясь, никто меня не боялся, а тут, смотри же ты, — ребенка испугала.

Смѣшняк, увидав спокойное лицо Милицы, отвѣтил ей своей широкой, такой обычной для него улыбкой и, взяв пакет, осторожно положил его в карман.

— Подожди, сказала Милица. — Сам послѣ работы побѣжал, тоже не ѣвши, должно быть? — И, поискав в корзинѣ, вынула огурец и яйцо и тихо подала ему.

— Спасибо вам, — от всей души откликнулся он ей. — И забыл я. А как вы сказали — вспомнил... голодный.

И, стараясь не глядѣть на Андрея, смѣшным шагом ребенка, боящагося потревожить спящаго человѣка, пошел к дверям.

Андрей сидѣл, не шевелясь. Милица двигалась по комнатѣ, продолжая свою обычную жизнь, — убирала свѣчи, напѣвала не всегда складно ложившіяся слова.

Внезапно краска ударила ему в голову: “Не сидѣть же

женщинѣ неповинно в тюрьмѣ”. — “За подлеца, значит, меня почитает? Скотина я, — а подлецом не был”.

Он встал, подошел к ней вплотную и грубо сказал:

— Ты, что ж это, хозяйкой моей стала? За меня распоряжаешься?

Она посмотрѣла на него, но, ничего не сказав, продолжала убирать грот.

Андрей схватил свою шапку и, нехорошо ощерив зубы, бросил ей как вызов:

— Ну, ладно, придет час, — посчитаемся! А теперь в тюрьму по твоему приказу пойдём. О тебѣ там думать будем. А покуда что, — прощай.

Со скрипом закачалась дверка, брошенная изо всей силы тяжелой рукой.

Лидія Крестовская

(Окончаніе слѣдует)

Теченіе городской рѣки,
Такія скользкія перила
И двѣ протянутыя руки,
Уже без воли и без силы,
Благословляющія так
Души послѣднее бѣненіе,
Воспоминаніе и забвеніе,
И сон камней, и синій мрак,
И тишину, и высоту,
И звѣзды, что тяжеловаты,
Вдруг приближаются к мосту
И обрываются куда-то,
С прозрачным звоном и огнем,
Легко сжигающим пространство,
Тоску свою и постоянство,
Свой дальній край, свой отчій дом.

Алла Головина

Жить в трезвости и в созерцаньи,
В закатъ праздничнаго дня,
Не замерзая без огня.

Зачаровать свои желанья,
Серьезно думать, слушать чутко,
Печальной музыкой разсудка
Заполнить годы пустоты.

Забывать, — но не предать мечты.

А память о возможном другѣ,
Как солнце осени на югѣ,
Как нѣжность желтую мимозы,
Воображеньем создавать.

И сохраняя в сердцѣ слезы,
Их никогда не проливать.

Свободны мысли от гипноза
Высокой выдумки своей.
У южных вилл цвѣтет мимоза
Тяжелой нѣжностью вѣтвей.

Как озеро бѣлѣет море...
Бьет колокол, — который час?
И даже в отвлеченном спорѣ
Ничто не примиряет нас.

Все неустойчиво и ясно.
Усиліе всегда напрасно,
Жизнь праведна и жестока.

На берег вытянуты сѣти,
Все помнит о минувшем лѣтѣ,
Мечтает и грустит слегка.

Ни сил, ни надежд, ни желаній...
И не возвратится опять.
Есть мысли — почти завѣщанье, —
Но как и кому завѣщать:

Взволнованость, выдумку, нѣжность
Миражную моря безбрежность
И пальмы у розовых дач,

Причудливых лоз равномерность,
Безуміе, бѣдность и вѣрность
Безрадостный смысл неудач...

И то, что похоже на чудо, —
Почти совершенно в себѣ
Тяжелую близость (откуда?)
И память о Вашей судьбѣ.

Л. Червинская

Памяти великаго философа

(ЭДУАРД ГУССЕРЛЬ)

IV

Я привел здѣсь размышленія Нитше, хотя мнѣ с Гуссерлем о Нитше никогда говорить не приходилось; возможно, даже вѣроятно, что Гуссерль мало знал Нитше. И все же его с Нитше, как и с Киргегардом, тѣснѣйшим образом сближала готовность, точнѣе, непреодолимая потребность подойти к тому, что они оба считали сущностью философіи — к началам, истокам, к корням всего. Оба безгранично вѣрялись разуму, на свой манер осуществляя принцип: «*Roma locuta, causa finita*». И, когда разум потребовал отреченія от всего, что мы считали святым, утѣшающим, от того, в чем мы видѣли свои надежды, свое блаженство — Нитше, за себя и за всѣх, значит, и за Гуссерля, безропотно и даже благоговѣйно принял всѣ его требованія. Обоготовил камень, тяжесть, рок, равно как и тяжелую, каменную, роковую мораль. И тут нужно сказать: возвыщенная Нитше и возведенная им в идеал жестокость отнюдь не есть, как казалось многим, нѣчто совсѣм небывалое в философіи. Только до Нитше никто с такой вызывающей рѣзкостью, опредѣленностью и вмѣстѣ с тѣм с таким сверхчеловѣческим почти вдохновеніем не упивался идеей беспощадной, неумолимой жестокости. Но эта идея цѣликом уже была выработана античной философіей и, как огонь под пеплом, невидимо жила в самых возвышенных построеніях эллинскаго генія. Когда Платон в «Законах» торжественно заявляет, обращаясь к отдѣльному человѣку: «ты сам, жалкій смертный, как ты ни мал — все же ты имѣешь извѣстное значеніе в общем строѣ (бытія)... но ты не думаешь о том, что каждое отдѣльное порожденіе происходит в виду всего (существующаго), чтоб оно жило счастливою жизнью; что ничего не дѣлается ради тебя и что сам

См. «Русскія Записки» — Декабрь.

ты создан для вселенной» — когда он, говоря, заявляет такое, он уже цѣликом предвосхищает Нитше. Послѣдній великій философ Греціи выразил платоновскую же мысль в еще болѣе конкретных и обнаженных словах: убивают твоих сыновей, безчестят твоих дочерей, разрушают отечество — во всем этом нѣтъ ничего страшнаго и потрясающаго, все это есть и должно быть и, потому, должно быть нами спокойно приемо. Так относится наш разум к «дѣйствительности» и так он ее оцѣнивает, а с разумом спорить нельзя. Правда, Плотин, в концѣ концов, сдѣлал гениальную попытку «взлетѣть над разумом», стать по ту сторону «знанія и разумѣнія». Здѣсь я об этом не могу распространяться — я достаточно говорил об этом в других мѣстах*). Но, поскольку он оставался в колеѣ античнаго мышленія, объединяя идеи Платона, Аристотеля и стоиков, — и ему приходилось, покоряясь самоочевидности, принимать ужасы человѣческаго существованія, как нѣчто неизбежно вытекающее из начал и корней бытія, а потому окончательно и, стало быть, должное и законное. И так продолжается вплоть до наших дней. Всѣ убѣждены, что наше мышленіе должно, как выразился Сенека, безропотно и радостно покоряться тому, что разум открывает в жизни. Послѣднее слово мудрости — и человѣческой, и божеской: *fata volentem ducunt, nolentem trahunt*. Идея рока, слѣпота, глухота, ко всему безразличнаго рока, безраздѣльно владѣет помыслами всѣх разумных существ. Сам Нитше, так яростно нападавшій на мораль рабов и так восторженно прославлявшій мораль господ, благоговѣйно смирился пред роком. Быть рабом рока, исполнять не за страх, а за совѣсть всѣ его велѣнія, не казалось ему ни позорным, ни страшным. Он открыто и вдохновенно проповѣдует даже уже не покорность, а любовь к року (*amor fati*) со всѣми его неумолимостями и беспощадностями: наш разум и то знаніе, которое разум приносит, открывают нам истины, непреодолимые не только для нас, но и для высших существ, для ангелов и богов. Всякая попытка бороться с этими истинами заранѣе обречена на неудачу. Нитше, как и Гуссерль, каждый по своему выразившій эту идею, чувствовали, что тут они неуязвимы: они стоят под защитой самоочевидности.

*) С Гуссерлем мнѣ пришлось лишь раз в бесѣдѣ коснуться Платона: Но он с той правдивостью, которая так очаровывала в нем, сказал мнѣ: «Плотином я никогда не занимался и знаю о нем лишь то, что вычитал в ваших книгах».

Но, спрошу еще раз, отчего тогда Гуссерль так настойчиво и непреклонно посылал меня к Киргегарду? Киргегард тоже много и часто говорил о роке. И со свойственной ему проникновенностью, точно предвосхищая Гуссерля и Нитше, писал, что, чем глубже, значительней и гениальней человек, тем безраздельней им владеет идея рока. Но только, в противоположность Нитше и Гуссерлю, он в этом не усматривает «величия». Трудно, заявляет он, признаться в этом, но приходится сказать, что гениальный человек есть величайший г р ѣ ш и и к. Безусловное доверие к разуму, не только когда он берет на себя руководство в эмпирическом мире или в средних поясах бытия, но и тогда, когда со- бытия нашей жизни подвигают нас к окраинам бытия, есть грѣх, есть падение, величайшее падение, какое можно себя представить — о нем же повествуется в самом начале книги Бытия: человек, вкусив от плодов дерева познания, оторвался от источника жизни. Для нашего разума это — безумие. Киргегард это превосходно знает, лучше, чем кто-либо другой. Но это «знание» его не удерживает. Для него Иов не просто «многострадальный старец», для него Иов — «мыслитель», правда, «частный мыслитель», но такой, от которого можно услышать то, что не открывалось ни великим представителям современной философии (Гегелю), ни на блестящих симпозионах древности: есть такие вѣсы, на которых человеческая скорбь оказывается тяжелѣе песка морского. Повторяю — ибо, сколько ни повторять, все мало, — Киргегард превосходно знает власть самоочевидных истин над людьми: он испытал ее, как рѣдко кто, на самом себе. И все-же, вдохновляемый Писанием, он дѣлает грандиозную попытку преодоления самоочевидностей. Самоочевидностям он противопоставляет — как возражение — великую человеческую скорбь и те ужасы, которыми переполнена наша жизнь. Нельзя, конечно, отрицать: не ему одному приходилось стоять с открытыми глазами перед ужасами бытия — и другие, философы и не философы, бывали в его положении. Но тут-то и возникла перед Киргегардом великая и страшная дилемма: п р о д о л ж а т ь л и п о п р е ж н е м у — п р е д л и ц о м у ж а с о в б ы т і я — принимать за последнюю и окончательную истину то, что наш разум предполагает, как таковую, или рѣшиться, следуя Писанию, поднять вопрос о компетенции разума и приносимаго им знания: мудрость человеческая есть безумие пред Господом. Противопоставить

«усмотрѣніям» разума «крики» Іова, «плач» Іереміи, громы пророков и апокалипсиса? Это, скажу еще раз, несомнѣнно — «безуміе». Но развѣ ужасы жизни, открывающіеся тому, кто принужден взглянуть им прямо в глаза — не безуміе? Развѣ Іов со своим страшным опытом, Іеремія, плачущій о судьбѣ своего народа, или даже Плотин, вспоминаящій об убитых юношах и обезчещенных дѣвушках, — находятся в предѣлах еще разумнаго? Мы стоим между двумя «безуміями». Между безуміем разума, для котораго обнаруживаемыя им «истины» об ужасах реального бытія есть истины послѣднія, окончательныя, для всѣх обязательныя, вѣчныя истины, и безуміем Киркегардовскаго «Абсурда», который рѣшается начать борьбу тогда, когда, по свидѣтельству нашего разума и его очевидностей, борьба невозможна, ибо она обречена на позорную неудачу. С кѣм идти — с представителями эллинскаго симпозиона, или с Іовом и пророками — какому безумію отдать предпочтеніе? Книга Іова, плач Іереміи, громы пророков, громы апокалипсиса не оставляют сомнѣнія, что ужасы челоувѣческаго существованія от библейских «частных мыслителей» не были скрыты и что в них было достаточно мужества и твердости, чтоб глядѣть прямо в лицо тому, что принято называть дѣйствительностью. И все же, — в противоположность великим представителям *philosophiae perrenis* — дѣйствительность с ея ужасами зовет их не к покорности неотвратимому. Там, гдѣ философія, спекулятивная видит конец всяких возможностей и безвольно складывает руки, там философія экзистенціальная начинает великую и послѣднюю борьбу. Философія экзистенціальная не есть рефлексія (*Besinnung*), «допрашивающая» дѣйствительность и ищущая истины в непосредственных даных сознанія, она есть преодоленіе того, что кажется нашему разумѣнію непреодолимым. «Для Бога, неустанно повторяет Киркегард, нѣтъ ничего невозможнаго», — подводя в этих немногих словах итог тому, что до него донеслось из Писанія. Возможности опредѣляются не вѣчными истинами, вписанными мертвой или мертвящей рукой в строй мірозданія, возможности во власти живого, всесовершеннѣйшаго существа, создавшаго и благословившаго челоувѣка. Какіе бы ужасы нам ни открывались в бытіи (повторяю, что никто так не воспринимал их, как пророки, псалмопѣвцы, апостолы), они, вопреки завѣреніям разума, вовсе не обнажают пред нами «истины» и не говорят о том, что их невозможно выкорче-

вать из бытія. Псалмопѣвец восклицает: « *De profundis ad te Domine, clamavi* ». Из глубины страшнаго паденія и отчаянія человѣкъ взываетъ къ Господу. От пророковъ и апостоловъ мы слышимъ: «смерть, гдѣ твое жало, адъ, гдѣ твоя побѣда?» Они же возвѣщаютъ намъ, что Богъ печется о всякомъ живомъ человѣкѣ и что въ послѣднемъ счетѣ восторжествуетъ не дѣйствительность съ ея беззаконіями и неумолимостями, а Богъ, который «считаетъ волосы на головѣ человѣка», Богъ, который есть любовь, который обѣтуетъ, что отретъ всякая слеза. Нечего и говорить, что для нашего разума — вся эта борьба, всѣ обѣтованія и связанные съ обѣтованіями человѣческія упованія — есть вздорная иллюзія и ложь. Законъ жизни дается не живымъ Богомъ, законъ жизни не есть любовь, а вѣчная, непримиримая вражда. Уже великій эллинскій философъ «зналъ», что война есть отецъ и царь всего. Надо обоготворить не библейскаго Творца, а камень, глупость, ничто. И для обоготворившихъ камень людей героями будутъ не тѣ, которые видятъ начала, истоки и корни всего въ любви, а тѣ, которые осуществляютъ въ жизни принципъ вражды, не апостолы, не пророки, а Ганнибалъ, уже съ дѣтства дающій клятву вѣчной ненависти къ Риму, или Катонъ съ его « *caeterum censeo Carthaginem delendam esse* » Для разума, преклоняющагося предъ очевидностями и допрашивающаго об истинѣ дѣйствительность, — проповѣдь любви у пророковъ и апостоловъ есть ребяческая чувствительность, жалкая сентиментальность, безслѣдно растворяющаяся въ событіяхъ исторіи, а громы пророковъ и апостоловъ — не из тучи, а из навозной кучи. И сказаніе Библии о грѣхопаденіи перваго человѣка — наивная и пустая выдумка: плоды съ дерева жизни не только не уничтожаются, но обуславливаются и предполагаются плодами съ дерева познанія. Какъ провозгласилъ Гуссерль: разумъ заявляетъ, мудрость должна повиноваться. И, если въ «откровеніи св. Іоанна» возвѣщается, что Богъ не только отретъ всякую слезу, но и дастъ людямъ вкусить отъ плодовъ дерева жизни, какой просвѣщенный человѣкъ не то, что приметъ, но согласится серьезно обсудить слова Писанія? Всѣ хотятъ «знать», всѣ убѣждены, что знаніе несетъ послѣднюю и окончательную истину — о томъ, что есть и чего нѣтъ, о томъ, что возможно и что невозможно, и противъ приносимыхъ знаніемъ истинъ никто спорить не смѣетъ. Но какъ-же Киргегардъ, къ которому меня отослалъ Гуссерль, рѣшился начать спорить тамъ, гдѣ никто спорить не смѣетъ? Какъ рѣшился онъ бороться тамъ, гдѣ всѣ сдаются на ми-

лость врага? Отвѣтъ на этот вопрос и будет отвѣтом на обращенный ко мнѣ вопрос Макса Шеллера.

V

Для Гуссерля, как и для Киргегарда, среднія рѣшенія представлялись отказом от философіи. Пред обоими возстала во весь свой исполинскій рост проблема: *Entweder-Oder*. Гуссерль пришел в отчаяніе при мысли, что наше, человѣческое знаніе есть знаніе условное, относительное, преходящее, что даже такая вѣчная, непоколебимая истина, что Сократа отравили, может поколебаться, что она уже поколеблена и даже не существует для ангелов и богов и что у нас нѣтъ никаких основаній утверждать, что она не перестанет когда-либо существовать и для нас, обыкновенных смертных. И тут он, с неслыханной, как помнит читатель, мощью и силой поставил свое *Entweder-Oder*: либо мы всѣ сумасшедшіе — либо «Сократа отравили» есть вѣчная истина, равно обязательная для всѣх сознательных существ. У Киргегарда его *Entweder-Oder* *) звучит столь же рѣшительно и грозно: либо вѣчныя истины, которыя открывает разум в непосредственных данных сознанія — есть только истины преходящія, и ужасы, которые выпали на долю Іова, или тѣ, которые оплакивал Іеремія, или тѣ, о которых гремѣлъ в своем «откровеніи» Іоанн, всѣ эти ужасы, по волѣ тѣх, кто создал и вселенную, и людей, вселенную заселяющих, превратятся в ничто, в призрак, как превращаются для проснувагося в ничто ужасы кошмара, безраздѣльно завладѣвающаго сознаніем спящаго человѣка, — либо мы живем в безумном мірѣ. Под напором воплей, стenanій, плача Іова, Іереміи, Іоанна и всѣх других, для которых «дѣйствительность» превратилася в кошмар, начинает обнаруживаться, что очевидность — о ней же нам Гуссерль сказал, что она не есть голос с неба, — вовсе не так непреодолима и что ея притязанія на непреодолимость не могут быть ничѣм оправданы. Опять таки: сомнѣнія в суверенных правах самоочевидности подсказана Киргегарду Писаніем: человѣческая мудрость, — так сказано там — есть безуміе пред Господом. Не спасает очевидность и закон противорѣчій. В сонном видѣніи, — когда на человѣка надвигается чу-

*) Его первая послѣ диссертациі большая работа так и называется «*Entweder-Oder*».

довище, готовящееся уничтожить и испепелить и его самого, и весь мір, в то время как он сам чувствует себя парализованным, неспособным не то, что защититься, но даже хотя бы пошевелить каким-нибудь членом,—спасеніе приходит вмѣстѣ с противорѣчивым сознанием, что овладѣвшій человѣком кошмар не есть дѣйствительность, а лишь преходящая одержимость. Сознание противорѣчивое, ибо оно предполагает у спящаго истину о том, что состояніе сознанія сновидца не есть истинное, — и стало быть истину, уничтожающую самое себя. Чтоб избавиться от кошмара, нужно отогнать от себя «закон» противорѣчія, которым держатся и всѣ очевидности в состояніи бдѣнія: нужно сдѣлать огромное усиліе и проснуться; оттого философія и есть, как я говорил Гуссерлю, не *Besinnung*, не рефлексія, которая дѣлает сон непробудным, а борьба (*Kampf*). В этом — мои основныя возраженія Гуссерлю. В этом же и смысл загадочнаго сказанія «Книги бытія» о грѣхопаденіи перваго человѣка: дереву жизни противопоставляется дерево познанія, несущее смерть. Истины, приносимыя знаніем, преодолеваются человѣческими страданіями.

Знаю, слишком хорошо знаю, как возмущается просвѣщенная мысль современнаго человѣка возможностью таких допущеній. Не только европейская мысль, — мысль отдѣленных от остальнаго міра непроходимыми Гималаями индусов шла по той же колесѣ, что и европейская. Браманизм и еще в большей степени буддизм, который сплошь и рядом оцѣнивается европейскими истолкователями, как высшее достиженіе индусскаго мышленія. цѣликом держатся на познаніи, опирающемся на очевидности. Нельзя преодолѣть вѣчнаго принципа закономерной причинной связи явленій, нельзя положить конец метампсихозу и кармѣ, нельзя измѣнить вѣчной истины, что все, имѣющее начало, должно имѣть конец, — всѣм этим «нельзя» нужно покориться. всѣ их нужно принять и ко всему этому приспособиться. Правда, есть основаніе думать, что западная мысль приладила индусское міровоззрѣніе к тѣм идеям, которыя выросли и развились в ея собственной духовной исторіи. Над индусскою мыслью царит идея освобожденія или искупленія, которая имѣет, может быть, иной смысл, чѣм это нам кажется. По преданію сам Будда в предсмертный час повторил, что все, имѣющее начало, должно имѣть конец, — но, вѣдь, он не менѣе страстно, чѣм Іеремія или Іоанн. говорил о человѣческих страданіях: если бы собрать всѣ проли-

тыя людьми слезы, набралось бы больше влаги, чѣм в четырех великих океанах. Не пытался-ли и он, как Іов, сравнивать вѣс песка морского с ужасами человѣческаго бытія? Только счел нужным скрыть это под нежеланіем «теоретизировать»? Здѣсь, конечно, не мѣсто распространяться об этом. Я только хотѣл подчеркнуть, что европейская мысль, зачарованная самоочевидностями, считает себя «возвысившейся» над «откровенной» истинной, для которой человѣческія слезы могущественнѣе, чѣм обнаруживаемыя очевидностями необходимости, и которая возбѣщает, что через слезы, вызывающія к Творцу, а не через разум, допрашивающій «данное», идет путь к началам, истокам, к корням жизни.

И в этом отвѣтъ мой Максу Шеллеру, а вмѣстѣ с тѣм и объясненіе, отчего я так необыкновенно высоко цѣню и чту философское дѣло Гуссерля. Он с рѣдким мужеством и со столь же рѣдким — даже у выдающихся людей — вдохновеніем осмѣлился поставить самый существенный, самый трудный, а вмѣстѣ с тѣм самый болѣзненный вопрос о «значимости» познанія. Чтѣб познаніе было значимым, нужно признать его абсолютным — и принять все, что оно от нас потребует. Обогаотворить камень, принять безпощадную жестокость, самому окаменѣть, отречься от всего, что нам наиболѣе нужно и дорого, как учил, принуждаемый самой истиной, Нитше. Или отбросить абсолютное познаніе, возстать против принуждающей, неизвѣстно по какому праву, истины и начать борьбу с очевидностями, самовольно превращающими ужас эмпирическаго существованія в вѣчные законы бытія. Первое сдѣлал в новое время Гуссерль, второе Киргегард, к которому Гуссерль отослал меня. Приходится, как я уже указал, либо абсолютизировать истину и релятивизировать жизнь, либо отказаться в повиновеніи нудящей истинѣ, чтѣб спасти человѣческую жизнь. Преодолѣніе, борьба с самоочевидностями есть перевод на философскій языкъ библейскаго завѣта, если угодно библейскаго откровенія: мудрость человѣческая есть безуміе пред Господом. Гуссерль это чувствовал со всей проникновенностью своего философскаго генія. Оттого он так настойчиво направляя меня к Киргегарду, в котором я, к величайшему изумленію своему, открылъ двойникъ Достоевскаго, поддержавшаго во мнѣ своими писаніями готовность вступить в борьбу с Гуссерлем: кто мог думать, чтѣ философ отошлет к своему рѣшительному идейному противнику? чтѣ слагавшій гимн разуму и его очевидностямъ оцѣнил чело-

вѣка, провозгласившаго Абсурд и беспощадную, не на жизнь, а на смерть, борьбу с очевидностями?

Понять и оцѣнить Гуссерля можно, лишь постигнувъ глубочайшую внутреннюю связь его с Киргегардом. Первый покоряется нудящей истинѣ и видит откровеніе в самоочевидностях разума, второй, с душой, переполненной «страхом и трепетом», идет за откровеніем туда, гдѣ для разума начинается область вѣчнаго ничто. У перваго песок морской перевѣшиваетъ человѣческія муки, у втораго человѣческія муки тяжелѣе песка морского. Первый укрывается под сѣнью «*parere*», вѣчнаго повиновенія, второй рвется къ загадочному и таинственному «*jubere*», забытому человѣческой мыслью. Можно надѣяться, что вызывающія «*Entweder-Oder*» Гуссерля и Киргегарда реформируютъ современную мысль, пробудятъ ее от вѣковаго оцѣпенѣнія? Не думаю. Цѣлый ряд выдающихся философов и вышел из школы феноменологіи. И всѣ они отвернулись от Гуссерля — Киргегардских *entweder-oder*, хотя с молодых лѣтъ знали и Нитше и Киргегарда. Они предпочли вернуться къ старому лозунгу: назадъ къ Канту. К Канту, для котораго Киргегардскій Абсурдъ знаменовалъ ту область *Schwärmerei und Aberglauben*, которая была ему такъ ненавистна и от которой онъ такъ предостерегалъ своихъ читателей; «критику чистаго разума» онъ предусмотрительно смягчилъ «критикой разума практическаго». Постулаты Бога и безсмертія души должны успокоить человѣка, потрясеннаго дошедшей до него из критики чистаго разума вѣстью о смерти Бога. Но развѣ эти постулаты приемлемы для разума? Развѣ разум не относитъ ихъ безъ всякаго колебанія къ области *Schwärmerei* и *Aberglauben*. Двухъ мнѣній быть не можетъ: самое фантастическое суевѣріе — допустить бытіе Бога или вѣрить въ безсмертіе души, все равно называть-ли эти истины аксіомами или постулатами! Расплатъ самоочевидности человѣку не дано. Пусть альфой и омегой Писанія будетъ помѣщенное въ самомъ началѣ В. Завѣта сказаніе о грѣхопадѣніи и помѣщенное въ концѣ Н. Завѣта обѣщаніе, что Богъ дастъ вкусить человѣку отъ плодовъ дерева жизни, — но развѣ не очевидно всякому, что и Ветхій и Новый Завѣтъ выпли изъ области фантастики и суевѣрія? Пресвѣщенный человѣкъ никогда не пойдетъ за истиной къ старой, созданной невѣжественнымъ народомъ, книгѣ, какъ не согласится онъ противопоставить вопли Іова, плачъ Іереміи и

громы апокалипсиса соображеніям разума с его очевидностями. Философія не откажется от Канта.

Значит- ли это, что Киргегардо - Гуссерлевскія Entweder-Oder навсегда отвергнуты людьми? Что мы осуждены обоготворить камни и исповѣдывать беспощадную жестокость к ближним, как провозгласил в минуту одержимости разумом Нитше? И что киргегардовскій Абсурд рано или поздно будет с корнем вырван из человѣческаго сознанія? Не думаю. В общей экономіи человѣческаго духовнаго дѣланія попытки преодоленія самоочевидностей имѣют свое, хотя и невидимое, не цѣнимое, но огромное значеніе. И я считаю себя безконечно обязанным Гуссерлю, принудившему меня силой своей безудержной мысли начать борьбу там, гдѣ мы всё «считаем», что нѣтъ никаких надежд на возможность побѣды. Но, чтоб бороться с самоочевидностями, нужно перестать «считать». Этому меня научил Гуссерль, против котораго мнѣ пришлось возстать, хотя я видѣл и продолжаю видѣть в нем великаго, величайшаго философа новаго времени.

Л. Шестов

РОКОВЫЕ ГОДЫ

(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ)

9. — КОНТУРЫ КАДЕТСКОЙ КОНСТИТУЦИИ И ПАРТИИ К.-Д.
— ПОДГОТОВКА К ОТКРЫТИЮ ПАРТИИ НА СЕНТЯБРЬСКОМ
СЪЕЗДѢ. — ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА ПРИ ОТКРЫТИИ
УЧРЕДИТЕЛЬНОГО ОКТЯБРЬСКАГО СЪЕЗДА. — МОЙ ВСТУ-
ПИТЕЛЬНЫЙ ДОКЛАД. — ОТНОШЕНИЕ К МАНИФЕСТУ 17
ОКТЯБРЯ. — ОБЫВАТЕЛЬ «ЛИТЕРАТУРНАГО КРУЖКА» И
НИКИТСКОЙ УЛИЦЫ.

Вскорѣ послѣ моего возвращенія из за-границы (апрѣль 1905) один из самых наших дѣятельных единомышленников, Д. И. Шаховской, улыбаясь, передал мнѣ коротенькую рукопись под загадочным и весьма академическим заглавіем: «Изложеніе проекта Геллерта». — Геллерт? Извѣстный германскій баснопи-сец ХУІІІ столѣтія? Что такое? Рѣчь шла о переходѣ от самодержавія къ конституціонному строю... в австрійской имперіи. Но въ первых же строкъ видно было, что дѣло идетъ о Россіи. В весенніе мѣсяцы 1905 г. мы еще говорили «эзоповскимъ языкомъ». «Проектъ Геллерта» содержалъ краткій конспектъ будущаго конституціоннаго строя въ Россіи, набросанный твердой рукой опытнаго государствовѣда, прекрасно знакомаго и съ конституціями стараго и новаго свѣта, и съ условіями ихъ примѣненія къ мало - подготовленной Россіи. Такимъ былъ у насъ молодой Ф. Ф. Кокошкинъ. Идея, развитая на этихъ четырехъ листикахъ, несомнѣнно вошла въ сознаніе среды собиравшейся на земскихъ сѣздахъ, а черезъ нее и въ программу будущей партіи. Здѣсь были двѣ демократически составленныя палаты, о которыхъ мы много спорили съ Кокошкинымъ, и двухстепенные выборы при всеобщемъ избирательномъ правѣ, за которыя упорно держалась руководящая часть партіи; предварительная реформа мѣстнаго самоуправленія, обусловливавшая состав верховной палаты; право автономіи, мѣстнаго сейма и отдѣльнаго пред-

ставительства для «Галиціи» (Царства Польскаго) и возстановленіе государственных прав в «Чехіи» (Финляндіи): словом, весь круг вопросов, положенных в основу политических воззрѣній будущей партіи к.-д. Ряд тонких наблюдений и отдѣльных штрихов показывал, что автор и его окруженіе прекрасно понимали обстановку, в которой совершается «переход» к новому строю — и намѣренно обходили точное предсказаніе событій, при которых этот «переворот» совершится, предоставляя ход дѣлам «обстоятельствам».

Однако, будущая «партія» не должна была занимать положеніе чисто выжидательное — до наступленія этих «обстоятельств»; она должна была к ним готовиться. Слѣдующія четыре странички и посвящались подготовкѣ кадров партіи и мѣрам для ея распространенія в странѣ. Все это было так же умно и продуманно; но предвидѣлись и препятствія — как со стороны, в случаѣ неудовлетворенности населенія отсутствіем всеобщаго избирательнаго права и «цензовым» характером состава конституціонной партіи, — так и изнутри — в виду непривычки партійнаго состава к употребленію агитаціонных и пропагандистских приѣмов, не всегда даже «моральных». Все это было предусмотрено в запискѣ, и против этого рекомендовались даже извѣстные средства; но существо неизбѣжных и неотвратимых в политикѣ трудностей от этого не измѣнялось.

В двух отмѣченных направленіях и развивалась подготовительная работа к образованію партіи: в программном направленіи — с несомнѣнным успѣхом, в тактическом — с несомнѣнными неудачами. Вот частный, но характерный примѣр: проект предполагал широкое распространеніе среди масс общедоступной пропагандистской литературы. Но когда цензурныя препятствія ослабѣли, центральная группа издала ряд серьезных руководящих работ по прекрасно изученному матеріалу, тогда как Россія была «наводнена» (выраженіе проекта) брошюрной пропагандистской литературой, созданной лѣвыми партіями, болѣе приспособленными для этой цѣли. Конечно, эта литература содѣйствовала широкому распространенію лѣвых взглядов, тогда как «кадетская» осталась извѣстна одним специалистам.

«Болѣе приспособленной» (конечно, относительно) была, стоявшая рядом с земцами - конституціоналистами, группа «Союза Освобожденія» — в лѣвой части своего состава. Когда воз-

ник вопрос о созданіи партіи, «Союз» на своем третьем мартовском с'ѣздѣ первый отозвался на эту потребность — и составил примѣрную, очень полную партійную платформу. Но он отступил тогда перед образованіем партіи, в виду обнаружившейся неспѣлости воззрѣній своих участников. Когда в іюлѣ земско - городской с'ѣзд признал созданіе партіи задачей неотложной, то в концѣ августа четвертый с'ѣзд «Союза» приступил уже к исполнительным мѣрам.

Характерен состав этого с'ѣзда освободженцев. Земцы и городскіе гласные составляли около трети. Остальныя двѣ трети состояли или из, так называемаго, земскаго «третьяго элемента» — радикальных служащих земства, или из либеральных профессій — литераторов, юристов, врачей, инженеров, профессоров и других участников извѣстных нам «союзов». Главная задача партіи была, однако, формулирована в полном согласіи с земцами - конституціоналистами, как «переход Союза Освобожденія от тактики тайнаго общества к тактикѣ открытой политической партіи в европейском смыслѣ слова». Прибавлю, что именно эта задача и стала лично й главной цѣлью в дальнѣйшей работѣ по созданію и направленію дѣятельности партіи. Но отдѣлить эту задачу от окружающей обстановки оказалось чрезвычайно трудным. Для выполненія задачи с'ѣзд «Союза Освобожденія», в дополненіе к комиссіи 20-ти, выбранной іюльским земским с'ѣздом, выбрал — отчасти из тѣх-же лиц — свою комиссію 40 членов. В основу ея работы была положена упомянутая программа мартовскаго третьяго с'ѣзда. Она была наиболѣе точно формулирована как раз по отдѣлам, недостававшим в земской программѣ. Земцам надо было к ней подтянуться. Это они и рѣшили сдѣлать уже в іюлѣ путем разработки неготовых до тѣх пор отдѣлов программы, как сказано раньше. Итоги этой работы должны были быть представлены на с'ѣздѣ 12-15 сентября, перед образованіем партіи. На этом послѣднем с'ѣздѣ, между прочим, я был избран, одновременно с профессором М. М. Ковалевским, в состав организационнаго бюро с'ѣздов. Фактически большой перемѣны тут не было; но формально именно с этого момента начинается моя отвѣтственная роль в процессѣ образованія партіи.

Нельзя сказать, чтобы в этот заключительный період работы с'ѣзд и его комиссіи пошли всецѣло по стопам мартовской про-

граммы «Союза Освобождения». Некоторые острые углы были заглушены; зато сильно двинута вперед техническая разработка отдельных пунктов программы. В общем, в сентябрь уже не чувствовалось оптимистически - наступательного настроения, как в июль. Булыгинский проект со всеми своими отрицательными сторонами был уже совершившимся фактом — и отношение к нему осталось безусловно отрицательное. Но поневоле передвинулось отношение к выборам по непригодному избирательному закону; не было больше речи о непосредственном соглашении с «народом». В июль вхождение, в возможно большем числе, «сплоченной группы» единомышленников в Булыгинскую Думу должно было «служить средоточием и точкой опоры для обществ е н а г о д в и ж е н і я, стремящегося к достижению политической свободы и правильного народного представительства». Но при этом уже указана и «цель — добиться ч е р е з е г о (будущего собрания) п о с р е д с т в о г а р а н т і й л и ч н о й и общественной свободы... и введения народного представительства (на началах всеобщего избирательного права)». В сентябрь эта формула была повторена, хотя и было очевидно, что тут сопоставлены две разные тактики: борьба извне государственной думы с борьбой изнутри. Она, правда, не находилась в обязательном противоречии и, напротив, могли бы содействовать одна другой — при условии согласованного руководства движением. Но появившись в различных руках — и использованные для достижения противоположных целей — они должны были столкнуться и взаимно обезсилить одна другую.

В «центральный избирательный комитет» в Петербург был избран на нашем съезде и я; но «вопрос об активном участии комитета в выборной кампании оставлен открытым». Характерной особенностью сентябрьского съезда было и то, что в нем, при общем составе в 130 представителей земцев и 63 представителей городов, сложилось новое (после ухода Шиповской группы) меньшинство в 31-39 человек. Оппозиция проявилась не по поводу отделов программы, введенных на основе мартовской платформы «Союза Освобождения», а в связи с отделом, вновь и очень тщательно разработанным Ф. Ф. Кокоскиным — о децентрализации России и об автономии Польши. На съезде присутствовали представители «неземских» (западных) губерний. Польская автономия (при условии сохранения единства России и ис-

правления этнографических границ), послѣ жаркаго спора между А. И. Гучковым и Врублевским, прошла против одного голоса. Но обставленная всякими предосторожностями «децентрализація» («послѣ установленія прав гражданской свободы и правильнаго народнаго представительства для в с е й имперіи... по мѣрѣ выясненія потребности мѣстнаго населенія и естественныхъ границъ автономныхъ областей... открытіе законнаго пути для установленія мѣстной автономіи») собрала против себя меньшинство в 37 голосовъ при большинствѣ в 78 голосовъ.

Впервые намѣтилась здѣсь возможность появленія конкурирующей партіи «17 октября». В другомъ мѣстѣ я напомнилъ, что сентябрьскій с'ѣздъ «собирался при мрачныхъ предзнаменованіяхъ, при заревѣ аграрныхъ пожаровъ, при первыхъ проявленіяхъ черносотенной реакціи в провинціальныхъ городахъ». Мы ждали, что обывательскій испуг отразится на настроеніи пріѣхавшихъ делегатовъ. Но большинство осталось сплоченнымъ. Меньшинство молчало на с'ѣздѣ, хотя за стѣнами с'ѣзда уже обвиняло бюро с'ѣздовъ в «самовластіи», а самый с'ѣздъ — в «самозванствѣ» и «радикализмѣ». Почтенное имя перваго предсѣдателя с'ѣзда, гр. П. А. Гейдена, появилось потомъ первымъ под «воззваніемъ» союза 17 октября. А. И. Гучков своими возраженіями противъ «автономіи» выдвинулся в шефы. Такъ начиналась дифференціація в п р а в о от насъ. О дифференціаціи в л ѣ в о сейчасъ будетъ рѣчь.

Учредительный с'ѣздъ партіи былъ назначенъ окончательно, послѣ всѣхъ этихъ приготовленій, на 12-е октября. Было ясно заранѣе, что на немъ повторятся разногласія мартовскаго с'ѣзда «Союза Освобожденія» — и что договориться до полнаго единенія будетъ трудно. Но событія оставшагося мѣсяца накалили атмосферу и еще больше увеличили эти трудности. Уже в сентябрѣ забастовочное движеніе стало принимать «всеобщій» характеръ, втягивая в себя элементы, обычно далекіе от политики, и становясь в буквальномъ смыслѣ общенароднымъ. Забастовка желѣзнодорожныхъ узловъ наложила окончательный штрихъ, прервавъ, вслѣдъ за остановкой всѣхъ отраслей общественной и государственной жизни, самую возможность передвиженія. Это, между прочимъ, отрѣзало путь в Москву, на с'ѣздъ, почти тремъ четвертямъ его членовъ. Поднимался вопросъ о самой возможности признать такой с'ѣздъ — законнымъ. Но, с другой стороны, событія развертывались та-

ким лихорадочным темпом, что формальное об'явление партіи открытой становилось политически неотложным, — тѣм болѣе, что все было для этого подготовлено.

Между тѣм, вмѣстѣ с перемѣной общественной обстановки быстро поднимались и радикальныя настроенія широких кругов. По слѣд' об'явленія высших учебных заведеній автономными они стали недостижаемы для полиціи, и ежедневные митинги в аудиториях скрѣпили требованія дня. Правительство растерялось, овладѣть революціонным движеніем оно уже не могло, войска еще не вернулись с театра войны; Портсмутскій мир был только что заключен, и «герой» мира Витте вернулся в Петербург в ореолѣ будущаго «спасителя Россіи». Старыя уступки правительства представлялись уже явно недостаточными, Булыгинская дума отходила в какой-то туман; как далеко пойдет правительство навстрѣчу новым требованіям общества, что можно сдѣлать помимо воли правительства — все это оставалось неясным; предѣлы возможностей, казалось, расширялись до безконечности; названіе «конституціонно» - демократической партіи начинало казаться препятствіем для торжества усвоенных публикой социалистических лозунгов — демократической республики в окруженіи «вооруженнаго возстанія», «временнаго правительства» и всего того, что с этим связывалось в рѣшеніях третьяго (большевистскаго) с'ѣзда. Сохранить спокойствіе и трезвость сужденія в этой обстановкѣ становилось особенно трудно. Бюро с'ѣздов и сплотившаяся около него группа, встревоженные отпаденіями вправо и ожидавшія усиленнаго напора слѣва, все ж рѣшились выдержать на с'ѣздѣ линію іюльскаго и сентябрьскаго с'ѣздов, не подаваясь назад, но и не идя навстрѣчу повышенным требованіям момента.

Мнѣ было поручено сдѣлать в этом смыслѣ вступительное обращеніе к с'ѣзду. Сокращенный состав его и отсутствіе многих петербургских членов «Союза Освобожденія» нѣсколько облегчали задачу, — но и дѣлали ее болѣе отвѣтственной. Это выступленіе, собственно, было первым моим политическим крещеніем. Предопредѣляя характер складывавшейся партіи, я предрѣшал и собственное политическое поведеніе. Я зналъ, что предстоит бой и что в борьбу, помимо состоявшихся партійных рѣшеній, мнѣ придется внести и свой личный элемент — на собственную отвѣтственность. Это был вступительный экзамен на «лидерство».

Переход от «союза» к «партіи» требовал установленія болѣе

тѣснаго единства партійныхъ взглядовъ и, въ предѣлахъ этого единства, введенія обязательныхъ рамокъ партійной дисциплины. При этомъ, однако же, составъ с'ѣзда — и будущей партіи — былъ достаточно разнообразенъ: с'ѣзжались, въ сущности, два теченія, въ общемъ включавшихъ въ себя т. наз. «освободительное движеніе» послѣднихъ годовъ, но все же неодинаковыхъ по политическому настроенію: «освобожденцы» и «земцы - конституціоналисты». Предѣлы разногласій, слѣдовательно, должны были быть установлены, по крайней мѣрѣ на первый разъ, достаточно широкіе. Политическая реформа, какъ п у т ь, соціальныя реформы, какъ ц ѣ л ь: такъ ставилась общая задача. Первая часть обозначалась понятіемъ «конституціонной», вторая — «демократической» партіи; но и то и другое понятіе включали въ себя опредѣленные ограниченія. Политическая реформа не должна была быть «республиканской», демократическая не должна была быть «соціалистической». Граница направо была, при этихъ условіяхъ, достаточно ясна: она проходила тамъ, гдѣ начинались классовыя стремленія русскихъ промышленниковъ и аграріевъ. Тѣ и другія уже тогда проявились вполне опредѣленно, — хотя бы въ оппозиціи реформѣ со стороны дворянства и въ пресловутой «конституціи» Крестовникова. Съ этой стороны наши противники не выступали, правда, подъ открытымъ забраломъ, ограничиваясь обвиненіями въ стремленіи разрушить «единство и нераздѣльность Россіи» (А. И. Гучковъ и будущая партія 17 октября) и въ отрицаніи «неприкосновенности частной собственности». На это я отвѣчалъ, что «ни того, ни другого к. д. партія, разумѣется, не отрицаетъ; но она является непримиримымъ противникомъ бюрократической централизаціи и манчестерства».

Граница партіи налѣво была гораздо менѣе ясна: тутъ были «не противники, а союзники». Въ порядкѣ, такъ сказать, программы-минимумъ, эта граница была абсолютна. Партія — противъ «требованій демократической республики и обобществленія средствъ производства». Другое дѣло — программа - максимумъ. Я выразилъ эту разницу такъ въ своей вступительной рѣчи: «Одни изъ насъ не присоединяются къ этимъ лозунгамъ, потому что считаютъ ихъ вообще неприемлемыми; другіе — потому что считаютъ ихъ стоящими внѣ предѣловъ практической политики». «Этого рода препятствія — не неустраимы, если не смотрѣть на партію, какъ на соединеніе вѣчное». Но надо помнить, что ихъ не слѣдуетъ касаться, пока партія будетъ существовать, какъ таковая. «До тѣхъ поръ, пока возможно бу-

дет ити к общей цѣли вмѣстѣ, несмотря на это различіе мотивов, обѣ группы партіи будут выступать, как одно цѣлое. Но всякая попытка подчеркнуть только-что указанныя стремленія и ввести их в программу будет имѣть послѣдствіем немедленный раскол». Поставленный здѣсь ультиматум я старался затѣм смягчить призывами к «политической дальновидности и благоразумію, чтобы избѣжать раскола в настоящую минуту», и указаніями на то, что и так «наша программа — наиболѣе лѣвая из всѣх, какія пред'являются аналогичными нам политическими группами западной Европы» и что для Россіи это есть «первая попытка претворить интеллигентскіе идеалы в осуществимыя практическія требованія, взявъ из литературных декларацій все, что может быть введено в политическую программу». Я ссылался также и на то, что, хотя «этот характер программы может не быть оцѣнен по достоинству в момент такого высокаго напряженія общественных сил, какой мы сейчас переживаем, но он, без сомнѣнія, будет оцѣнен впоследствии».

Можно было предвидѣть, однако, что мои призывы не подѣйствуют. По воспоминанію современников, «пренія на с'ѣздѣ были бурныя», — и с'ѣзд, об'ективно говоря, уже закончился расколом. Об особенной «бурности» преній у меня лично не сохранилось воспоминаній. Всѣ пункты программы были разработаны очень близко к тексту рѣшеній мартовскаго с'ѣзда «Союза Освобожденія», но технически они были формулированы точнѣе и развиты детальнѣе. Не помню, чтобы, по крайней мѣрѣ, в данном, ограниченном, составѣ с'ѣзда, гдѣ многіе вліятельные освободенцы отсутствовали, они вызвали особенныя обостренія. «Бурныя» настроенія вызвало развѣ только оставшееся в памяти пререканіе между мною и моею женой по поводу расширенія избирательных прав на женщин. Мыѣ потом, в четвертой Думѣ, пришлось с трибуны защищать этот самый тезис; но в 1905 году я тщетно старался убѣдить собравшихся, что наша программа и без того перегружена, что тезис недостаточно актуален и что не надо допускать, чтобы весь груз пошел ко дну. При всѣм вліяніи бюро, которое поддерживало этот тезис в теченіе предыдущих земских с'ѣздов, я остался в значительном меньшинствѣ. Все наше вліяніе выразилось лишь в примѣчаніи к программѣ (впослѣдствіи уничтоженном), согласно которому для меньшинства постановленіе большинства с'ѣзда, в видѣ исключенія, разрѣшено было считать необязательным, — так же как и «различіе мнѣній» об одной или двух палатах в будущем государ-

ственном строѣ. Болѣе принципиальные вопросы (республика или монархія, назначеніе земельного фонда, образуемаго из «націонализуемых» земель и т. п.) были обойдены или затушеваны в программных формулировках, — рѣшеніе их предоставлялось будущему.

Для даннаго момента наиболѣе существенное значеніе имѣлъ тактический вопрос — об отношеніи партіи к выборам в государственную думу и к программѣ дѣятельности ея членов в самой думѣ. Тут стояли на ближайшей очереди вопросы о полном отрицаніи данной формы народнаго представительства или о различных способах использованія его для постановки вопроса об учредительном собраніи и всеобщем избирательном правѣ — внутри или внѣ думы; о том, что уже тогда называли допустимой «органической работой» в гос. думѣ и т. п. Доклад о всѣх этих тактических вопросах был также возложен с'ѣздом на меня. Но, помимо их чрезвычайной трудности, что мог я сдѣлать, когда политическая обстановка мѣнялась каждый день и когда на первую очередь стал в порядкѣ дня вопрос об отношеніи партіи к всеобщей забастовкѣ? Во вступительном докладѣ, сдѣланном в день открытія с'ѣзда, 14 октября, т. е. за три дня до манифеста, котораго никто, конечно, не ожидал, хотя и ходили темные слухи, что на верхах что-то готовится, — пришлось ограничиться по вопросам тактики нѣсколькими общими фразами о нашем отношеніи к (Булыгинской) думѣ. В два ближайшіе дни приходилось дважды отложить доклад о тактикѣ, — а докладчику дважды его передѣлывать. На третій день вопрос разрѣшился совершенно неожиданно. Уже к вечеру, к концу затянувшагося засѣданія, вбѣжал в зал запыхавшійся сотрудник дружественной газеты, потрясая смятым листком корректуры, на котором излагался еще не успѣвшей высохнуть типографской краской текст манифеста 17 октября. Прочтеніе этого текста с трибуны было и первым ознакомленіем самого бюро с его содержанием. В нем чередовались «смуты и волненія... преисполнившія сердце Наше тяжелой скорбью» и «великій обѣтъ Царскаго служенія»; «принятіе мѣр к скорѣйшему прекращенію опасной смуты», а параллельно с этим, — «для успѣшнѣйшаго выполненія умиротворенія», обѣщанія «даровать незыблемыя основы на этот раз уже самой «дѣйствительной неприкосновенности личности» и «гражданской свободы». А, главное, — «никакой закон без одобренія думы»; для «выборных от народа» — «дѣйствительное уча-

стие в надзорѣ» за властями, и даже ... привлеченіе к выборам в думу «совѣтъ лишенных избирательных прав классов населенія», с перспективой «дальнѣйшаго развитія общаго избирательнаго права вновь установленным законодательным порядком!»... Старое с новым; новыя обѣщанія — или новыя хитрости? Во всяком случаѣ, что-то дѣйствительно новое — и давно ожидаемое; какая — то наступает новая эпоха!!

Дальше медлить было нельзя; перед самым закрытіем с'ѣзда оставалось слѣшно об'явить новую партію — существующей и от нея имени принять привѣтствіе участникам всеобщей забастовки. как «мирнаго» и «организованнаго» метода борьбы, непосредственно вызвавшаго очередную капитуляцію власти... Участники с'ѣзда отправились затѣм продолжать дальнѣйшій обмѣн мнѣній — в Литературный Кружок на Большую Дмитровку, гдѣ ожидал их заранѣе заготовленный банкет по случаю окончанія с'ѣзда.

В верхнюю столовую, гдѣ был накрыт длинный стол для членов с'ѣзда и почетных московских гостей, приходилось пройти через нижній игорный зал. Восторженное настроеніе по поводу одержанной побѣды уже овладѣло обычными посѣтителями этого зала, покинувшими игорные столы при нашем приходѣ; кромѣ них, конечно, зал был переполнен и смѣшанной публикой. Особенное вниманіе присутствовавших почему-то сосредоточилось на мнѣ. Меня подняли на руки, потащили к столу, поставленному среди комнаты. водворили на стол, всунули в руку бокал с шампанским и — особенно ретивые — полѣзли на стол цѣловаться, обливши меня при этом изрядно московским липучим напитком. Затѣм, когда все немножко успокоилось и около стола плотно сгрудилась толпа, от меня потребовали рѣчи, которая, конечно, должна была быть переполнена соответственнаго праздничнаго настроенія. В моем лицѣ, очевидно, чествовали героев побѣды...

Но до побѣды было еще далеко: таково было мое личное настроеніе. Я не успѣлъ еще справиться, таково-ли оно было и у других моих товарищей по с'ѣзду. И вмѣсто горячей торжествующей рѣчи я вылил на окружившую меня и услѣдшую повеселѣть толпу цѣлый ушат холодной воды. Да, говорил я им, это успѣх и успѣх большой. Но вѣдь — не первый. — Это ~~лишь~~ **лишь** новый этап борьбы, но сколько их осталось позади! Чтобы побѣдить даже на этом этапѣ, мало и преждевременно торжествовать побѣду. Надо умѣть удержать ее, не покидая боевого поста; надо продолжать каждыѣ

день борьбу за свободу, чтобы оказаться ея достойными. Тут мало — «героев», тут нужен обыватель, и я призывал обывателя поддерживать готовность к геройским поступкам. Я, разумеется, не помню выражений взволнованной рѣчи, но вѣроятно она была не-выполнѣ лестна и убѣдительна для собравшихся меня слушать. По крайней мѣрѣ, слѣзть со стола и перебраться в верхній зал для меня оказалось легче, чѣм попасть на эту импровизированную трибуну. Восторг, конечно, продолжался, и проводы были шумные, но, как мнѣ показалось, нѣсколько болѣе искусственные, нежели мое триумфальное водвореніе на стол.

В верхнем залѣ настроеніе было тоже оживленное, и рѣчей было много. Мнѣ и тут пришлось говорить первым. Но среди своих и близких тема, конечно, была другая. Надо было анализировать происшедшее и намѣтить, хотя бы приблизительно и спѣшно, свое к нему отношеніе. Здѣсь скептическая нота преобладала. Я не помню, имѣли ли я уже к этому моменту текст доклада Витте, сопровождавшаго манифест и прибавлявшаго к нему всякія оговорки, свидѣтельствовавшія о пониманіи общественнаго настроенія, вызвавшаго уступки, и о необходимости с ним сообразоваться. Как бы то ни было, уклончивость выражений самого манифеста, в свѣтъ предыдущих таких — жѣ высочайших выступленій с уступками, была совершенно очевидна. Это была матерія из той же фабрики, хотя Побѣдоносцева за нею больше не чувствовалось.

Почему говорится о «скорби и обѣтѣ к скорѣйшему прекращенію смуты» мѣрами власти, когда принимаются «мѣры к умиротворенію государственной жизни» с цѣлью прекратить эту самую «смуту» мирным порядком? Почему даются одни только обѣщанія на будущее, выполненіе которых предоставляется «объединенному» кабинету? Что это будет за кабинет и насколько положительны самыя обѣщанія? Почему понадобилось подкрѣпить на сей раз обѣщаніе «незыблемых основ» словом «дѣйствительный»? Почему выборы в государственную думу «не останавливаются», а новые элементы населенія привлекаются лишь «по возможности» и в порядкѣ искусственной спѣшности, с предоставленіем «развитія начала общаго избирательнаго права» «вновь установленному законодательному порядку»? Почему говорится только о «развитіи», о «началѣ» и об «общем» вмѣсто «всеобщаго» права? Хорошо, что Дума наконец привлекается к изданію законов, но почему говорится лишь о ея «одобреніи»: в чем вооб-

ще будет заключаться этот новый законодательный порядок, почему при этом умалчивается вовсе о другом факторѣ законодательства, Государственном Совѣтѣ; каковы гарантіи «дѣйствительнаго участія выборных от народа» в надзорѣ над «властями», почему контроль назван «надзором» и ограничен «законобѣрностью», почему подчеркнуто, что власти «поставлены от Нас», т. е. как бы несмѣняемы, а депутаты названы по-старинному «выборными»?

Двусмысленность новых обѣщаній ярко просвѣчивала сквозь всё эти болѣе чѣм осторожныя фразы. И отвѣтственность партіи перед принятіем новых рѣшеній относительно участія в Государственной Думѣ возобновлялась в полной мѣрѣ. Создавалось вообще новое положеніе, и созыв партійнаго с'ѣзда для выясненія нашего отношенія к нему становился необходимым даже и независимо от неполноты состава только что закрытаго учредительнаго с'ѣзда. вмѣстѣ с тѣм вполне оправдывалась и своевременность появленія на свѣт новой партіи — хронологически первой политической партіи, рассчитанной на открытую и легальную политическую работу в новом представительном органѣ, на этот раз надѣленном правами законодательства.

Сильное утомленіе послѣ нѣскольких дней напряженной работы и участія в преніях заставило меня провести все слѣдующее утро и часть дня дома. Я, таким образом, только из сообщеній очевидцев узнал о проявленіях радости на улицах Москвы по поводу манифеста 17 октября. Но выйдя на Малую Никитскую утром слѣдующаго дня, я натолкнулся на зрѣлище иного характера. Вверх от бывшаго Охотнаго ряда поднималась к Никитским воротам толпа в картузах и «чуйках», какую мы в тѣ времена так и называли «охотнорядцами», разумѣя под ними очень сѣраго обывателя черносотеннаго типа. В руках у шествовавших впереди знаменосцев толпы был большой портрет государя и еще какія-то изображенія, которыя я не успѣлъ рассмотреть. Толпа что-то кричала и пѣла, — но, кажется, не гимн, — попутно сбивая шапки со всѣх встрѣчных, не успѣвавших обпакить голову. Чтобы не подвергнуть моего интеллигентскаго котелка подобной же операціи, я должен признаться, свернул в боковой переулочек, и толпа, не очень многочисленная, прослѣдовала мимо. А я оказался свидѣтелем одного из первых проявленій знаменитаго Треповскаго «рукоприкладства» к высочайшему манифесту 17 октября.

П. Милюков

Вліяють ли сонечныя пятна на ход історических событій?

Зависимость еволюції челоуѣчества и хода его історіи от окружающей среды прочно установлена и признается всѣми учеными. Так, Дрѣпер в «Исторіи интеллектуальнаго развитія Европы» утверждает, что еволюція народов и их історія зависят от физических условий, в которых народы живут, и слѣдуют естественным законам. В «Исторіи цивилизации в Англіи» Бокль, настаивая на детерминирующей роли внешней среды, рассматривает челоуѣка, как продукт окружающих его естественных условий. Павлов в своем трудѣ «Условные рефлексы» указывает, что вся жизнь, от простѣйших и до самых сложных организмов, включая конечно и челоуѣка, есть не что иное, как длинный ряд обособленных систем, все болѣе и болѣе усложняющихся, но неизмѣнно обнаруживающих одну и ту же основную, характерную черту: во всякій момент их существованія онѣ постоянно возстановливают свое равновѣсіе с окружающей средой. Иначе говоря, организм челоуѣка отзывается на всѣ измѣненія окружающих его физических условий, вибрируя, как резонатор, в униссон со средой, его окружающей.

Возникает вопрос, гдѣ кончается эта «среда»? слѣдует ли понимать под окружающими челоуѣка и живую клітку вообще физическими условиями только нашу планету (атмосфера, океаны, климат, метеорологическія явленія, магнитное и электрическое поле земли и т. д.) или слѣдует расширить это основное для історіи и соціологіи понятіе и включить в него также и солнце, а может быть и всю вселенную? Вліяніе солнца и протекающих внутри него колоссальных процессов неоспоримо, так как именно солнечная радіація создает то или иное состояніе окружающей нас среды и опредѣляет климат и метеорологическія условія в каждой точкѣ коры нашей планеты. Но не только радіаціей своей солнце может вліять на жизнь на землѣ. Извѣстно, с одной стороны, что магнитныя бури вліяют непосредственно на челоуѣка и животных, рѣзко

возбуждая их нервную систему. С другой стороны, работы французского астронома Деландра установили тѣсную связь магнитных бурь на землѣ с состояніем солнца. Дѣло в том, что активность солнца періодически колеблется: девять раз в столѣтіе наблюдаются ея максимумы, раздѣленные минимумами.

Этот ритм солнечной жизни наблюдается во всѣх явленіях ея, но рѣзче всего он проявляется в количествѣ и размѣрах солнечных пятен: во время минимума, когда солнце спокойно, лик его чист, и пятен не наблюдается совершенно; во время максимума пятна огромны и число их велико. Так, напримѣр, пятно, наблюдавшееся в концѣ февраля 1917 года, отличалось исключительно огромными размѣрами: 250.000 км. в діаметрѣ, превышая болѣе чѣм в 18 раз діаметр нашей земли. Деландр доказал, что количество и интенсивность магнитных бурь на землѣ также колеблется, слѣдуя в точности ритму солнечных пятен (обѣ кривыя совершенно параллельны). Отсюда вывод, что обиліе солнечных пятен должно создавать, через магнитныя бури, возбужденное состояніе нервной системы у всѣх животных, в том числѣ и у человѣка: возбужденное состояніе солнца во время максимума как бы передается всему живому на землѣ. Этот вывод не должен нас изумлять: вѣдь вся жизнь на землѣ обязана своим существованіем теплу и свѣту солнечной радіаціи. Все живое порождено на землѣ солнцем и, не будь извѣчных потоков его энергіи, земля оставалась бы мертвой. Колебанія интенсивности его излученія должны отражаться на живой матеріи, созданной этим самым излученіем, тѣм болѣе, что солнце от нас вовсе не так далеко, как это принято думать: діаметр его лишь в 109 раз меньше его разстоянія от земли. Представьте себѣ сферу діаметром в один сантиметр на разстояніи метра от нас — этот образ хорошо иллюстрирует вышесказанное.

Извѣстно также возбуждающее вліяніе вдыханія озона на человѣка. Содержаніе озона в атмосферѣ колеблется, и доказано, что эти колебанія также слѣдуют солнечному ритму. Оно зависит от интенсивности ультрафіолетовых лучей, испускаемых солнцем, так как эти лучи есть причина образованія озона в атмосферѣ. В 1929 году Эдисон Пети доказал, что состав солнечной радіаціи колеблется и что ультра-фіолетовая составная часть ея в своих колебаніях слѣдует в точности ритму солнечных пятен, увеличиваясь вмѣстѣ с количеством и размѣром послѣдних. Таким образом, повышенная активность солнца сопровождается усиленным образо-

ваніем озона в нашей атмосферѣ, что также должно вызывать во время максимума возбужденіе нервной системы у всѣх организмов.

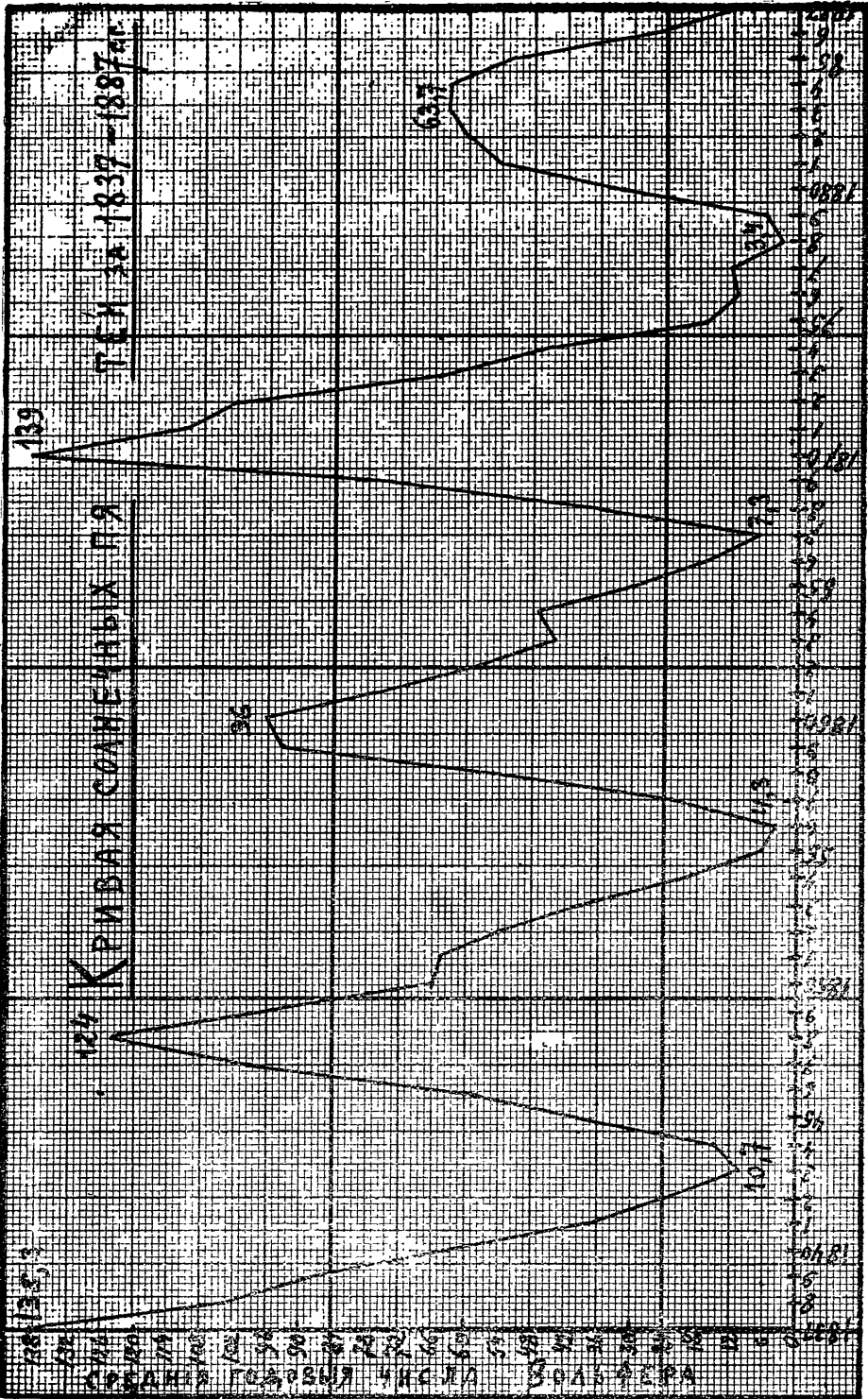
Приведем теперь два примѣра поразительнаго совпаденія обилія пятен на солнцѣ и безпокойнаго состоянія человѣчества на землѣ. Астрономы характеризуют количество и размѣры пятен, так называемыми, числами Вольфера. Нынѣ солнце проходит через максимум своей активности и числа Вольфера велики. Цюрихская обсерваторія публикует эти числа для каждаго дня, из них выводятся среднія мѣсячныя и среднія годовыя, характеризующія состояніе солнца за данный мѣсяц или год. Наибольшее среднее мѣсячное за послѣдніе два вѣка наблюдалось в маѣ 1778 года, оно достигало 239. В нынѣшнем 1938-м году, среднія мѣсячныя числа Вольфера колеблются вокруг 100. Числа Вольфера за май обнаруживают рѣзкое колебаніе солнечной активности между 18-м и 28-м мая, с максимумом, приходящимся на 24-ое мая:

Май											
1938 г.	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28
Индекс Вольфера	87	95	116	106	124	119	172	161	152	126	99

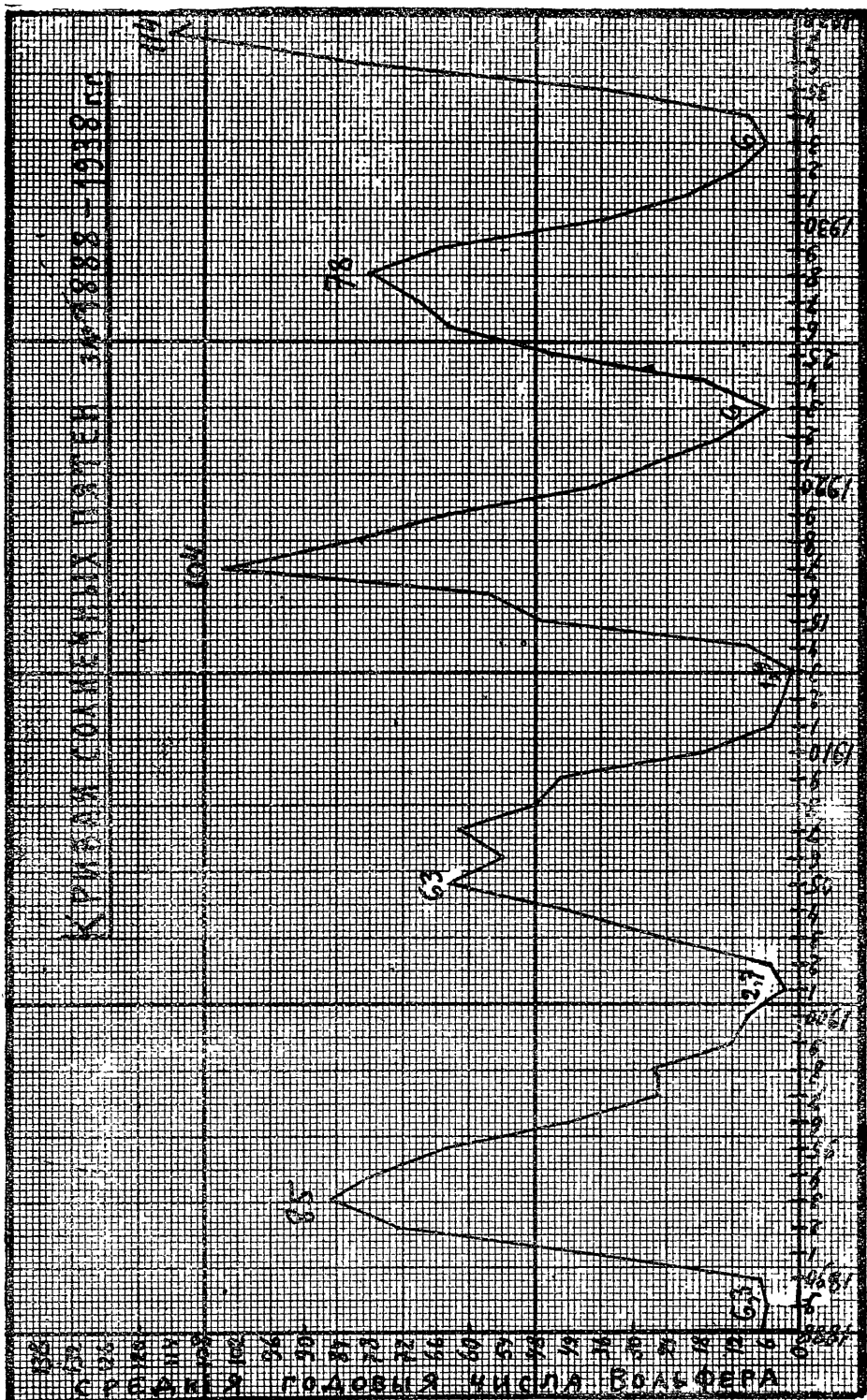
Подобная же всп. солнечной активности характеризует конец сентября:

1938 г.										
Сентябрь	21	22	23	24	25	26	27	28	29	
Индекс Вольфера	56	70	86	97	131	150	143	137	125	

В этом случаѣ максимум приходится на 26-ое сентября. Совпаденіе отмѣченных колебаній в состояніи солнца с тревожным состояніем Европы и всего міра в связи с трагедіей Чехословакин бросается в глаза. Интересно, что в маѣ индекс Вольфера за шесть дней лишь удвоился, между тѣм как в сентябрѣ повышеніе солнечной активности было болѣе рѣзким: за пять дней индекс дошел с 56 до 150, т. е. почти утроился.

КРИВАЯ СОМЕРЕННЫХ ПЯТЕН 307888 - 1938 гг.

СРЕДНЯЯ ГОДОВЫЯ ЧИСЛА ВОЛЬФЕРА

Вернемся к основному вопросу: не отражается ли основной ритм, управляющий деятельностью солнца, на всем живом на землѣ и не вибрирует ли человечество, как и вся живая природа на землѣ, вмѣстѣ с солнцем, слѣдуя его ритму? Если это так, то солнце входит составным элементом, как физическій агент, в понятіе окружающей человечество среды и ритм солнца должен как - то сказываться на теченіи исторических процессов.

Цѣлью настоящей статьи является изложеніе установленных и изученных уже фактов, указывающих как будто - бы на зависимость массовых явленій в жизни человечества от солнечнаго ритма. Эти многочисленные факты придется систематизировать, группируя их вокруг нѣкоей центральной оси, которою является новая, создающаяся на наших глазах, доктрина. Этот способ изложенія отнюдь не означает ея принятія или защиты. Без претензіи высказать свой личный взгляд, подчеркнем, что освѣщаемый нами вопрос только лишь ставится наукой. Полное разрѣшеніе его потребует трудов, быть может, многих поколѣній.

Прежде чѣм перейти к изложенію интересующих нас фактов, слѣдует коснуться возможнаго механизма вліянія солнца на судьбы человечества. Ясно, что солнце вліяет на человѣка косвенно, измѣняя физическіе факторы на землѣ: напр., пропорцію озона в атмосферѣ или магнитное состояніе ея. Но как мы дальше убѣдимся, солнечныя пятна оказывают также и прямое, непосредственное вліяніе на живую клѣтку, а механизм вліянія солнца на судьбы человечества можно об'яснить, исходя отсюда и выводя из реакціи индивидуальной живой клѣточки на солнечныя пятна вліяніе ритма солнечной дѣятельности на человѣка и на исторію человечества, — как необходимое слѣдствіе. Индивидуальныя реакціи миллиардов клѣточек, составляющих организм человѣка, обычно взаимно нейтрализуются, в виду их различной направленности, их антагонизма. Однако, в том случаѣ, когда реакціи всѣх клѣточек одинаковы, нейтрализація смѣняется, наоборот, их сложеніем. Это сложеніе, интеграція клѣточных реакцій, порождает одну общую реакцію всего организма и проявляется в ней. Всякая космическая причина, как, напримѣр, солнечныя пятна, вызывает совершенно однородныя реакціи у всѣх клѣточек. Отсюда реакція организма на эту причину. Так об'ясняется прямое вліяніе солнечных пятен на человѣка. Примѣним это же разсужденіе к коллективу, состоящему из отдѣльных особей.

Обычно реакціи отдѣльных членов коллектива взаимно нейтрализуются и уничтожаются, так как онѣ разно направлены. Но в случаѣ реакцій совершенно одинаковых у всѣх членов коллектива онѣ, складываясь, интегрируются и порождают общую реакцію общества, народа или націи. Солнце дѣйствует на каждого чловѣка совершенно одинаковым образом, и этим-то и об'ясняется возможность вліянія его на эволюцію чловѣческих обществ.

В основѣ об'ясненія лежит идея интеграціи тождественных элементарных реакцій. Иллюстрируем эту идею классическим примѣром, взятым из физики: иголка состоит из милліардов атомов, каждый из которых является безконечно малым магнитом. Эти магнетики обычно ориентированы в самых различных направленіях и нейтрализуют друг друга: иголка как цѣлое не намагничена. Но приблизьте к ней магнит, и его дѣйствіе на атомы иголки направит всѣ атомы - магнетики, из которых она составлена, в одну и ту же сторону: реакція их всѣх будет одна и та же. Мы констатируем, что иголка под вліяніем магнита стала намагниченной. В сущности произошло лишь сложеніе, интеграція тождественных элементарных реакцій ея атомов, и это сложеніе и дало реакцію всей иголки.

Напомним теперь вкратцѣ основныя черты солнца, этой огромной сферы раскаленных газов, об'ем которой в 1.300.000 раз превышает об'ем земли. Масса земли, выражаемая в тоннах цифрой 6 с двадцатью одним нулем, составляет лишь три милліонных доли массы солнца. Это колоссальное скопленіе раскаленной матеріи извергает потоки энергіи в формѣ теплоты, свѣта и корпускулярной радіаціи. Невѣроятныя давленія и температура, царящія в центрѣ солнца (около милліарда атмосфер и сорока милліонов градусов), таковы, что матерія его исчезает там беслѣдно, полностью распадаясь и переходя в энергію. Эта трансформация матеріи в энергію и есть единственный источник солнечной радіаціи, непрерывно выбрасываемой солнцем и теряющейся для него безвозвратно: солнце, сжигая себя, теряет каждую секунду шесть милліонов тонн матеріи, выбрасываемой в формѣ лучистой энергіи, согревающей, освѣщающей и дающей жизнь нашей планетѣ.

Девять раз в столѣтіе солнце переживает кризис, обостреніе своей жизнедѣятельности. Спокойный період (минимум) длится два - три года. Затѣм, сперва далеко от экватора, начинают появляться солнечныя пятна, небольшія и в небольшом количествѣ.

Число их и размеры растут, пятна появляются все ближе и ближе к экватору. Эта фаза подъема длится около двух лет и завершается фазой максимума солнечных пятен: в течение трех лет их количество и размеры держатся приблизительно на одном уровне, и пятна сосредоточены вблизи от экватора. Затем лихорадка солнца начинает спадать, число и размеры пятен уменьшаются все быстрее и быстрее (спуск к минимуму), и наступает вновь фаза минимума, когда обычно пятен мало или нет совсем. Спуск к минимуму длится три - четыре года.

Характер магнитных явлений, наблюдаемых в пятнах, доказывает, что, в сущности, полным циклом является совокупность двух одиннадцатилетних периодов. С занимающей нас точки зрения это важно в том отношении, что максимумы бывают слабые и сильные, и оба типа чередуются. Так, например, максимумы 1905 и 1928 годов были слабые (индексы: 63,5 и 78), в то время, как разделяющий их максимум 1917 года был сильным — индекс 104. — равно как и нынешний максимум, интенсивность которого измерялась индексом 114 в прошлом году и конца коему пока не видно. Интересно отметить, что средняя Вольфера для девяти первых месяцев этого 1938 года, равная 112, показывает солнечную активность несколько более слабую, чем в течение того же периода прошлого, 37-го года (индекс 120), но выводить отсюда заключение о том, что максимум проходит, было — бы неосторожно: максимум солнечной активности — это целый период, внутри которого возможны всякие мелкие колебания.

Состояние земной атмосферы (давление воздуха, электрический потенциал атмосферы, магнитное поле земли, средняя температура, влажность) колеблется периодически, и кривые колебаний обнаруживают все без исключения солнечный ритм в 11 лет. Состояние атмосферы определяет режим дождей, и неудивительно, что осадки, как это доказал знаменитый русский метеоролог Голицын, следуют циклу солнечных пятен, увеличиваясь в годы максимума и уменьшаясь во время минимума. Именно этим объясняется синхронизм с солнечным ритмом колебаний уровня озера Виктория-Ньянца, количество айсбергов в Атлантическом океане и разливов Нила: все эти три хорошо изученные явления в точности следуют циклу солнечных пятен. В прессе в этом году были отмечены два последних: исключительно интенсивный разлив Нила и огромное количество айсбергов. Короче говоря, метеорологические явления

слѣдуют солнечному циклу, и главной причиной этого являются, по всей вѣроятности, синхроничныя колебанія пропорціи озона в атмосферѣ, так как количество озона в атмосферѣ играет огромную роль в метеорологических явленіях. Играет, вѣроятно, большую роль и то обстоятельство, что среднее количество іонов в атмосферѣ также слѣдует в своих колебаніях кривой солнечной активности, а каждая капля дождя требует для своей конденсаціи наличія іона, вокруг котораго она только и может образоваться. Ионизація атмосферы есть слѣдствіе многих причин, одна из которых — потоки электронов, пронизывающіе нашу атмосферу. Каждое солнечное пятно и факелы, его неперемѣнно сопровождающіе, извергают подобно вулкану электроны. Поток электронов, выброшенных пятном, находящимся как раз против земли (на центральном меридіанѣ солнца), два дня спустя послѣ прохожденія пятна через центральный меридіан солнца обволакивает землю, вызывая на ней цѣлый ряд явленій: землетрясенія, магнитныя бури, полярныя сіянія, ураганы и т. д. Этот кортеж явленій настолько типичен, что достаточно констатировать в телескоп прохожденіе большого пятна, чтобы предсказать безошибочно через 45 - 48 часов магнитную бурю и полярное сіяніе. Частота и интенсивность полярных сіяній в точности слѣдуют циклу солнечных пятен. Чѣм интенсивнѣе полярное сіяніе, тѣм дальше оно видно, и в годы максимумов полярныя сіянія бывают видны в средней Европѣ. Вліяніе колебаній солнечной активности на членов солнечной системы — кометы и планеты — хорошо извѣстно астрономам: напримѣр, болѣе раннее таяніе полярных снѣгов на Марсѣ в годы максимума и длинные, блестящіе хвосты комет, пролетающих мимо солнца в эти годы. Отмѣтим существующую у всѣх народов примѣту: появленіе кометы с длинным и блестящим хвостом предсказывает эпидеміи, смуты и войны. У народов сѣвера Азіи, Европы и Канады есть другое интересное повѣрье: частыя и яркія полярныя сіянія также предсказывают лихолѣтіе. Обѣ эти примѣты связывают максимум солнечной дѣятельности с эпидеміями и войнами, так как хвосты комет и полярныя сіянія бывают ярки только в эпохи максимума.

Опыты С. И. Метальникова над размноженіем путем дѣленія одной инфузоріи доказывают прямое вліяніе солнца на активность одноклѣточного организма. Согласно опубликованным им результатами, начиная с 1910 года, виѣшняя среда (температура, питаніе, и т. д.) поддерживалась вокруг этой инфузоріи без измѣненія.

И все-таки скорость ея размноженія колебалась: в течение 20-ти лѣт (1910 — 1930) в среднем происходило одно дѣленіе в сутки, но в эпохи минимума скорость дѣленія понижалась до двух в трое суток (напримѣр, 233 дѣленія в 1924 г.), в то время как в эпохи максимума она увеличивалась до трех дѣленій в двое суток (напримѣр, 470 дѣленій в 1928 г.). Кривая активности размноженія этой инфузоріи оказалась кривой солнечных пятен: ясно, что жизненная активность клѣточки слѣдует солнечному ритму, и клѣточка выбирует вмѣстѣ с солнцем.

Другой яркій примѣр этой зависимости представляет дѣятельность патогенных микробов. Этот примѣр подробно изслѣдован русским астрономом Чижевским (см. серію его статей за 1937 год в журналѣ «Hippocrate» «Les Epidémies et les perturbations électromagnétiques du milieu extérieur».) Повышенная жизнѣдѣтельность патогенных микробов выражается в появленіи эпидемій, и общій результат изслѣдованій многих ученых может быть формулирован так: эпидеміи самых различных болѣзней в большинствѣ случаев совпадают с эпохами максимума и лишь в видѣ исключенія приходятся на годы минимума. Разсмотрим, напримѣр, холеру: из восьми эпидемій в XIX вѣкѣ семь совпали с максимумами и лишь одна (1863 — 1866) пришлась на минимум. Из девяти максимумов только два, таким образом, не сопровождались эпидеміей холеры. Страшная эпидемія холеры, опустошавшая Индію в 1768 — 1771 годах, совпала как раз с максимумом солнечных пятен. Персидскіе историки отмѣтили такую же эпидемію в Азіи в 1364 — 1372 г. г. Несмотря на отсутствіе телескопов и регулярных наблюденій солнца, свидѣтельства русских и китайских лѣтописцев, отмѣтивших видимыя невооруженным глазом пятна на солнцѣ в 1365 г. в Россіи и в 1370 г. в Китаѣ, достаточно ярко указывают на длительный и исключительно интенсивный максимум, имѣвшій мѣсто как раз в это время. Упомянем еще о бурной, по короткой вспышкѣ холеры в Гамбургѣ в течение августа 1892 г. Она не только соотвѣтствует первому году эпохи максимума, но в точности совпадает с рѣзким и коротким обостреніем солнечной активности внутри этого года:

1892 г.	Май	Іюнь	Іюль	Авг.	Сент.	Окт.
Индекс Вольфера	80	76	77	102	63	73

Изученіе смертности от холеры в Россіи за сто лѣтъ (1823 — 1923) Чижевским дало среднюю кривую этой смертности, совпадающую с кривой солнечных пятен.

Періодичность эпидемій холеры и величина періода — 11 лѣтъ — были раньше установлены харьковским доктором Ульяновым.

Тѣ же факты установлены и для чумы, возвратнаго тифа, дифтерита, гриппа, брюшного тифа, cerebro - spinalного менингита и т. д. Отсылая читателя к выше цитированным статьям Чижевскаго, отмѣтим еще лишь внезапную вспышку одновременно по всему міру эпидеміи гриппа («испанка», как ее называли в Россіи) 1917 — 1918 года. В этом случаѣ совершенно не наблюдалось распространенія и переноса эпидеміи, внезапно обнаружившейся повсюду. Этот факт не может быть об'яснен иначе, как внезапным обостреніем активности микроба гриппа повсюду на землѣ, слѣдовательно, под вліяніем внѣ земли находящейся причины. Напомним, что в 1917 году имѣл мѣсто сильный максимум.

Итак, живая кліточка гораздо менѣе активна в эпоху минимума, чѣм в эпоху максимума: она реагирует на возбужденіе солнца и вмѣстѣ с ним проходит в эпоху максимума через приступ повышенной возбудительности и активности.

Переходя к вліянію солнечных пятен на многоклѣточные организмы, слѣдует в первую очередь подчеркнуть значеніе работ американскаго астронома Дугласа о колебаніях скорости роста деревьев. До этих работ сопоставленіе исторических дат с максимумами и минимумами солнечной активности было возможно лишь начиная с 1610 г., года изобрѣтенія Галилеем зрительной трубы. Дуглас в результатѣ двадцатилѣтней работы смог возстановить кривую солнечных пятен и эпохи максимумов и минимумов за послѣдніе тридцать два вѣка, т. е. с 1300 г. до Рождества Христова. Дуглас создал специальную точнѣйшую технику изученія на срѣзах деревьев, проживших двѣ и три тысячи лѣтъ,—толщины и всѣх особенностей их годовых колец. Эти кольца, образующіяся по одному ежегодно, обнаруживают для самых различных деревьев колебанія, синхроничныя с одиннадцатилѣтним періодом пятен. За послѣдніе три вѣка кривая этих колебаній в точности совпадает с кривой

колебаний солнечной активности, и скорость роста деревьев, **таким** образом, слѣдует солнечному ритму. Одно обиліе осадков втеченіе максимума не может об'яснить этого факта, так как растительныя клѣтки должны развить жизнедѣятельность выше нормы, чтобы усвоить болѣе обильную пищу. Вспомним также, что в опытѣ Метальникова инфузорія получала все время равно - обильную пищу и тѣм не менѣе ускоряла вдвое питаніе и дѣленіе во время максимума. Дуглас изслѣдовал деревья с 3100 — 3200 годовых колец (гигантскія секвойи Калифорніи) и, благодаря его работам, наука обладает нынѣ датами всѣх максимумов и минимумов солнечной дѣятельности за послѣдніе 32 вѣка. Не удивительно, в свѣтѣ работ Дугласа, аналогичныя годичныя колебанія средней міровой урожайности хлѣба на гектар посѣвов (умѣстно вспомнить отмѣченный уже в прессѣ необыкновенно обильный, почти всюду, урожай этого года) и среднего сбора вина во Франціи на гектар виноградника: они дают кривую солнечных пятен. Это понятно, так как злаки и виноградная лоза суть такія же сообщества растительных клѣток, как и дерево. Даты цвѣтенія каштанов и лилій в Парижѣ из года в год колеблются, и кривыя их вновь дают кривую солнечных пятен: в эпоху максимума цвѣтеніе наступает раньше, во время минимума оно запаздывает. Обѣ кривыя отражают полный цикл в двадцать два с половиной года с его двумя максимумами, слабым и сильным. Любопытно, что качество вина, собраннаго в максимум, также наилучшее, и годы «*vins du meilleur cru*» во Франціи воспроизводят годы максимумов.

В океанографіи Шокальского сказано, что средній міровой улов рыбы, приходящійся на одного рыбака, колеблется, в точности слѣдуя солнечной кривой. Точно также количество заячьих пшурок, собранное за год компаніей Гудсоновой бухты, слѣдует той же кривой. Из этого можно заключить об усиленном размноженіи рыб и зайцев в эпохи максимумов и о повышенной активности человѣка в эти эпохи: отдѣльному рыбаку или охотнику за зайцами приходится развить и истратить гораздо больше энергій для ловли большаго количества добычи, чѣм обычно.

За послѣдніе годы непосредственное вліяніе прохожденія отдѣльнаго пятна через центральный меридіан солнца на человѣка очень интересует психіатров, и в этом смыслѣ сдѣлано много значительных наблюденій. Очень показательны в этом отношеніи заключительныя слова доклада, прочитаннаго в 1931 году на Между-

народном конгрессѣ психіатріи в Парижѣ Морисом Фабри. Изложив в докладѣ многочисленныя наблюденія вліянія отдѣльных пятен, он закончил его так: «Человѣкъ первый реагирует на приближеніе пятна к меридіану, и перемѣна происходит в теченіе двух дней в среднем под вліяніем пятна, проходящаго через меридіан в эти дни. Внезапныя смерти, самоубійства, безсмысленныя преступленія совпадаютъ с этим прохожденіем и отмѣчаютъ какъ крайнее обостреніе человѣческихъ страданій, такъ и сильнѣйшее нарушеніе равновѣсія нервной системы, могущее довести человѣка до самоубійства или до безумнаго поступка. Затѣмъ реакція людей стихаетъ и успокаивается, такъ какъ пятно уже прошло через меридіанъ и наступаютъ циклоны, ураганы и магнитныя бури».

Итакъ, человѣкъ подверженъ вліянію пятен, и даже он реагирует на каждое изъ нихъ. Но у нормальнаго и здороваго человѣка это вліяніе есть только одинъ изъ факторовъ, опредѣляющихъ его поведеніе. Часто возбужденіе тормозится волей человѣка, а иногда возбужденная энергія сублимируется в творческую работу. Напротивъ, вліяніе солнечныхъ пятен на душевно больныхъ, которые даютъ свободный ходъ каждому импульсу и проявляютъ немедленно во вѣсь всякую реакцію, исключительно ясно и поражающе. Прохожденіе cadaго пятна отмѣчается в убѣжищахъ для душевно больныхъ острымъ пароксизмомъ общаго перевозбужденія: всѣ больные одновременно начинаютъ вопить и бѣсноваться, и ихъ возбужденное состояніе длится все время, пока группа пятен проходитъ через меридіанъ. Когда же послѣднее пятно оставляетъ его позади себя, несчастные падаютъ в изнеможеніи, и спокойствіе воцаряется в убѣжищѣ. В семьяхъ, гдѣ одинъ изъ супруговъ очень нервенъ и слишкомъ чувствителенъ к вліянію солнечныхъ пятен, прохожденіе ихъ порождаетъ раздоры и дикія сцены. Міровая статистика разводовъ, преступленій и самоубійствъ обнаруживаетъ общее возбужденіе всего человѣчества в эпоху максимума: годовыя среднія для всего міра, отнесенныя къ единицѣ населенія, скажемъ къ миллиону людей, колеблются, — явно слѣдя за циклу солнечныхъ пятен. В настоящее время с этой же точки зрѣнія изучаются колебанія смертности и рождаемости.

Перейдемъ теперь къ трудамъ ученыхъ, изучавшихъ исторію человѣчества с точки зрѣнія вліянія солнца. Эти работы, вызванныя изслѣдованіями русскаго астронома Чижевскаго, основаны всѣ на кривой солнечной дѣятельности Дугласа, и в нихъ сопоставляется распредѣленіе крупнѣйшихъ міровыхъ историческихъ событій во вре-

мени с эпохами максимумов, минимумов, фаз под'ема и фаз понижения солнечной дѣятельности, выявленных в кривой Дугласа. Дѣло в том, что ритм солнечной активности не строго періодичен (одиннадцатилѣтній період есть средній період), и без кривой Дугласа, устанавливающей точное распредѣленіе и смѣну во времени всѣх четырех фаз солнечной активности за послѣднія 3200 лѣтъ, изученіе мировой исторіи с этой новой точки зрѣнія было бы возможно лишь за послѣдніе три вѣка. Наличие других факторов, направляющих исторію, может затушевывать вліяніе солнца, если разсматривать исторію отдѣльной страны в течение опредѣленнаго отрѣзка времени; поэтому всѣ авторы настаивают на необходимости учета крупных исторических событій на всей планетѣ, справедливо отмѣчая, что вліяніе космическаго фактора должно выступать явственно именно в мировой исторіи. С этой важной оговоркой вот каковым оказывается распредѣленіе войн, революцій, миграцій, экономических кризисов и вообще всѣх крупных исторических явленій, приводящих в движеніе массы. Во-первых, возникновеніе и развитіе крупнаго историческаго явленія синхроничны с появленіем пятен на солнцѣ и увеличеніем их в числѣ и размѣрах (фаза под'ема к максимуму), его наибольшее напряженіе приходится в эпоху максимума, и, с уменьшеніем числа пятен (фаза спуска к минимуму), историческое явленіе ослабѣвает и потухает совершенно. Во вторых, из крупных исторических событій 60% приходится на эпохи максимума и 20% — на фазу под'ема солнечной активности. Таким образом, 80% событій совпадают с пробужденіем и наибольшим напряженіем солнечной активности, когда солнце возбуждает все живое на землѣ. Только 20% крупных исторических событій приходится на фазы спуска к минимуму и самого минимума. Из этих 20% лишь 5% приходится на фазу минимума (отсутствіе пятен) и 15% — на фазу спуска к минимуму, когда солнце, постепенно успокаиваясь, все-же время от времени дает вспышки активности, выражающіяся в появленіи пятен. Из четырех частей солнечнаго ритма три в среднем одинаково длительны (по три года) и лишь фаза под'ема к максимуму короче других (два года). Учитывая эту сравнительную краткость фазы под'ема, можно высчитать вѣроятность того, что крупное историческое событіе случится в ту или иную фазу солнечнаго цикла:

<i>Фаза</i>	<i>Въроятность</i>
Под'ем	0,28
Максимум	0,54
Спуск	0,135
Минимум	0,045

Цифры эти столь краснорѣчивы, что комментарий излишен.

Слѣдует отмѣтить, что вліяніе солнца отнюдь не есть причина историческихъ событій и процессов: солнечныя пятна, возбуждая массы, лишь освобождаютъ скрытую социальную или національную энергію, накопившуюся ранѣе, какъ слѣдствіе историческихъ причин. Такимъ образомъ, солнце въ періоды своей сверх - нормальной активности играетъ роль детонатора, взрывающаго пороховой погребъ: социальные или національные противорѣчія и конфликты обостряются и доводятъ до массоваго кровопролитія въ эпохи всеобщаго перевозбужденія на землѣ, являющагося, въ сущности, лишь эхомъ и слѣдствіемъ перевозбужденія солнца. Тѣ-же конфликты и противорѣчія въ эпохи спокойныя смягчаются и разрѣшаются безъ разрушенія и убійствъ.

На приложенной кривой можно прочесть индексы Вольфера и сравнить извѣстныя историческія даты съ состояніемъ солнца. Первое серьезное указаніе на совпаденіе великихъ войнъ и революцій съ максимумами солнечныхъ пятенъ было сдѣлано Фламмаріономъ въ его «Популярной астрономіи». Приведемъ нѣкоторые примѣры такихъ совпаденій.

Борьба Кромвелля съ англійскимъ королемъ Карломъ I кончилась въ январѣ 1649 г. казнью короля — максимумъ пятенъ приходится какъ разъ на 1649 г. Пугачевское возстаніе 1771 г., великая французская революція 1789 г., революціи 1830 и 1848 г.г., франко - прусская война и парижская коммуна 1870 - 71 г., освобожденіе крестьянъ, первая русская революція 1905 г., революція 1917 г. — все эти событія приходятся на эпохи максимума солнечныхъ пятенъ. Последняя война началась въ 1914 г. вмѣстѣ съ началомъ пробужденія солнечной активности послѣ минимума 1911 - 13 г. г., достигла апогея въ 17 г., соотвѣтствующемъ апогею максимума, и кончилась въ ноябрѣ 18 г., вмѣстѣ съ началомъ спуска къ минимуму. Напротивъ, попытка возстанія декабристовъ въ 1825 г. приходится какъ разъ на конецъ эпохи минимума, во время которой массы остаются пассивными и инертными. Примѣровъ, подобныхъ приведеннымъ, можно ука-

затѣ множество. Приведемъ лишь два, относящихся къ длительнымъ историческимъ явленіямъ. Вспомнимъ даты крестовыхъ походовъ: первый — 1097 г., второй — 1147 г., послѣ взятія Эдессы в 1144 г. мусульманами, третій — в 1189 г., послѣ взятія Іерусалима Саладиномъ в 1187 г., четвертый — в 1202 г., и, наконецъ, трагическій и ужасный крестовый походъ дѣтей в 1212 г. Максимумы солнечныхъ пятенъ имѣли мѣсто соотвѣтственно в 1096, 1144, 1188, 1200 и 1212 г. г., эпохи максимумовъ охватывали три - четыре года вкругъ каждой изъ перечисленныхъ датъ. Синхронизмъ крестовыхъ походовъ съ эпохами возбужденнаго состоянія солнца совершенно безспоренъ. Добавимъ, что первому организованному крестовому походу 1097 г. предшествовали нѣсколько волнъ самочинныхъ походовъ: движеніе началось в 1095 г. и оно совпало съ классическимъ короткимъ сильнымъ максимумомъ. В Европѣ в 1095 и 96 г. г. разыгрывались социальные волненія, прокатилась страшнѣйшая эпидемія чумы, и сильно пострадали евреи: в Рейнской области было вырѣзано все еврейское населеніе, и еврейскіе погромы охватили всю Европу (см. Н. G. Wells, vol. II p. 456). В 1096 г. Петр Отшельникъ перешелъ Босфоръ, и его орды были уничтожены сельджуками. Взятіе Эдессы совпало съ максимумомъ. В 1187 г. Саладинъ объявилъ священную войну противъ христіанъ и взялъ Іерусалимъ, — апогей максимума наступилъ в 1188 г.

Всѣ описанія крестовыхъ походовъ указываютъ на то, что они были слѣдствіемъ перевозбужденнаго состоянія массъ в Европѣ. Синхронизмъ всѣхъ ихъ съ максимумами солнечныхъ пятенъ какъ будто бы ставитъ это перевозбужденное состояніе массъ въ причинную связь съ таковымъ же состояніемъ солнца.

Другой примѣръ длительного историческаго европейскаго явленія даютъ вспыхивающіе спорадически погромы и преслѣдованія евреевъ в Европѣ. Даты наибольшаго напряженія этого позорнаго для Европы явленія — 1705, 1770, 1829, 1848, 1883, 1905, 1938 г. г. — всѣ приходятся на эпохи максимума. Получается впечатлѣніе, что повсемѣстныя преслѣдованія и убійства евреевъ есть не что иное, какъ одно изъ безчисленныхъ проявленій перевозбужденнаго состоянія человѣчества в эпохи максимума.

Дикій и безсмысленный образъ дѣйствій человѣчества, разрушающаго періодически в бурныя эпохи войнъ и революцій все, что было создано имъ же самимъ в спокойныя эпохи, можетъ получить въ свѣтѣ изложенныхъ фактовъ нѣсколько неожиданное об'ясненіе: мо-

жет показаться, что войны и революції, являясь слѣдствіем космической причины, неотвратимы; что человѣчество не так свободно в своих поступках, как это ему кажется; что в разрушеніи, им творимом, оно лишь слѣдует естественным вліяніям и принуждается къ періодическому самопстребленію ритмом солнечной активности. Но такое заключеніе было бы ошибочным: в эпохи максимумов перевозбужденное состояніе человѣческих масс разрѣшается в кровопролитных столкновеніях лишь потому, что налицо созрѣвшіе конфликты, в созданіи которых космическія причины не при чем. Этим - то и объясняются нѣкоторые максимумы, не отмѣченные никакими массовыми движеніями, а также нѣкоторые минимумы, сопровождавшіеся войнами и волненіями. Вліяніе солнца может измѣнить лишь внѣшнюю форму столкновенія социальных или національных интересов, но не может создать столкновенія интересов там, гдѣ его нѣтъ.

Возбуждающее вліяніе пятен обостряет конфликты также и в частной жизни и придает им рѣзкую форму в эпохи максимума. Наблюдается совпаденіе раздоров, крупных ссор, самоубійств и убійств с магнитными бурями. Между тѣм эти бури суть не что иное, как послѣдствія прохожденія пятен через центральный меридіан солнца. Очевидно, человѣкъ не может сопротивляться возбужденію, когда оно переходит извѣстную границу, и становится под вліяніем пятен рабом своих страстей. В литературѣ всегда отмѣчалась та сравнительная легкость, с какою во время ураганов или бури принимается человѣком отвѣтственное рѣшеніе, порою опредѣляющее всю его дальнѣйшую судьбу. Часто буря и ураган — явленія лишь сопутствующія прохожденію пятна на солнцѣ. Казалось бы, что в личной жизни также можно наблюдать смѣну эпох спокойных с періодами смѣлости, дерзанія и предпримчивости, но этот вопрос ожидает еще своих изслѣдователей.

Два факта заслуживают все же упоминанія. 26-го октября 1917 г. Ленин дал приказ начать гражданскую войну, и в этот день, как и в два предыдущих, солнце было в исключительно - спокойном состояніи: все время рождались новыя и новыя пятна и много пятен одновременно находились на центральном меридіанѣ.

В серединѣ іюня 1915 г. разыгрались ослѣпительныя полярныя сіянія и магнитныя бури такой силы, что беспроволочныя передачи были ими прерваны. Огромная группа пятен проходила центральным меридіан. И в это же самое время вспыхнули жесто-

ченныя сраженія на всѣх фронтах великой войны — на сушѣ, на морѣ и в воздухѣ. Так как сраженія начинаются лишь по приказу свыше, это свидѣтельствует о принятіи главнокомандующими многомилліонных армій отвѣтственнѣйших рѣшеній как раз в тот момент, когда их центральная нервная система подверглась возбуждающему вліянію космической причины.

Мнѣ кажется, было бы чрезвычайно интересно поставить систематическія наблюденія над состояніем нервной системы и поведеніем животных, напримѣр кроликов и обезьян, во время прохождения через центральный меридіан солнца крупных пятен, изслѣдуя колебанія их температуры, частоты пульса и дыханія и т.д.

В заключеніе укажем, что астрономія изучает в настоящѣ время связь между состояніем солнца и колебаніем интенсивности космических лучей, приходящих к нам из неизвѣданных бездн вселенной и как будто — бы вліяющих на солнце. Поставлен также вопрос о непосредственном вліяніи этих космических лучей на живую клетку и на человѣка. Таким образом, понятіе окружающей человѣка среды все болѣе и болѣе расширяется, и ритм солнечной активности быть может окажется в конечном счетѣ лишь проявленіем и слѣдствіем ритма вселенной.

Эрванд Когбетліани

Современная воздушная угроза тылам и населенію и борьба с нею

Призрак войны, надвигавшійся в сентябрьскіе дни из - за Рейна, — не разсѣялся и по сейчас. Он только временно скрылся за линіей Зигфрида, дав очередную кратковременную передышку народам. Лихорадочная гонка вооруженій всѣх государств продолжается самым бѣшеным темпом. Готовятся мощныя мотомеханизированныя сухопутныя арміи, готовятся морскіе надводные и подводные флоты, но самое большое вниманіе удѣляется, кажется, созданію воздушных сил.

Дѣйствительно, со времени послѣдней міровой войны, ни один род войск не возрос так сильно, — и количественно, и качественно, — как военно - воздушныя силы. Если в количественном отношеніи современныя воздушныя силы возросли, сравнительно с концом 1918 года, примѣрно, в 3 раза, то в качественном отношеніи это увеличеніе прямо не поддается учету, — так далеко шагнула за двадцать лѣтъ авіаціонная техника. Чрезвычайно возросшіе — радіус дѣйствія; горизонтальная и вертикальная скорость; боевой потолок; тоннаж бомбовой нагрузки; надежность работы моторов; точность навигаціонных приборов, осиливших «слѣпые полеты»; усовершенствованіе средств и способов пораженія самых разнообразных наземных, морских и воздушных цѣлей; радіо - установки, дающія полную связь с землею и в воздухѣ; мощное вооруженіе и даже броня, — всѣ эти факторы дѣлают современный воздушный флот мало похожим на тот, с которым воюющія государства закончили войну 1914 - 18 г. г.

То же самое можно сказать и о внутренней структурѣ нынѣшних военно - воздушных сил. Если в період истекшей войны преобладающій состав этих сил был развѣдывательный, то в настоящее время он все болѣе и болѣе становится бомбардировочным. Начиная с 1927 года и, особенно, за послѣднее пятилѣтіе

удѣльный вѣс бомбардировочной авіаціи всюду рѣзко возрос и приближается к 50%.

Бомбардировочныя силы воздушных флотов являются сильнѣйшим наступательным оружіем для атак самых разнообразных наземных цѣлей, как на полѣ боя (тактическая зона — глубиною до 100 кил. от линіи фронта), в ближайших войсковых тылах (оперативная зона — до 300 кил. от фронта), так и в самом глубоком тылу непріятельской страны (стратегическая зона — до 1.000 кил. от фронта). — начиная, слѣдовательно, от хрупкой, живой, войсковой силы и технических средств борьбы до мощных желѣзо - бетонных сооружений тыловых объектов. Отсюда — раздѣленіе бомбардировочной авіаціи на легкую, дѣйствующую, преимущественно, днем, и тяжелую, дѣйствующую ночью. Тыловым центрам и населенію будут угрожать, главным образом, тяжелые и сверх - тяжелые бомбардировщики, собранные в мощныя воздушныя эскадры для самостоятельных, отдѣльных от земных войсковых операцій, дѣйствій.

Важнѣйшими цѣлями тыловой стратегической зоны непріятельской страны явятся слѣдующія: а) главныя путевыя артеріи, ведущія к столицѣ и к фронту, и прежде всего объекты желѣзнодорожной системы: желѣзнодорожныя узлы, склады, мосты, перегоны, путепроводы; автострады; узлы шоссеиных дорог; рѣчные порты и пристани; б) центры военных округов; центры обученія войск; мобилизаціонныя центры; в) аэропорты и авіабазы; г) военно - промышленныя центры, отдѣльныя предіриятія и цѣлыя районы, и, наконец, д) административныя и политическія центры. — столицы и большіе города. Из этого краткаго перечня задач, возлагаемых на тяжелыя бомбардировочныя эскадры самостоятельнаго дѣйствія, ясно обрисовывается вся важность глубоких тыловых воздушных атак с первых же часов войны (а, вѣроятно же всего, в момент остраго политическаго кризиса, — внезапно) и по нѣскольким крупным цѣлям одновременно.

Бомбардировщиками таких воздушных эскадр будут огромныя тяжелыя аппараты, как напр., — 4-х-моторный (по 800 сил) германскій Юнкерс І—38, со слѣдующими данными:

1) размах крыльев	44 метра;
2) длина аппарата	23 метра;
3) высота аппарата	6,5 мет.;
4) полетный вѣс	25 тонн;

- 5) средний вѣс бомб. нагр. 3 тонны
- 6) горизонт. скорость 360 кл./ч.
- 7) запас горючаго на 10 ч. полета
- 8) вооруженіе 1 пушка + 11 пулем.
- 9) число команды 11 человек

Весьма интересным является прослѣдить организацію ночного налета эскадры подобных сверх - бомбовозов, напр. на большой тыловой город, — организацію, с которой мало знакома широкая читающая публика. Так как такой эскадрѣ при налетѣ на важный тыловой центр придется выдержать серьезный бой (а, может быть, и не один) с воздушными силами противника и подвергнуться затѣм сильному зенитному огню П. В. О. (противовоздушной обороны), — то в состав эскадры должны входить особые части «сопровожденія». Такая эскадра будет имѣть, слѣдовательно, смѣшанный характер и состоять из четырех основных групп: 1) ударная группа и костяк всего соединенія — тяжелые, нагруженные различными бомбами, бомбардировщики; 2) группа обезпеченія от воздушных сил противника — многомѣстные истребители (воздушные крейсера), или тѣ же тяжелые бомбардировщики без бомбовой нагрузки, но с особо сильным огненным вооруженіем; 3) группа обезпеченія от огня зенитной артиллеріи — из воздушных крейсеров или легких бомбардировщиков, имѣющих большой радіус дѣйствія; и, наконец, 4) группа развѣдки, связи и походнаго охраненія — из легких двух или трехмѣстных самолетов, обладающих возможно большей скоростью и радіусом дѣйствія и имѣющих сильное вооруженіе на случай воздушнаго боя. В состав такой эскадры могут входить и мощные транспортные самолеты для перевозки воздушнаго десанта. Дальняя развѣдка, в видѣ воздушных звеньев — дозоров, высылается вперед и в стороны на 50 - 100 кл. от своего соединенія. Ближняя специально - охранительная развѣдка летит впереди общей походной колонны на разстояніи 20 - 25 кл. Вперед же, на разстояніи 150 - 200 кл., высылаются и развѣдчики погоды. При полетѣ эскадры над облаками для установленія точнаго ея мѣстонахожденія посылаются одиночные самолеты сквозь «окна» под облака с задачей — произвести точную ориентировку и немедленно радировать командиру. Полет большого бомбардировочнаго соединенія в сто и болѣе разнообразных самолетов ведется, обычно, в нѣскольких походных колоннах, что обезпечивает всей воздуш-

ной массѣ свободу маневрированія и наилучшую защиту от огня очень сильной нынѣ зенитной артиллеріи. Ударная воздушная армія Германіи вполне подготовлена нынѣ для немедленнаго дѣйствія именно, по этому образцу, — она раздѣляется на нѣсколько отдѣльных смѣшанных тяжелых эскадр по 200 аппаратов, из коих, как примѣръ, можно назвать — эскадру имени Рихтгофена на аэродромѣ Деберитц, и эскадру имени Хорст Весселя на аэродромѣ Штаакен; оба аэродрома — под Берлином. Состав таких эскадр: одна половина — тяжелые бомбардировщики (4 эскадрильи), и другая — различныя эскадрильи сопровожденія. Организациа, построеніе походнаго порядка и, особенно, управление таким воздушным соединеніем на «маршѣ», в ночное время — представляются дѣлом очень трудным. Командир соединенія на своем флагманском кораблѣ (бомбардировщикѣ или воздушном крейсера) должен имѣть высококвалифицированных помощников — воздушный штаб, состоящій из начальника штаба, флагманскаго штурмана, флагманскаго инженера, начальника связи, 1-2 радистов и метеоролога - радиста. Высшіе командиры воздушных соединеній должны быть воспитаны в духѣ смѣлаго вожденія ввѣренных им масс в любых условіях и в духѣ высокой и энергичной инициативности. Ночная воздушная атакa большого тылового центра будет имѣть наилучшій успѣх, когда она производится бомбардировочными эскадрильями различнаго назначенія одновременно с нѣсколькихъ сторон, — в видѣ так называемаго звѣзднаго налета. Но точное выполненіе звѣзднаго налета, надо сказать, является дѣлом весьма не легким, требующим от всѣх частей большой сметанности и освоенія ночных групповых полетов во всѣх их сложных деталях. Проблематично, но возможно при этом, что на одном из главных воздушных направлений и нѣсколько ранѣе других атакующих частей эскадры, — будет пущена эскадрилья роботов, которая отвлечет на себя зенитный огонь и вылет истребителей П. В. О. противника и под прикрытіем которой будут произведены самый звѣздный налет и бомбардировка. Каждый робот может быть начинен сильнѣйшими взрывчатыми и зажигательными веществами, и, представляя собою летающую и управляемую по радіо мину, при своем паденіи (гдѣ бы то ни было) произведет значительные разрушенія и пожары.

В предстоящем и неизбѣжном столкновеніи двух противополо-

ловых блоков. - тоталитарного и демократического, инициатива несомненно будет на сторонѣ наиболѣе готовых к войнѣ и строящих на этой готовности свои дальнѣйшіе расчеты стран диктатуры, из которых первой является Германія. От Германіи фактически зависит, — в ближайшее время, по крайней мѣрѣ, — быть или не быть новой міровой войнѣ. Она, или, точнѣе сказать, ось Берлин-Рим, может начать войну, когда того пожелает и когда найдет момент для себя подходящим; поводов же к войнѣ найдется сколько угодно, начиная хотя бы с колоній. В этом недалеком столкновеніи (ибо каждый мѣсяц усиливает военную и, главным образом, воздушную мощь «неготовых» сейчас народов) в первых же воздушных, описанных нами самостоятельных массовых налетах по глубоким тылам, — полностью выявится «тоталитарная» доктрина веденія войны. Основой этой доктрины является — внезапное, возможно быстрое нанесеніе мощных боксерских ударов бронированного кулака по всей глубинѣ территории противника, по всѣм ея жизненным и невралгическим пунктам, дабы потрясти и нарушить обороноспособность страны, подорвать ея экономику, дезорганизовать и терроризировать населеніе, и тѣм поставить тыл «на колѣни». Воздушный массовый террор, переброшенный в тыл страны противника, быть может, сквозь стратосферу (к тому идут послѣдніе напряженныя изысканія воздушной техники), — через головы наземных войск, закопавшихся в линіях земных укрѣпленій, — будет предѣльно-максимальным. Ни о каких «мирных» городах и «мирном» гражданском населеніи, — утопія, с которой до сих пор слѣпо несутся страны демократій, — не может быть больше рѣчи.

Нынѣ, — тыл есть тот же фронт, основной резервуар живой силы арміи и экономической плацдарм веденія всей войны. Он должен имѣть для своей обороны тыловую армію граждан-солдат, — ибо непреложной аксіомой является, что этой тыловой арміи придется первой вступить в военные дѣйствія с воздушным врагом, пока арміи фронта только еще мобилизуются и сосредоточиваются в указанные им пункты. Кстати сказать, — вѣдь еще ни одна войсковая мобилизація в мірѣ не происходила в условіях воздушных налетов противника, она является сплошным вопросительным знаком. И как прошла бы столь гладко проведенная послѣдняя частичная мобилизація Франціи, если бы были прерваны желѣзныя дороги, взорваны мосты и разрушены вокзалы, — еще неизвѣстно.

Итак, — тылам будет грозить первая опасность, и первые жертвы войны будут на внутреннем тыловом фронте. Глубоко прав Невилль Чемберлен, заявивший в палате общин 6 октября 1938 года: «если бы вспыхнула война, то прежде чем на полях сражений пал первый солдат, — погибло бы множество людей мирного населения»...

Как же можно представить себе современные воздушные налеты на тыловые города, — например, столицы, — проведенные согласно воздушной доктрины тоталитарных государств? Во-первых, — это будут налеты массовые, сотнями тяжелых бомбовозов, несущих на своих крыльях все доступные ныне военной науке средства разрушения. Во-вторых, такие массовые налеты, надо думать, будут произведены внезапно, — конечно, без объявления войны, — молниеносно и одновременно на оба союзных столицы, Париж и Лондон, ибо расстояние только в один час полета разделяет ближайшие аэродромы Германии от названных городов. В-третьих, — налеты эти будут повторные, и, быть может, безотвязные, изматывающие.

Сейчас, и близко, и далеко от нас, идут «малые репетиции» грядущей большой войны. Но то, что мы видим в Испании и Китае, — лишь бледная тень тех воздушных налетов, которыми грозит человечеству тоталитарный призрак новой мировой войны. И в итапо-абиссинской кампании, и в текущей японо-китайской, и в столь затянувшейся гражданской испанской войне, — всюду больше сильный (сам ли по себе, или при поддержке других) нападает на слабого; и неравенство, главным образом, новейшей техники, предвещает конечный исход борьбы. Не то будет при грядущем столкновении и мертвой хватке вооруженных до зубов главных европейских народов, когда будут внезапно развязаны и пущены в ход все явные и тайные ныне средства и возможности борьбы, начиная с сверх-бомбовоза и мощного танка — до ядовитой отравы и холерного вибриона. Это будет схватка двух володаев, единым клубком катающихся по земле в предсмертной борьбе и пускающих в ход зубы, когти и ядовитую бешенную слюну. В частности, массовое бомбардирование глубоких тыловых центров, при современном разнообразном арсенале воздушных средств поражения, несет с собою чрезвычайную угрозу. Можно с уверенностью сказать, что ни один род вооружений, как сухопутных, так и морских,

не разработан нынѣ так тщательно и с такой филигранной от-
дѣлкой, как вооруженія воздушныя.

Эту многогранную опасность воздушных налетов, для ясности
дальнѣйшаго разсмотрѣнія, можно расчленивъ на слѣдующіе эле-
менты: 1) разрушенія, 2) пожары, 3) химія и бактеріологія, 4)
паника, 5) разстрѣлы населенія, 6) воздушныя десанты и 7) воз-
душная блокада, сухопутная и морская. Важнѣйшими из этих
элементов являются первые три, которые, как слѣдствіе, поро-
ждают четвертое и главное тыловое зло — массовую, стадную
п а н и к у.

О п а с н о с т ь р а з р у ш е н і и н з а в а л о в з д а -
н і й. - - Эта опасность по опыту испанской и японо-китайской
войн нѣкоторыми военными авторитетами ставится на самый пер-
вый план. Дѣло в том, что воздушный террор, как таковой, должен
сопровождаться наибольшими возможными разрушеніями и уни-
чтоженіями всѣх видов. Новѣйшія взрывчатые вещества облада-
ют, дѣйствительно, колоссальной разрушительной силой, — как,
напр., сампсонит, — что позволяет уничтожать и сдвигать, бук-
вально как карточные домики, современныя каменные городскія
постройки в нѣсколько этажей. Фугасныя бомбы, начиненныя по-
добными веществами (до 50-60% от полного вѣса бомбы), пред-
ставляют собою стальные, тонко-и толстостѣнные снаряды капле-
образной формы, с головным и донным ударниками-взрывателя-
ми и хвостовым опереніем-рулями для правпльнаго полета в воз-
духѣ. Взрыватели могут быть мгновеннаго дѣйствія и с различным
замедленіем (от 0,5 секунды до нѣскольких часов). Умѣлый вы-
бор взрывателя даст возможность в полной мѣрѣ использовать
огромную разрушительную силу фугасных аэробомб в разных
случаях их примѣненія.

Калибр (вѣс) фугасных бомб колеблется от 50 кил. до 2-х
тонн (125 пудов). Против сооружений обычнаго городского типа
чаще всего нужно ожидать примѣненія бомб вѣсом от 50 до 150
кил., взрыватель — с замедлителем. Бомба при прямом попаданіи
в зданіе может проникнуть на нѣсколько этажей и даже до подва-
ла, и взрыв ея там вызовет обвал стѣн, потолков, и, возможно, по-
жар. Для уничтоженія каменных заводских сооружений необхо-
димо попаданіе 50 кил. бомбы на каждые 600 кв. метров площади.
или 100 кил. бомбы на каждые 1.000 кв. метров.

Но фугасныя аэробомбы способны производить поврежденія,

разрушенія и завалы зданій не только силой своего взрыва при прямом попаданіи, но и тогда, когда взрыв их происходит на нѣ-котором, иногда весьма значительном, разстояніи от цѣли, — силою взрывной волны или сотрясеніем почвы. Это разстояніе носит названіе опасной зоны взрыва бомбы, или радіусом дѣйствія, и бывает от 10 до 100 метров, в зависимости от вѣса бомбы.

При углубленіи в грунт средней твердости фугасныя бомбы производят воронки: бомба в 50 кил. дает воронку діаметром в 3 метров и глубиною в 1,5 метр.; бомба в 1.000 кил. — воронку діаметром в 15 метр. и глубиною до 5 метр. Подобныя глубокія ямы-воронки на улицах, площадях и дворах города очень затрудняют все движеніе и требуют больших и трудоемких работ населенія по их засыпкѣ и ликвидаціи.

Особо нужно отмѣтить очень опасную фугасную аэробомбу — мину, большого калибра, с чрезвычайно замедленным дѣй-ствіем взрывателя, напоминающую своим устройством адескую машину. Такая бомба-мина, упавшая, напримѣр, на улицѣ, на территоріи жилого дома, застрявшая в какой-либо постройкѣ или в грунтѣ, может разорваться самостоятельно по истеченіи нѣ-скольких часов; то же может произойти и от случайнаго толчка. Такой внезапный разрыв должен повлечь за собой, уже послѣ налета, большія разрушенія, — совершенно неожиданныя, иногда в ночное время, — которыя могут сопровождаться человѣческими жертвами и паникой, особенно, когда таких бомб было сброшено нѣсколько, в разных районах города и с разными сроками замед-ленія. Как слѣдует поступать с такими бомбами, — будет указано ниже.

Разрушенія и завалы домов, особенно больших жилых мас-сивов, всегда влекут за собою большія потери среди населенія — убитыми, ранеными, искалѣченными, полузадавленными. Оты-скивать их и, особенно, извлекать из-под обломков и развалин — дѣло чрезвычайно сложное и даже опасное, но вмѣстѣ с тѣм и весьма срочное, не позволяющее никаких промедленій, ибо каж-дая лишняя минута пребыванія под тяжелыми развалинами гро-зит засыпанным мучительной смертью и погребеніем заживо. Пе-реноска таких пострадавших, подача им первой доврачебной по-мощи и дальнѣйшая эвакуація на медицинскіе пункты — проце-дура также весьма сложная и трудная. Все должно быть обу-дано, предусмотрѣно и практически разработано заранее; подго-

товлены и обучены соответствующіе кадры-отряды граждан, санитаров, сестер милосердія, транспортных средств; сѣтъ медицинских пунктов, врачебнаго персонала и перевязочных матеріалов. Неподготовленность и импровизація в таком отвѣтственном дѣлѣ, гдѣ будут ставиться на карту сотни и тысячи человѣческих жизней, — суть уголовныя преступленія, которыя должны сурово караться соответственнo разработанными законами о мѣрах подготовки пассивной обороны населенія. О числѣ же разрушенных домов, убитых, раненых и искалѣченных при этом людей свидѣтельствуют, напримѣр, такія цифры: за одну недѣлю, — с 1 по 8 июня 1938 г., — на Кантон было произведено 13 японских налетов (небольшими эскадрильями); разрушено свыше 1.000 домов, убито 8.500 человек, из коих 3.000 женщин и тысяча дѣтей. И когда представители европейской печати обратились за подтвержденіем этих цифр к японскому командованію, то начальник военного бюро печати дал такое «исчерпывающее» раз'ясненіе: «японскіе летчики будут продолжать воздушныя нападенія на Кантон и Ханькоу со все возрастающей силой для того, чтобы китайское командованіе отдало себѣ отчет в полной безнадежности сопротивленія японским военным силам». Это официальное раз'ясненіе еще раз подтверждает общій характер «тоталитарной» воздушной доктрины: самый безпощадный и ничѣм неприкрытый террор против тыловых городов и гражданского населенія, с цѣлью любыми средствами поставить его «на колѣни».

П о ж а р н а я о п а с н о с т ь . — Умышленное и хладнокровно - рассчитанное производство пожара при воздушных налетах на тыловые города специально выработанными сильнѣйшими зажигательными средствами — является слѣдующим звеном в цѣпи «тоталитарнаго» воздушнаго террора. Не нужно забывать многозначительнаго факта, подтвержденнаго покойным ген. Людендорфом в своих мемуарах: в самом концѣ міровой войны германское командованіе готовилось сжечь Лондон и Париж только что выработанными нѣмецкими химиками специальными зажигательными бомбами, но в послѣдніе часы перед выполненіем этого плана — отменило приказ, не желая раздражать общаго врага, бывшаго тогда в кульминаціонной точкѣ своих военных успѣхов, и тѣм не отягощать условий приближавшагося окончательнаго перемирія.

Огонь, всепожирающій огонь, нужно считать одним из самых

сильнѣйших (и, нам кажется, самым сильным) элементом воздушной угрозы тыловым городам и населенію. Малые пожары, имѣющіе поступательное движеніе и сливающиеся при вѣтрѣ в многодневныя пожарища, сопровождаемыя взрывами и разрушеніями, которыя можно еще усугубить сбрасываніем бидонов с керосином, бензином и т. п. воспламенителями, --- вот истинная и главнѣйшая террористическая угроза, с которой справляться весьма не легко. В началѣ августа 1937 года при бомбардированіи Шанхая японцами и потом, по «ошибкѣ», китайскими легкими, малые пожары слились в огненное море, бушевавшее в теченіе шести дней на пространствѣ свыше 7 кв. километров. Японцы методически сбрасывали бидон за бидоном с керосином. Результаты: цѣлыя улицы уничтожены огнем; выгорѣлъ весь европейскій центр: Чапей представляя одиѣ обгорѣлыя развалины; сожжены громадныя хранилища нефти. Так гуляя выпущенный на свободу «красный пѣтух». К общему огненному бѣдствію присоединился и огонь японской судовой артиллеріи: убито свыше 1.000 человекъ и столько же раненых. Помимо таких примѣров «малых репетицій» войны в Шанхаѣ, в Нанкинѣ, в Кантонѣ, в Ханькоу, в Барселонѣ, --- послѣдній, только что с неимовѣрными усиліями локализованный пожар с большим числом человѣческих жертв в миллионном Марселѣ служит всему выказанному выше неопровержимым доказательством. Правда, в Марселѣ совершенно не оказалось надлежащих современных противопожарных средств, и тогда, когда они экстренными поѣздами доставлялись из Ліона, Тулона, Авиньона, Гренобля, центральный красивѣйшій торговый квартал города был уже совершенно уничтожен огнем. Из уст в уста передавали фразу очевидца этого печальнаго событія --- премьер-министра Даладье: «но вѣдь это ужасно!... что же было бы в случаѣ войны, если бы пассивная оборона должна была бороться сразу с нѣсколькими очагами пожаров?»... На самом дѣлѣ --- это так и будет. Никаких, самых могущественных и многочисленных заготовленных городских средств пожарной борьбы не хватит, если только не будут немедленно обнаруживаться самые зародыши и домовых пожаров и ликвидироваться источники их, упавшіе «с неба», --- зажигательныя аэробомбы.

Что же представляют собою зажигательныя бомбы?

По общему устройству это тѣ же воздушныя снаряды, как и описанные выше фугасныя, но с тою разницею, что главное ве-

щество внутри их не взрывчатое, а зажигательное. Всѣ зажига-
тельные вещества дѣлятся на твердыя и жидкія. К твердым отно-
сятся: электрон, термит, фосфор, металлическій натрій и калий.
Электрон представляет собою сплав магнія, алюминія, мѣди, цин-
ка и перекиси марганца; развивает наивысшую температуру из
всѣхъ извѣстныхъ доселѣ З. В. (зажиг. вещ.) — 4.000; главный
признакъ для опредѣленія рода бомбы: небольшое, но яркое свѣт-
ло-голубое пламя и бѣлый дым; тушить такую бомбу можно лишь
сухимъ пескомъ, или, еще лучше, — смѣсью песка, соды и поваре-
ной соли. Термит — является смѣсью порошкообразнаго алюми-
нія с окисью желѣза и глиноземом; развивает темпер. до 3.000 гр.
Главные признаки при горѣніи: а) сноп раскаленных желтова-
тыхъ частицъ вещества, рѣзко уменьшающійся кверху, без дыма и
пламени, указывает на термитную бомбу сосредоточеннаго дѣй-
ствія, имѣющую одинъ очагъ огня, такъ сказать, узко-мѣстнаго ха-
рактера; б) длинныя, до 5-10 метровъ, снопы пламени с выходомъ
чернаго дыма, вырывающіеся в разныя стороны, указывают на
термитную фонтанирующую бомбу разсѣивающаго дѣйствія, спо-
собную зажечь сразу нѣсколько небольшихъ пожаров; тушеніе толь-
ко сухимъ пескомъ. Электроны и термит не только зажигаютъ все де-
ревянное и, вообще, все способное горѣть, но и расплавляютъ
металлы. Фосфор (бѣлый и желтый) есть самовозгорающееся
на воздухѣ вещество; развиваетъ температуру до 850 гр.:
признакъ при горѣніи — слабое блѣдно-зеленое пламя и
густой бѣлый дым; разлетающіяся мельчайшія частицы
горящаго фосфора, попавшія на лицо или руки, произво-
дятъ весьма болѣзненные ожоги и язвочки: самый дымъ яв-
ляется настоящимъ боевымъ отравляющимъ и дымообразую-
щимъ веществомъ, весьма цѣннымъ на поляхъ сраженій; тушить горя-
щій фосфоръ можно водой. Натрій и калий даютъ при горѣніи ярко-
желтое пламя и слабый бѣлый дым; тушить можно только сухимъ
пескомъ. О подробностяхъ тушенія различныхъ очаговъ огня, о необ-
ходимомъ подручномъ пожарномъ инвентарѣ и гдѣ онъ долженъ быть
размѣщенъ, — будетъ сказано ниже. Электронныя аэробомбы —
самыя малыя изъ всѣхъ; вѣсъ такой бомбы — всего 1 килограммъ, но
она вполне достаточна, чтобы пробить желѣзную, черепичную или
деревянную крышу и, во время незамѣченной, устроить началь-
ный «чердачный» пожар. Термитныя бомбы бываютъ в нѣсколько
килограммовъ, но также небольшія (3 - 5 - 10 кил.), и в этомъ за-

ключается их «преимущество»; современный тяжелый ночной бомбардировщик может поднять их с собою несколько сот; скажем. — 300. Сдѣлаем маленькій подсчет, или рѣшим одну из задач предлагаемых школьникам в Германіи, — сколько может такой бомбовоз учинить одновременных пожаров? Считается вообще, что $\frac{1}{3}$ бомб упадет на площади, в сады, парки и незастроенныя мѣста города; из 200 оставшихся — половина не даст разрывов; и если теперь из оставшейся сотни, из простой осторожности в преувеличеніях, откинем еще 50%, — то пятьдесят пожаров может считаться цифрой близкой к истинѣ. Но вѣдь, как мы видѣли выше, в первую же почтовую атаку будут пущены цѣлыя эскадрильи, и тогда «пожарная» эскадрилья, напр., из 30 бомбовозов, может зажечь в разных углах города свыше тысячи одновременных малых пожаров. Цифра — наводящая на многія размышленія. Весьма возможно, что будут примѣняться комбинированныя зажигательныя аэробомбы, вѣсом в 20-30 кил. каждая; из таких бомб можно указать на имѣющіяся в СССР, — снаряженные термитом, металл. калием и маслом, т. е. как бы тройным огненным зарядом. Такія бомбы способны горѣть в теченіе 10 минут (в среднем) и разбрызгивать горящую смѣсь на 5 метр. в окружности. Из жидких зажигательных веществ примѣняются самовоспламеняющіяся при соприкосновеніи с воздухом: цинк метил, кокадил и смѣси керосина, скипидара, нефти с фосфором, сѣроуглеродом или натріем. Эти вещества могут примѣняться или для прямой поливки из особых приборов, подвѣшенных под крыльями или фюзеляжем бомбовоза, в видѣ подлиннаго «огненного дождя», или в видѣ дистанц. бомб (разсѣивающаго дѣйствія); вѣс таких бомб от 10 до 30 килогр., и примѣняются онѣ для поджогов легко-воспламеняющихся площадей, как то: лѣс в сухое время года, готовый хлѣб на корню (важно из экономических расчетов веденія войны), запасы и склады зерна и фуража и т. д. Какую интенсивность могут развивать такіе пожары, когда выгорают цѣлыя огромныя площади, — мы можем судить по калифорнійским пожарам. Борьба с огнем в дѣлѣ пассивной обороны тыловых городов и населенія представляет собою проблему первостепенной важности.

Полк. Н. Иванов

(Окончаніе слѣдует)

Польша и украинская проблема

До сих пор никто не знает, оставил-ли политическое завѣщаніе великій основатель современной Польской державы Іосиф Пилсудскій. Во всяком случаѣ, нынѣшній польскій министр иностранных дѣл полковник Бек несомнѣнно имѣет право утверждать, что он является исполнителем послѣдней воли покойнаго маршала. Предложеніе измѣнить польскую политику по отношенію к Германіи исходило в 1934 г. от полк. Бека, и его план был тогда принят Пилсудским.

Еще свѣжи в памяти первые годы послѣ перехода власти в Германіи к націонал - социалистам. Тревога охватила общественное мнѣніе всѣх европейских стран, но нигдѣ настроеніе не было столь тревожным, как в Польшѣ. Это станет понятным, если учесть то обстоятельство, что ни одно германское правительство до прихода к власти Гитлера не пожелало гарантировать неизблемость «коридора» и западных польских границ. «Восточное Локarno» было всегда непріемлемо для Германіи, и естественно было ожидать, что націонал - социалисты окажутся нетерпимѣе в этом вопросѣ, чѣм нѣмецкія демократическія правительства. Но произошло совершенно обратное.

Извѣстно, что Польша провела тогда частичную мобилизацію. Правительство готовилось ввести вооруженныя силы в Данциг. Таков был первоначальный план Пилсудскаго. Полк. Бек изложил тогда свою собственную концепцію польской внѣшней политики. Послѣдовательный противник французской оріентаціи, он с'умѣл убѣдить маршала Пилсудскаго, что союз с Франціей не имѣет для Польши реального значенія. Бек всегда был того мнѣнія, что, при всѣх политических осложненіях восточнѣ Эльбы, западныя великія державы воздержатся от военного вмѣшательства. Зажатая между СССР и Германіей, Польша должна добиваться дружбы с послѣдней. Теперь, когда власть перешла к Гитлеру и неизбежно аннулированіе Рапальскаго договора, настал наиболѣе подходящий момент договориться с нѣмцами. Соглашеніе

это, как известно, состоялось. Данциг был предоставлен собственной судьбѣ в обмен на десятилѣтнюю гарантію германо - польской границы. С этого момента начался рѣзкій поворот в польской вѣшной политикѣ: Польша начинает все больше равняться по вѣшной политикѣ рейха. Началось с провозглашенія незантересованности Польши в австрійском вопросѣ. Полк. Бек очень любил рассказывать о том, как император Николай I, конституціонный царь польскій, во время крымской кампаніи, глядя на портрет Яна Собескаго, воскликнул однажды: «Из всѣх польских королей Собескій и я были самыми глупыми: мы оба спасли Австрію».

Сторонники политики полк. Бека всячески подчеркивали, что во второй раз, послѣ нашествія турок, Польша не будет спасать осажденную Вѣну. Эта точка зрѣнія имѣет и болѣе глубокия причины. Полк. Бек всячески добивается признанія Польши великой державой. Такое признаніе имѣет для современной Польши известное значеніе. Нѣкоторые слои польскаго народа пропитаны традиціонно - романтическим представленіем о былом величіи Польши и очень чувствительны к вѣшным титулам. Кромѣ того званіе «великой державы» сопряжено с нѣкоторыми дипломатическими преимуществами, далеко не соответствующими реальной мощи польскаго государства. По занимаемому пространству и количеству населенія, Польша может по праву занять мѣсто среди сильных второстепенных держав. Но хозяйственная и финансовая слабость, тяжелая проблема національных меньшинств, культурная отсталость масс -- все это, даже с чисто военной точки зрѣнія, превращает Польшу в слабую третьестепенную державу. Руководители польской вѣшной политики прекрасно это учитывают, и отсюда возникает известное противорѣчіе: с одной стороны, Польша стремится принимать участіе во всѣх общеевропейских рѣшеніях, а, с другой -- всячески избѣгает брать на себя обязательства, которыя впоследствии пришлось бы поддерживать силой.

Польско - нѣмецкій договор 1934 года вывел Германію из политических тисков. Во время переговоров Бека с Герингом был выдвинут с польской стороны очень ясный аргумент. «Конечно, сказал Бек, в случаѣ военнаго столкновенія, вы сможете, в концѣ концов, нас побѣдить. Но эта война потребует от вас такого напряженія и так вас ослабит, что на очень длительный срок вам

придется отказаться от всѣх других задач». Так началась зависимость польской политики от политики третьяго рейха. Аннексія Австріи окончательно оборвала военныя связи Польши с Западом. Исход сентябрьскаго кризиса и мюнхенское соглашеніе сильно укрѣпили позицію полк. Бека. Судьба Чехословакіи исторически оправдала тезу, на которой он строил всю свою политику: державы центральной и восточной Европы не могут разсчитывать на военную помощь Англии и Франціи.

Несмотря на заслуги польской дипломатіи перед Германіей, очень вліятельные круги на Вильгельмштрассе противились такому раздѣлу Чехословакіи, который привел бы к созданію общей границы между Венгріей и Польшей. Сторонники этого теченія в средѣ нѣмецких дипломатов разсуждали слѣдующим образом: возможность захвата болѣе значительной чешской территоріи не компенсирует Германіи польско-венгерскаго сосѣдства. Политическое сближеніе Польши с Венгріей, при наличіи общей границы, неизбежно приведет к военному союзу. Создастся блок в 50-55 милліонов человѣкъ, связанных не только политически, но имѣющих одну и ту же социальную структуру и одинаковый внутренний режим. Возникла бы однородная сила, способная вести вполне самостоятельную внѣшнюю политику и одновременно стать центром притяженія для блока других государств, внѣшне нейтральных, но отрѣзающих путь Германіи в Восточную Европу на всем протяженіи от Балтійскаго до Чернаго моря. Польское вліяніе и в данный момент достаточно сильно в балтійских государствах и Финляндіи, а при ростѣ военнаго могущества объединенных Венгрии и Польши — это вліяніе несомнѣнно возрастет. Нѣмецкіе дипломаты утверждают — в полном соотвѣтствіи с реальной дѣйствительностью — что послѣ удовлетворенія польских и венгерских домогательств по отношенію к Чехословакіи, послѣ перехода Тешена к Польшѣ, а частей Карпатской Руси и Словакіи к Венгрии, — исчезает реальная база для общей германо-польско-венгерской политики. Германія ничего больше не может предложить ни Венгрии, ни Польшѣ. Слѣдует скорѣе предвидѣть, что т. н. «нейтральный блок держав», послѣ удовлетворенія требованій к Чехословакіи, имѣет шансы соскользнуть в русло антигерманской политики, что соотвѣтствовало бы реальным интересам этих государств. Созданіе-же общей венгерско-польской границы угрожает Германіи окруженіем и изоляціей.

Правда, Гитлер и партійные націонал - соціалістическіе круги не раздѣляли опасеній профессиональных нѣмецких дипломатов по отношенію къ венгерско - польской границѣ. Но в данном случаѣ побѣдили дипломаты — и с этого момента триумф полк. Бека грозит превратиться в провал. Его политика никогда не пользовалась особой популярностью в широких слоях польскаго народа. Даже крайне правые и антисемиты — как это ни звучит парадоксально — настроены антигермански. Вполнѣ искренніе германofilы существуют лишь среди украинских націоналистов Восточной Галиціи, но они же враждебны и польскому государству.

В теченіе двух послѣдних десятилѣтій украинцы неизмѣнно тяготѣли къ Берлину и давно уж были пропитаны фашистскими тенденціями. Недаром именно на эту лошадь ставит Берлин в своей восточно - европейской игрѣ. До послѣдняго времени польская дипломатія не совсѣм учитывала опасность для Польши рѣзкой антисовѣтской установки. Военные круги Польши были убѣждены в слабости совѣтскаго союза, в то время как оппозиція полагала, что большевики, слабые у себя, сильны зато в самой Польшѣ. Послѣднее утвержденіе не лишено нѣкоторых основаній: официально указанное явленіе всячески замалчивается или отрицается, но есть всѣ основанія согласиться с тѣм, что внутри Польши все вращается вокруг большевистской оси.

Населеніе окраин, состоящее из русских и бѣлоруссов, не вникая в детали современной жизни в Россіи, неизмѣнно остается при своей русской оріентаціи.

Послѣдовательный антисемитизм польскаго правительства насильственно насаждает среди 3½ милліонов евреев большевистскія симпатіи. Московскіе большевики, конечно, зло поиздѣвались бы над такими «коммунистами», усерднѣйшим образом посѣщающими синагоги, но для низов еврейскаго населенія примитивнѣйшее противопоставленіе имѣет большое пропагандное значеніе. В Польшѣ евреи совершенно беззащитны, их человѣческое достоинство подвержено постоянным униженіям. При этом польская антисовѣтская пропаганда оперирует аргументом, что власть в Россіи захватили евреи и что совѣтскій Союз является еврейским Эльдорадо.

Измученные люди невольно в это Эльдорадо начинают вѣрить. Если когда-либо евреям суждено будет попасть под совѣт-

скую власть, их постигнет в первые же дни тягчайшее разочарование: тѣ-же униженія и тѣ-же преслѣдованія начнутся не под антисемитским, а под классовым соусом. Об ужасном положеніи своих единовѣрцев в Россіи польскіе евреи очень плохо освѣдомлены.

Не менѣе сильныя совѣтофильскія теченія в крестьянствѣ. Польша является единственной страной Восточной Европы, которая послѣ войны не провела аграрной реформы. Крупное землевладѣніе полностью сохранилось, и земельные магнаты ничѣм из своих обширных угодій не поступились. Единственным пунктом земельной программы польскаго крестьянства — так же как и в до-революціонной Россіи — является требованіе полнаго земельного передѣла. По существу никаких других требованій крестьянство не выставляет. Польскіе крестьяне ни в какой мѣрѣ не являются большевиками. Но они станут легкой добычей аграрно-революціонных лозунгов большевистских демагогов. Польскія правящія сферы утѣшают себя тѣм, что польскій крестьянин перестал быть доступным совѣтской пропагандѣ с момента коллективизаціи сельскаго хозяйства в Россіи. Эта увѣренность ошибочна. Большевики привлекли в свое время русское крестьянство, передав им всѣ помѣщичьи земли. Лишь 10 лѣтъ спустя, укрѣпив свою власть, они рѣшились на коллективизацію. И если наступит в Польшѣ критическій момент и большевики скажут польским крестьянам: «Дѣлите земли, а мы вас поддержим оружіем», — то вряд-ли крестьяне будут раздумывать о возможной в будущем коллективизаціи.

При этом слѣдует учесть ужасное матеріальное положеніе польских крестьян. Ни малѣйшаго преувеличенія нѣтъ в сообщеніях, что польскій крестьянин не только лишен возможности ходить в сапогах, но не имѣет денег даже для покупки соли. При таком положеніи люди не особенно склонны к сложным разсужденіям — они слѣдуют за всяким, кто предлагает им выход из безысходной нищеты. Польское крестьянство находится в состояніи перманентнаго броженія, которое хронически прорывается открытыми бунтами, на подобіе прошлогодняго возстанія крестьян в западной Галиціи.

Промышленные рабочіе находятся под сильным воздѣйствіем социал - демократов и, конечно, далеки от большевизма. Но для их психологіи чрезвычайно характерен тот интерес, какой они

проявляют к действительному положению в России. Если приѣзжие из России рассказывают о трагическом положении рабочего класса под советской властью, слушатель проникается к рассказчику недоверием. Это упорное недоверие может быть сформулировано следующим образом: «Пан, конечно, все видел по своему. Не может быть, чтобы рабочим в России жилось плохо». Не будучи большевиками, польские рабочие мало пригодны для войны с СССР. Так повисает в воздух внешняя политика полк. Бека. Следствием этой политики явилась также потеря на Западе той моральной опоры, какую в течение столетия имела свободолюбивая Польша. В Варшаве не отдают себя полного отчета, в какую зависимость попала сейчас Польша от милости Германии.

Польша не получила общей границы с Венгрией. Она не в состоянии оказать серьезное сопротивление проникновению Германии на Восток. Польша должна будет разрешить немцам превратить Восточную Галицию в таран, бьющий по Советской России, или же, в обмен на другие территории, предоставить Галиции формальную «самостоятельность».

Так повторяет Польша печальный опыт собственной истории и через двадцать лет после мировой войны находится под угрозой снова стать местом военного столкновения чуждых народов и подвергнуться разгрому.

II

Попрежнему над Киевом, столицей Советской Украины, возвышается статуя Владимира Святого, но гигантский крест в его руках, памятник Крещения Руси, — не светит больше над крутым обрывом Днепра: христианский символ не может светить над красной Украиной. На улицах Киева видны исключительно украинские надписи, печатаются там только украинские газеты. Но когда после полудня приходят газеты из Москвы, перед всеми киосками стоят длиннейшие очереди. Значительнейшая часть населения Киева говорит только по-русски.

Далеко на западе, в украинском Львове, вывески также писаны по-украински, но господствует там польский язык. Так разделены на протяжении столетий две Украины, которым никогда не дано было слиться. Ибо весь украинский комплекс крайне спорен с древнейшими временами, начиная с того же Владимира Святого. По толкованиям русской истории, Киевское княжество поло-

жило начало великой Россіи. Согласно же тезѣ извѣстнаго украинскаго историка Грушевскаго, Кіевское княжество не имѣет ничего общаго с возникшим впослѣдствіи Московским царством, за исключением чисто династическихъ связей. Это княжество было первымъ украинскимъ государством. Характерно отраженіе этого спора на толкованіи оперы Бородина «Князь Игорь» в государственныхъ театрахъ Москвы и Харькова. В Харьковѣ правили тогда еще не разстрѣлянные національно настроенные главари украинской коммунистической партіи.

В московской оперѣ — старинные русскіе костюмы, длинные бороды, древне - русскій стиль декорацій. В государственной харьковской оперѣ — бритыя лица, бритыя головы, с которыхъ свисаютъ чубы — старинный головной уборъ стенныхъ жителей. На сценѣ украинскій стиль, бѣлые льняныя сарафаны вмѣсто роскошныхъ боярскихъ костюмовъ.

Все спорно в судьбѣ 40-милліоннаго украинскаго народа. Были ли у нихъ когда-нибудь свое государство? Около двухъ столѣтій существовало Галицкое княжество, но в него входила лишь часть территоріи современной Галиціи, а не вся Украина. Окруженная Польшей, Россіей и Турціей, Украина всегда была в вассальной зависимости от одного изъ этихъ государствъ, пока не произошелъ ея окончательный раздѣлъ. Между великою Україною и польскою Україною в теченіе столѣтій не было никакой связи. На территоріи послѣдней образовался нѣкогда вольный союзъ казачества — «Запорожская Сѣчь». Эта своеобразная республика была единственнымъ украинскимъ государственнымъ образованіемъ, утверждавшимъ свою самостоятельность.

Историческое развитіе и все самосознаніе Галиціи и нынѣшней совѣтской Украины — совершенно различны. В данный моментъ они принадлежатъ разнымъ государствамъ, и каждая изъ нихъ живетъ своими собственными интересами. В Восточной Галиціи — польской Украинѣ — послѣ насильственнаго уничтоженія в 1919 году т. н. «Западно - украинской республики», послѣ многократныхъ кровавыхъ усмирений, царитъ сейчасъ относительное спокойствіе, но это спокойствіе характеризуется двумя моментами: пассивнымъ, но упорнымъ сопротивленіемъ украинскихъ элементовъ и остротой аграрной проблемы. Украинская буржуазія и послѣдніе остатки украинской знати были окончательно колонизированы в серединѣ прошлаго вѣка. Процессъ этотъ былъ ускоренъ церковной уніей и ав-

тономіей, предоставленной этой части австрійской монархіи. Только крестьянство представляло собой украинскій, или как тогда называли, русинскій элемент в Галиціи. Над украинским крестьянством господствовали не только польскіе чиновники в австрійской формѣ, но и польскіе крупные помѣщики. В 1863 году началось возстаніе в русской Польшѣ, и была сдѣлана попытка инсценировать такое же возстаніе и в австрійской Галиціи. Центральному правительству достаточно было тогда обратиться к крестьянам и снабдить их незначительным количеством оружія, и возстаніе было подавлено почти безо всякаго участія воинской силы, косами и кулаками крестьян, для которых поляк и помѣщик — были синонимами. С этого времени начинает медленно пробиваться украинское національное сознаніе, и крестьянство выдѣляет из своей среды сельскую интеллигенцію и даже зачатки городской буржуазіи. Австрійскія власти открывают украинскія народныя школы и гимназіи. Перед концом міровой войны украинцы требовали от властей устройства собственнаго университета. И здѣсь-то и произошел разрыв.

Вѣна поощряла украинское движеніе исключительно как движеніе антирусское; Россія же пыталась создать в Галиціи руссофильскую партію. Польское управленіе автономной Галиціи, несмотря на ненависть ко всему русскому, поддерживало украинцев-русофилов, надѣясь этим дискредитировать в глазах Вѣны все украинское движеніе. Тогда же намѣтились два метода политической борьбы украинских націоналистов: созданіе крупных хозяйственных об'единеній, дававших средства для устройства украинских народных школ, недостаточно поддерживаемых государством, и террор. Граф Потоцкій, австрійскій намѣстник в Галиціи, был убит студентом - украинцем.

«Москвофилы» придерживались того взгляда, что галиційскіе украинцы представляют собою вѣтвь великаго русскаго народа и называли свою родину не Восточной Галиціей и не Украиной, а «Червонной Русью» — старинным географическим опредѣленіем. Свои демонстраціи они устраивали под русским трехцвѣтным флагом.

Раскол этот коснулся не только новой украинской интеллигенціи, но и духовенства. Уніатская церковь, с ея православным обрядом и женатыми священниками, но признающая духовным главой папу — не была единой. Сельское уніатское духовенство

третировалось польскими помещиками и всѣм своим бытом было тѣснѣйшим образом связано только с крестьянством. Мѣстныя власти относились в священникам - украинцам, как к третьесортной интеллигенціи. В результатѣ среди них сильно сказывались руссофильскія тенденціи. Не малым соблазном для них было положеніе священников в Россіи, представлявших там господствующую церковь. Высшее же униатское духовенство лѣнуло к императорской Вѣнѣ, хотя и было настроено національно-украински. Когда началась міровая война, в австрійской арміи был и украинскій легіон, со своими національными символами и желто-голубыми портупейми у офицеров. Вмѣстѣ с тѣм села и городки Галиціи были густо уставлены висѣльницами, на которых австрійскія власти вѣшали «шпіонов и предателей».

Польшѣ пришлось не только разгромить силою оружія «Западно - украинскую республику», но многократно послѣ этого отправлять войска в Восточную Галицію для подавленія крестьянских возстаній. Это напряженіе длилось бы очень долго, если бы на помощь польским властям не пришла власть Совѣтская. В 1919 году, когда был освобожден осажденный украинцами Львов и было покончено с украинскою республикой, в русской Украинѣ возникла на короткій срок «Народная республика» Петлюры.

Ядром арміи Петлюры были украинскія части австро - венгерской арміи. Западно - украинская республика об'єдналась тогда с правительством Петлюры, но это об'единеніе очень быстро распалось под воздѣйствіем большевиков. Сторонниками Совѣтов были украинскія коммунистическія партіи, имѣвшія національную подоплеку. Т. н. «боротьбисты» и «борьбисты» послужили мостом между двумя лагерями. Воинскія части Петлюры с галиційскими офицерами во главѣ стали переходить на сторону красных. Им мерещилось созданіе великой и самостоятельной Совѣтской Украины, которая освободила бы Восточную Галицію. По их представленіям, исторія создала из украинцев «одноклассовую націю» крестьян. Не опираясь ни на какую мощь, украинцы всегда будут легкой добычей других національностей. Вѣдь аристократія, буржуазія и даже рабочіе, живущіе в Восточной Галиціи, являются представителями чуждых національностей. Только Совѣтская Россія с ея безклассовым обществом, представляющая собой федерацію самостоятельно развивающихся народов, может об'единить Украину. Такова была теорія, содѣйствовав-

шая совѣтизації України. Но обстановка очень быстро мѣнялась. В Москвѣ возобладали централистскія тенденціи. Были упразднены всѣ украинскія дипломатическія представительства. Всюду проникала рука Москвы, но надо отдать справедливость ловкости московскихъ заправилъ — внутри государства сохранилась политика федеративнаго устройства національностей. В судѣ, в школѣ, в университетахъ, господствовалъ украинскій языкъ, всѣ вывѣски и надписи были по-украински, правила украинскіе чиновники, издавались украинскія газеты и книги. Но все это было переводомъ с московскаго, пресѣкалась малѣйшая попытка самостоятельнаго духовнаго движенія или оріентаціи на западную культуру, не говоря уже о самостоятельномъ хозяйственномъ развитіи. Разочарованіе украинскихъ коммунистовъ, настроенныхъ національно, вылилось в образованіи оппозиціонныхъ группировокъ. Начались аресты, а затѣмъ и казни. Первыми оппозиціонерами были, конечно, многочисленныя галиційскіе украинцы. Для них большевизмъ никогда не былъ самоцѣлю, а лишь средствомъ на пути къ образованію самостоятельной Украины. Это были носители совѣтскаго сепаратизма и они погибли первыми. Одновременно все больше тускнѣли надежды, что внѣшняя политика СССР приведетъ къ объединенію Украины. Возобновленіе дипломатическихъ сношеній с Румыніей свидѣтельствовало о молчаливомъ отказѣ от Бессарабіи, сѣверная часть которой населена украинцами, не говоря ужъ о Буковинѣ, гдѣ город Черновицы до войны былъ крупнымъ украинскимъ центромъ. Насталъ періодъ смягченія отношеній с Польшей. Пришлось оставить надежды на поддержку Совѣтами мятежа в Восточной Галиціи. Приходилъ конецъ заигрываніямъ украинской интеллигенціи с Москвой.

С другой стороны, польское правительство было утомлено вѣчной борьбой с украинскимъ терроромъ и с возстаніями в Восточной Галиціи. Украинцамъ былъ сдѣланъ рядъ уступокъ. Такъ установилось относительное равновѣсіе, удержавшееся до нашихъ дней. Спокойствіе это чисто внѣшнее. Подъ его покровомъ зрѣютъ новыя бури. Городская и сельская интеллигенція усвоила еще до войны методы, ставшіе в послѣдствіи монополіей фашизма. Во время войны, в качествѣ офицеровъ австрійской арміи, украинскіе интеллигенты обзавелись связями с германскимъ офицерствомъ. В періодъ оккупациі русской Украины германскими войсками, связи эти только усилились. Офицеры украинскаго легіона играли тогда

крупную роль в Кіевѣ, и именно тогда началась их непосредственная связь с Берлином.

В період германской веймарской республики связь между правящими сферами Берлина и украинскими націоналистами стала еще прочнѣе.

Между тѣм в Восточной Галиціи продолжался процесс хозяйственного объединенія украинцев при помощи кооперации. Каждый украинец состоит в каком-либо хозяйственном объединеніи. Эти объединения охватили всю деревенскую Галицію, и ни один крестьянин не дѣлает закупок в польских или еврейских магазинах. Так напр., все снабженіе молоком г. Львова находится в монопольном вѣдѣніи украинских кооперативов, и это мощное объединеніе доставляет молочные продукты всѣм полякам и евреям. Эта организація питает «Союз содѣйствія украинской культуры» и дает средства народной школѣ. Вся дѣятельность кооперативных организацій проходит в рамках «украинской національно-демократической партіи», явно враждебной Москвѣ, но тайно враждебной и Варшавѣ. Легальная партія имѣет свои подпольныя теченія, связанныя с Берлином, и даже тайную военную организацію, построенную по типу польской военной организаціи до и во время войны (U. N. D. O.). Тайная военная организація в свою очередь несомнѣнно связана с прекрасно организованными террористическими группами. Наряду с этой всеобъемлющей партіей фашистскаго толка, в глубоком подпольи сохранились и коммунисты, все еще не потерявшіе надежды на помощь Москвы. Группы эти не настолько законспирированы, чтобы не вести пропаганды при помощи тайнаго же «Сельроба» — объединения сельских батраков, соблазняющаго не столько коммунизмом, сколько аграрно - социалистическими лозунгами. Земля попрежнему принадлежит польскому помещику, и попрежнему нищій украинскій крестьянин считает эту землю несправедливо у него отнятой. По-прежнему неутолима ненависть к крупному землевладѣнію, и, если бы не бдительность жандармов, соблазн пустить «краснаго пѣтуха» на панскіе хутора и фольварки был бы непреодолим.

Три силы господствуют в данный момент над Восточной Галиціей. Внѣшне — польская государственная власть: мундиры польских чиновников попадаютъ на каждом шагѣ. Так же часто попадаютъ вывѣски украинских школ и кооперативов на украинском языкѣ. За этими вывѣсками чувствуется тайное проявле-

ніе динамических сил третьяго рейха, прорывающихся далеко на восток и закамуфлированных кириллицей и украинскими національными эмблемами. В народных же глубинах, в разговорах крестьян, легко уловить огонь возможных кровавых гроз.

Так превратилась Восточная Украина в плацдарм явной и тайной борьбы Варшавы, Берлина и Москвы.

Не подлежит, однако, никакому сомнѣнію, что, если польским элементам придется, по тѣм или иным причинам, капитулировать, подлинным хозяином Галиціи под сѣнью національно-украинскаго желто - голубого знамени явится третій рейх.

III

Превратить Восточную Галицію в центр мощных вліяній Германія на востокъ Европѣ, послѣ продѣланной уже подготовительной работы, не представляет большого труда.

От пограничной рѣки Збруча до Кіева и Харькова простирается огромная равнина, населенная украинцами, живущими под красным знаменем Совѣтов. К 1938-му году начали заживать тяжелыя раны, дважды нанесенныя странѣ, которую исторія подвергла тягчайшим испытаніям: первый раз во время гражданской войны 1918-1920 г.г. и второй раз, в формах болѣе ужасных, — во время коллективизаціи 1928-33 г.г. Опустошенными стояли деревни, все живое покинуло их. Бѣжали всѣ, кто мог. Были вырублены фруктовыя деревья, разобраны крыши, разрушены дома, вырѣзан скот, лошади пущены в степь. Украинское крестьянство ни за что не хотѣло совѣтской коллективизаціи и подчинилось только безпощадной силѣ.

В теченіе всего 18-го и до самой середины 19-го вѣка, в Россіи украинской національности не было. Украинцами (малороссами) считались деревенскіе жители. Все прочее населеніе Украины было русским или давно руссифицированным. Не было и религиозных отличій: и русскіе, и малороссы принадлежали к одной и той же православной церкви. Украинское національное движеніе и идея «Великой Украины» появились в предѣлах Россіи только в послѣднія десятилѣтія. До большевистскаго переворота это движеніе проявлялось в очень слабой степени. Его рост и силу питали скорѣе социальныя и хозяйственныя требованія, чѣм національныя. Не тоска по самостоятельной Украинѣ привела в движеніе крестьянскія массы, а требованіе передѣла зе-

мель. Об отдѣленіи от Россіи вообще никогда не было никакой рѣчи. Первое украинское демократическое правительство было принесено на штыках австро - германской арміи, заявлявшей русскую Украину. Но это правительство не сумѣло надлежащим образом организовать доставку зерна в Германію, и германское верховное командованіе смѣстило его и посадило гетмана Скоропадскаго. Право управлять Украиной по официальному нѣмецкому раз'ясненію принадлежало Скоропадскому, как потомку послѣдняго гетмана. Обоснованіе оказалось не совѣм удачным. Генерал Скоропадскій является отпрыском давно русифицированного аристократическаго украинскаго рода. Он воспитывался в Пажеском корпусѣ, был кавалерійским генералом и крупным землевладѣльцем. Между тѣм, весь пафос украинскаго національнаго движенія — по существу крестьянско - демократическаго — зиждился на требованіи передѣла земель и уничтоженія крупнаго землевладѣнія.

Событія шли своим естественным путем. Генерал Скоропадскій вернул помѣщиков в имѣнія и понуждал крестьян возмѣстить им убытки. Несмотря на нѣмецкую охрану, покушенія на помѣщиков продолжались. Украинское крестьянство вдруг обильно выросло. И не успѣли нѣмцы покинуть Украину, как, словно из под земли, появилась армія Петлюры. Одновременно с этой арміей возникло множество анархистских крестьянских банд, которыя под водительством «батек» сражались против всѣх: против Петлюры, против бѣлых армій, против армій красных, против остатков нѣмецких оккупационных частей.

В Одессѣ засѣдали представители антанты, которые, естественно, не могли связаться с Петлюрой. Петлюровское правительство попало между двух огней: пришлось одновременно сражаться не только в русской Украинѣ, но и в Восточной Галиціи с поляками. В концѣ концов, выход был найден украинскими большевиками, которые путем компромисса нашли пріемлемую для СССР формулу признанія національных стремленій Украины и тѣм облегчили ея совѣтизацію. Офицеры австрійской императорской арміи украинскаго происхожденія сдѣлались чиновниками Совѣтской Украины. Всѣ они были проникнуты западной оріентаціей и, по существу, являлись единственными подлинными націоналистами, принявшими, в качествѣ неизбежнаго придатка, большевистское хозяйство и коммунистическую социальную

программу. Впослѣдствіи волна преслѣдованій привела к их массовому истребленію.

Какова же была позиція широких народных масс? Безучастность крестьянства к украинскому національному движенію, безучастность, которая с годами не только не исчезает, но все возрастает, — является неопровержимой исторической и политической истиной.

Каковы права украинских крестьян в данный момент? В отличіе от дореволюціонной эпохи крестьянин может во всѣх учрежденіях говорить по-украински. Он читает украинскія газеты, обращается в украинскій суд и посылает дѣтей в украинскую школу. Владѣя только родным языком, он может пройти всѣ ступени школьнаго образованія вплоть до университета и занять в чиновной іерархіи самый высокій пост. В борьбѣ оппозиціонных украинских коммунистов с Москвой, крестьяне, собственно, должны были быть скорѣе на сторонѣ Москвы. Украинскіе коммунисты стремились к самостоятельному, независимому от Москвы, культурному развитію Украины. Они хотѣли реформировать украинскій язык в сторону его сближенія с галиційским диалектом. Но, послѣ 250 лѣтъ совмѣстнаго сожителства с русскими, крестьянам был ближе дух Москвы, и реформа языка с введеніем полонизмов и западной терминологіи создавала для них трудности, быть может, переходящія, но от которых москвичи хотѣли их избавить. Тѣм не менѣе, по странѣ прокатывались волны недовольства. Основа этого недовольства была совсѣм не в національной плоскости, недовольство коренилось в аграрной политикѣ совѣтскаго правительства. Уже послѣ первой совѣтизаціи страны пришлось вести длительную и упорную борьбу с крестьянскими бандами вплоть до 1921 года. Возникновеніе самостійных движеній явилось отвѣтом на всеобщую коллективизацію в годы 1928-1932, повлекшую за собой миллионы человѣческих жертв. Тогда в правительственных учрежденіях засѣдали національно настроенные украинскіе интеллигенты, и только впослѣдствіи, когда Сталину понадобился мир с крестьянством, официальная пропаганда сообщила, что эта насильственная коллективизація проведена чиновниками и не являлась вовсе распоряженіем московскаго правительства: украинскіе націоналисты всячески-де использовали массовыя насилия над крестьянством, чтобы подвигнуть их против Москвы, объяснив всѣ эти насилия кознями «моска-

лей». Это сталинское толкование не соответствует действительности, ибо не в одной Украинѣ коллективизація принимала совершенно безчеловѣчныя формы. Несомнѣнно, украинскіе націоналисты использовали коллективизацію, хотя далеко не в тѣх формах, какія им приписывала впоследствии московская власть. Это лишь один раз свидѣтельствует, что національные и самостійническіе лозунги, поскольку они не связаны с аграрной проблемой, крестьян нисколько не влекут.

Совершенно необоснованы также надежды на популярность нѣмцев среди украинских масс: свѣжа еще память о германской оккупациі, которая привела к возстановленію помѣщичьего хозяйства. Поддерживаемое нѣмцами украинское самостійничество, которое должно быть перенесено в Совѣтскую Украину, безусловно осуждено на провал, даже если оно, как в 1918 году, будет насаждаться штыками. Слишком велика ненависть к нѣмецкой стальной каскѣ, которая является символом и напоминаніем возстановленія в русской Украинѣ крупнаго землевладѣнія.

IV

Над обрывом Днѣпра высится бронзовый Владимир Святой, крестившій Русь. На старинной площади, верхом на лошади, увѣковѣчен великій гетман Украины Богдан Хмельницкій: для русских — предводитель православной Малороссіи, воссоединившій ее с русским народом под властью бѣлаго царя; для украинцев — вождь возстанія против польской знати, гетман - освободитель. Придворный поэт Демьян Бѣдный написал о Владимирѣ Святом пьесу и поставил ее в Московском Камерном театрѣ. На седьмом представленіи присутствовали нынѣшніе правители Россіи. На слѣдующій день пьеса была запрещена, Демьян Бѣдный впал в немилость, а театр вскорѣ закрыт. Официально дано было понять, что смѣяться над русской исторіей отнынѣ запрещается: это исторія героическаго народа и даже поступок Владимира Святого был «исторически - прогрессивным дѣлом». Этим, конечно, не был разрѣшен спор о том, являются-ли украинцы («малороссы») вѣтвью русскаго народа.

В 1920 г. часть войска Петлюры, отступившая в Польшу, вошла в состав польской арміи во время русско - польской войны. Маршал был сторонником великой польской федераціи. Польша в теченіе столѣтій была двуединым польско - литовским государ-

ством. Украина была подѣлена между Польшей и Литвой. Во время одной из безчисленных польско - казачьих войн XVII вѣка был даже заключен договор, согласно которому создавалось триединое государство: королевство польское, великое княжество литовское и гетманство украинское. Договор остался на бумагѣ. Реализовать его хотѣл Пилсудскій по двум причинам: не дать Польшѣ утонуть в массѣ своих меньшинств и возстановить великую польскую державу «от моря до моря». Послѣ первых блестящих успѣхов поляков, Тухачевскій прогнал престарѣлаго маршала из Украины, гнал его до Варшавы — лишь «чудо на Вислѣ» спасло Польшу от «совѣтизаціи».

Чудес не бывает. Побѣдил французскій генерал Вейган и развѣял порыв и силу красной арміи. Польша не была непреодолимым барьером для большевизма. Не слѣдует при изученіи исторіи учитывать лишь внѣшніе, видимые факторы. Побѣдила не только сила военнаго генія Вейгана. Французскій генерал был в тот момент представителем свободной Европы и побѣдоносной демократіи. Большевизм был сломен в борьбѣ со свободой. Свободу, как фактор исторических событій, слѣдует понимать в ея ясном и простѣйшем видѣ, — как свободу отдѣльнаго индивидуума, — совсѣм не в той двусмысленной и туманной формѣ, какой опредѣляют свободу красные, коричневые, черные диктаторы. Свобода и защита личности. Обладающіе такой свободой всегда побѣждали несвободных. Греки — персов; Рим с его системой права — весь безграничный варварскій мір; христіанскій идеал — несвободный античный мір; босоногія, несвѣдущія в военном дѣлѣ арміи французской революціи — прекрасно снабженные и обученныя войска европейской коалиціи. С помощью свободы побѣдил Наполеон под Аустерлицем, и эта-же свобода, привитая побѣжденным народам, свалила от нея отрекшагося Наполеона в 1815 г. И на Марнѣ в 1914 г. побѣдила свобода. Разгадка военных чудес в том, что свобода имѣет невидимых друзей в тылу вражескаго войска.

Когда исторія поставит в порядок дня украинскую проблему, тогда существенное значеніе для исхода борьбы будет имѣть вопрос, на чьей сторонѣ сражается свобода против неволи. Тухачевскій гнал польское войско до ворот Варшавы, потому что уже тогда знамя свободы выпадало из рук Пилсудскаго. Великій маршал Польши во имя свободы добился возрожденія своего на-

рода. Но у него не хватило творческих сил насадить эту свободу внутри польского государства. Пилсудского подавляли его грандиозныя, империалистическія концепціи. Тѣ-же, кто его смѣнили, проживают остатки идеологическаго капитала престарѣлаго маршала. Въсто дальновидной политики началась погоня за успѣхами текущаго дня. Успѣхи несомнѣнны — преходящіе, торговешескіе успѣхи дипломатической кон'юнктуры даннаго историческаго часа. Польская дипломатія празднует свой триумф. Присоединена новая область. Дѣйствительность подтвердила ея тезу. Но вот уже неотвратимо надвигается поражение — нѣтъ границы с Венгріей.

Общность польско-венгерской границы не создавалась. Между тѣм она имѣет для Польши исключительную важность. Польша объявила частичную мобилизацію и обѣщала Венгріи свою полную поддержку. Сама Польша не имѣет видов на Прикарпатскую Русь по многим основаніям. Важнѣйшее — стратегически - экономическое. Прикарпатская Русь лежит по ту сторону Карпатских гор и со стороны Польши трудно защитима. Страна бѣдная, она — бремя для польскаго хозяйства, и послѣднее не в состояніи позволить себѣ роскошь включенія этой области. Здѣсь нѣтъ и польскаго населенія, а присоединеніе новых національных меньшинств было бы почти нестерпимым для внутренней политики Польши. Поэтому Польша предоставляет проведеніе общей с ней границы Венгріи.

Невзирая, однако, на польскую поддержку, Венгрія уступила германскому давленію и удовольствовалась частичным чисто-территоріальным приращеніем. Стало извѣстно, что в Варшавѣ это обстоятельство замолчали, а в Будапештѣ оно послужило одним из основаній к отставкѣ венгерскаго министра иностранных дѣл Каніи. Заключенное непосредственно вслѣд за тѣм польско-совѣтское соглашеніе было тоже прямым слѣдствіем постигшей польскую дипломатію неудачи, хотя и скрытой от виѣшняго взора. Это соглашеніе — мина против Берлина. Но она направлена непосредственно и прямо против Будапешта.

Существеннѣйшій ея смысл в том, что «мы (поляки) оказываемся в географически благопріятном положеніи, если мы заключим соглашеніе с совѣтской Россіей, — в таких условіях мы при извѣстных обстоятельствах в состояніи окажемся выдержать и германскій натиск; вам же, мадьярам, ваше географическое

положеніе не дозволяет пребывать в состояніи обособленности, и потому вы должны дать доказательства тому, что в будущем мы можем положиться на вашу способность к сопротивленію и твердости». Так, совѣтско - польское соглашеніе продолжает прежніе методы внѣшней политики Польши, которая, с одной стороны, столь реалистично опредѣляется текущим моментом, что утрачивает всякій политическій соблазн; с другой же стороны, та же политика исполнена таким спекулятивным отношеніем к ближайшему будущему, что всякая ея удача покупается потенціальной неудачей. Можно себѣ представить, что совѣтская дружба с польским государством способна стать столь же опасной, как и совѣтская вражда. Германскій коридор в Восточную Галицію — итог долготѣней внѣшней политики Польши. Украинскій вопрос сейчас поставлен практически — прежде всего, в Восточной Галиціи. Уже галиційско - украинскіе депутаты в польском сеймѣ пред'являют открыто тѣ самыя требованія, которыя, еще года нѣтъ, пред'являла в Прагѣ партія Генлейна. Эти требованія не оказывают никакого вліянія на внутри - русскія отношенія, так как вовсе не обязательно о них знать в Кіевѣ и Харьковѣ. Между Восточной Галиціей и совѣтским Союзом на 50 километров вглубь проходит совѣтская «линія Мажино».

Для Польши проблема, однако, поставлена, и германскій коридор в Восточную Галицію проложен. Отторженіе Восточной Галиціи или широчайшая ея автономія были бы для Польши меньшим злом по сравненію с тѣм, что в один день Польшѣ придется очутиться перед выбором, предоставитъ-ли свободный проход германским войскам к восточной границѣ Польши или красным войскам к западной границѣ? В узлѣ украинской проблемы, закручиваемом сейчас в Борлинѣ, — другого рѣшенія для Польши не остается. И какою бы выбор она ни сдѣлала, логическим слѣдствіем ея внутренней и внѣшней политики, является угрожающая ей судьба — стать плацдармом международнаго столкновенія.

Николай Бассехес

Красная армія послѣ „чистки“

К концу гражданской войны в красной арміи числилось около 130.000 командиров всѣх степеней; из них около половины составляли бывшіе офицеры царской арміи.

В годы демобилизаціи — между 1922 и 1924 г. г. — было уволено с дѣйствительной службы около 90.000 краскомов. Оставшіеся 40.000, чей опыт, пріобрѣтенный на войнѣ, был дополнен и углублен в мирные годы в военной академіи и прочих военных учебных заведеніях для офицеров, на особых курсах или в строю, составили основное ядро команднаго состава красной арміи.

Естественный прирост лиц, окончивших между 1924 и 1937 г. военные училища, дал еще приблизительно 100.000 офицеров. За этот же період около 60.000 покинули дѣйствительную военную службу. К маю 1937 г., когда началась «чистка» в красной арміи, командный состав исчислялся приблизительно в 80.000 человек, среди которых было около 20.000 участников гражданской войны, занимавших посты майора и выше. Что касается запасных офицеров, то положеніе было такое: из общаго числа 150.000 демобилизованных и покинувших дѣйствительную военную службу краскомов число годных к военной службѣ, за вычетом умерших или достигших предѣльнаго возраста, составляло к 1937 г. около 80.000; среди них приблизительно 30.000 участников войны. В это число не входили младшіе лейтенанты запаса, т. е. лица, окончившія средние — учебныя заведенія и с чином лейтенанта, по окончаніи срока военной службы, уходившія на гражданскую службу.

Нижеслѣдующая таблица дает представленіе о численности команднаго состава красной арміи в період 1922 - 1937 г. г.

*) Автор настоящей статьи в теченіе ряда лѣтъ занимал видные посты в красной арміи. Его перу принадлежит вышедшая нѣсколько мѣсяцев тому назад в Англии книга «The Red Army».

Кадровые офицеры всех чинов

1922 г.	около 130.000
В 1924 г. демобилизовано	» 90.000
Осталось на службу	около 40.000
К этому прибавилось:	
За 1924 - 1937 г. г. выпуски из военных училищ	» 100.000
Итого	около 140.000
1924-1937 г. г. покинули службу	» 60.000
К 1937 г. осталось	около 80.000

Офицеры запаса (от ст. лейтенанта и выше)

1922 г.	
1924 г. (демобилизованных)	около 90.000
1924 - 1937 г. г. (уволенных с действительной службы)	» 60.000
Итого	около 150.000
В 1924-1937 г. г. естественная убыль . .	» 70.000
К 1937 г. осталось	около 80.000

Запасной офицерский состав особенно сильно потерпел от «чистки». Уже в годы, предшествовавшие разстрелу красных маршалов и генералов, при других политических «чистках» множество офицеров запаса стало жертвой активности ГПУ. В мае 1937 г. вместе с Эйдеманом, бывшим начальником военной академии и долготлѣтним руководителем Осоавиахима (в котором было сосредоточено основное ядро запасных офицерских кадров), было арестовано и частью разстреляно большое количество офицеров запаса, в особенности тѣх, которые состояли в высоких чинах.

Кадровый командный состав красной армии до мая 1937 г.

был в общем избавлен от преслѣдованій со стороны ГПУ. Зато с этого момента массовые аресты и разстрѣлы начались в усиленном порядкѣ. По осторожным исчисленіям, с мая прошлаго года было арестовано около 20.000 красныхъ командиров, а нѣсколько тысяч из них были разстрѣляны.

Двадцать тысяч «убитыхъ и плѣнныхъ» в результатѣ годовой «мирной работы» это — 25% общаго числа красныхъ командиров. Но эта цифра не даетъ еще представленія о качественныхъ потеряхъ. Низшія категоріи краснаго офицерства оказались наименѣе затронутыми «чисткой», обрушившейся, главнымъ образомъ, на высшія категоріи. Стратегическій центр красной арміи, состоявшій изъ Тухачевского, Якира, Уборевича, Егорова, Орлова и Алксниса, уничтоженъ полностью. Высшіе командные посты и штабы армій оказались за послѣдній годъ на двѣ трети заполнены неопытной молодежью. По сообщенію «Правды» отъ 3 іюля 1938 г., оказывается, что нерѣдко ротами командуютъ младшіе лейтенанты, — зачастую даже только что окончившіе военное училище мл. лейтенанты занимаютъ должность начальника штаба батальона. Для того чтобы хотя бы количественно пополнить до нѣкоторой степени кадры команднаго состава красной арміи, правительство сократило на годъ курс военныхъ училищъ; и это, не взирая на то, что при недостаточной подготовкѣ, даваемой общеобразовательными средне-учебными заведеніями, и прежній трехлѣтній и четырехлѣтній курсы оказывались недостаточными для усвоенія будущими молодыми офицерами тѣхъ знаній, которыхъ требуетъ отъ нихъ современная военная техника. В 1938 году сокращенные сроки прохожденія курса не были соблюдены. В іюнѣ послѣдовалъ приказъ Ворошилова о досрочномъ производствѣ в младшіе лейтенанты 10.000 учащихся в военныхъ училищахъ, которые должны были закончить свой курс обученія только в октябрѣ.

Приказъ мотивировался необходимостью предоставить этимъ молодымъ офицерамъ командованіе на осеннихъ маневрахъ.

Изданный по случаю 20-й годовщины со дня основанія красной арміи — 23 февраля 1938 г. — тайный приказъ сократилъ на 3 года всѣ наказанія, которымъ были подвергнуты военно-служащіе. Такъ какъ, однако, офицеры съ чиномъ майора и выше получали — если ихъ не разстрѣливали — в большинствѣ случаевъ отъ 10 до 25 лѣтъ тюремнаго заключенія, то амнистія эта имѣла практическое зна-

чение преимущественно для унтер - офицеров, лейтенантов и капитанов.

Волна арестов при этом не прекращается. Для карьеристов настали поистинѣ золотыя времена. Даже в совѣтской печати можно встрѣтить выраженія возмущенія по поводу того, что в цѣлом рядѣ случаев офицеры прибѣгают к анонимным доносам, чтобы таким путем устранить своих непосредственных начальников и занять их мѣста. Однако, метод анонимных доносов продолжает оставаться попрежнему основой дѣятельности ГПУ.

Массовые аресты среди преподавательскаго персонала военно-учебных заведеній наносят громадный ущерб дѣлу подготовки офицерской смѣны. Лѣтом прошлаго года высшія военныя училища Кіева и Харькова пришлось временно закрыть, т. к. до 80% преподавательскаго их персонала было арестовано. Учѣлось лишь нѣсколько специалистов царской арміи. Назначенные на мѣсто арестованных замѣстители оказались, в нѣкоторой своей части, совершенно неквалифицированными.

Относительно дезорганизациі, которая была внесена в красную армію «чисткой», можно иногда найти свѣдѣнія даже в совѣтской печати. Так, «Красная Звѣзда» (11 октября) передает слѣдующій случай, имѣвшій мѣсто в Ленинградском военном округѣ: начальник политотдѣла одного из болѣе крупных военных объединеній Трофимов получил отпуск. Когда он вернулся, оказалось, что его должность занята другим лицом. Политуправленіе ленинградскаго военного округа рѣшило, что Трофимов, подобно цѣлому ряду его товарищей, «исчез», т. е. арестован или разстрѣлян. Когда обнаружилось недоразумѣніе, Трофимов был назначен замѣстителем директора одного военного училища, но оказалось, что и эта должность занята. Отдѣл личнаго состава ленинградскаго военного округа вообще не имѣл никакого представленія о том, как замѣщены высшія командныя должности. Аналогичный случай произошел в одном из расположенных в Ленинградѣ танковых полков. Там в теченіе нѣскольких мѣсяцев не был замѣщен пост комиссара. Совершенно случайно 8-го сентября между различными документами был обнаружен приказ Ворошилова от 20 мая о назначеніи на эту должность нѣкоего Маркова. «В назначеніях и перемѣщеніях личнаго состава арміи царит полный хаос», — жалуется «Красная Звѣзда».

Возстановленіе комиссаров еще болѣе сгустило атмосферу не-

довѣрія и взаимнаго страха. На этот раз дѣятельность комиссаров направлена не на борьбу с измѣной царских офицеров, как это было в годы гражданской войны, а против совѣтскаго офицерства, состоящаго в подавляющем своем большинствѣ из вышедших из рабочей и крестьянской среды коммунистов. Совѣтская печать приводит случаи, показывающіе, что комиссары, своим невѣжеством в военном дѣлѣ, часто мѣшают правильному ходу военной службы. Так, «Красная Звѣда» рассказывает, что на послѣдних больших маневрах в Закавказском военном округѣ произошло слѣдующее: один из краскомов дал солдатам приказ открыть огонь по скрытому от взоров отряда наступающему противнику. Услышав это, комиссар набросился на офицера и приказал немедленно прекратить стрѣльбу, ибо «нельзя стрѣлять по невидимой цѣли». Только вмѣшательство одного из случайно оказавшагося на мѣстѣ арбитра спасло офицера, котораго комиссар уже успѣлъ обвинить во «вредительствѣ».

И авіація глубоко дезорганизована расправой с ея лучшими руководителями и конструкторамъ. Выдающіяся достиженія отдѣльных совѣтских летчиков не могут ни в чем извинить этот факт.

Способна ли армія, командный состав которой уничтожен собственным правительством, выполнить задачи, возлагаемыя на нее большой войной?

Когда Гитлер в февралѣ 1938 г. уволил в отставку нѣсколько дюжины офицеров, причем общее число уволенных было меньшим, нежели число тысяч красных командиров, разстрѣлянных и арестованных Сталиным, — это неоднократно расцѣпывалось, как чрезвычайное ослабленіе германской арміи, хотя эта армія имѣет за собой вѣковую прусско-германскую традицію. Красная армія существует только 20 лѣтъ. Разстрѣлявъ красных маршалов, генералов и полковников, Сталин вмѣстѣ с тѣм разстрѣлял всю ея традицію. Кроме того, не надо забывать, что массовые разстрѣлы и аресты кадровых и запасных красных командиров являются не причиной кризиса совѣтской обороны, а результатом глубокаго кризиса, переживаемаго всей страной, — кризиса, который разстрѣлы и аресты краскомов, с своей стороны, обострили и углубили.

Послѣ четырех с половиной лѣтъ міровой войны ни в одной из воюющих армій потери, понесенныя офицерским корпусом, не были так тяжки и непоправимы, как тѣ, которыя были причинены

офицерским кадрам красной армии газовой «мирной работой» под руководством Сталина и Ежова. Современная миллионная армия, какой является нынешняя красная армия с ее осуществленной в широком масштабе механизацией и моторизацией, требует особую квалифицированных, обученных и опытных командных кадров. А между тем цвет этих кадров уничтожен, и при этом разстреляны и оклеветаны, как «измѣнники родины», как раз те маршалы и генералы, как Тухачевский, а ныне, по всей вероятности, и Блюхер, которые были в армии наиболее энергичными сторонниками активной политики и противодействия германскому и японскому фашизму. Двусмысленная позиция Сталина во время чехословацкого кризиса, его далеко идущая готовность к компромиссу с японским империализмом являются последствием не только ослабления боеспособности красной армии, но и всего направления, принятого сталинской внешней политикой.

Можно во всяком случае утверждать, что «чистка» красной армии оказалась равнозначной выигранному Гитлером и японским империализмом сражению.

Эрих Воленберг

ХРОНИКА

От Охотских берегов до Корсики

От берегов Охотского моря через «Великую» Украину до Туниса и Корсики — пагубное дѣйствіе Мюнхена продолжает и в истекшем мѣсяцѣ развертываться с неослабленной энергіей. По всей «оси» снуют японскіе и германскіе дипломаты и простые агенты: то подталкивают союзника, то выравнивают дѣйствіе «совѣтами умѣренности». Пускаются пробные газетные шары и ведутся цѣлыя газетныя кампаніи: военный флот плывет к берегам Охотского моря, восхваляются миролюбивыя качества Чемберлена, вспоминается вѣковая, непримиримая ненависть Франціи к Италіи; наивные, дерзкіе опыты шантажа производятся в Лондонѣ, Парижѣ, Варшавѣ, Москвѣ...

В самом концѣ прошлаго мѣсяца обнаружились сразу два фокуса намѣченнаго «осью» дипломатическаго наступленія в Европѣ. 30 ноября в Римѣ при словах гр. Чіано о «естественных чаяніях итальянскаго народа» раздались со скамей депутатов крики: «Тунис, Джибути, Корсика», за которыми слѣдовали дальнѣйшія слова министра о «впдѣлѣ единой Италіи, указывающей из Рима путь к возстановленію имперіи». Очевидно, сцена была подготовлена заранѣе. Протест французскаго посла вызвал со стороны Чіано отклоненіе отвѣтственности за демонстрацію, — но об этом не было сообщено в итальянской печати, а извѣстный публицист Гайда заявил даже, что Италія готова на войну с Франціей. В дальнѣйшем Италія формально отказалась от договора 1935 г., по которому Франція сдѣлала ей территоріальныя уступки в Африкѣ, печать заговорила об измѣненіи статута итальянцев в Тунисѣ, об уступкѣ гавани в Джибути и постройкѣ желѣзной дороги через французскую территорію в Абиссинію и об участіи Италіи и Германіи в управленіи Суэцким каналом. «Упорство» Франціи сравнивалось с упорством Чехіи перед сентябрьской катастрофой.

В том же концѣ ноября Польша отвѣтила на германскій отказ установить в Карпатской Руси общую границу между ней и Венгріей и на переименованіе Карпатской Руси в К. Украину, с образованіем там столь же фальшиваго «украинскаго» правительства Волопина, — слѣпным примиреніем с совѣтской Россіей. Польша не ошиблась в истолкованіи намѣреній Германіи. 9-10 декабря в нѣмецком журналѣ «Виртшафтсринг» и в чехословацкой газетѣ «А-Зет» появились статьи, заявлявшія, что новорожденное «украинское государство», хотя и «слабое», но «находится в дружбѣ с великими имперіями, какова Германія», что здѣсь «началась борьба за великую, независимую Украину, самая серьезная со времени побѣды Фоша над Людендорфом». а путешествовавшій, кстати, по Карпатской Руси японец Катохоки, секретарь японскаго посольства в Москвѣ, произнес рѣчь Волопину: «ваше государство не велико, но имѣет великое будущее». С большим треском нельзя было об'явить о малом началѣ великаго дѣла, — тѣм болѣе, что одновременно нѣмцы организовывали на новоявленной «Украинѣ» украинскую полицію и возрождали «січевиков», а украинскіе депутаты польскаго сейма вносили законопроект об автономіи украинской территоріи. Затѣм началось созданіе украинской партіи, для чего преемником убитаго Коновальца назначается нѣкій полковник Андрей Мыльник, организующій два украинских «бюро» в Берлинѣ и в Вѣнѣ, а на территоріи Чехо-Словакин украинскія партіи сливаются в один «Союз украинцев - патріотов». Создается и соотвѣтственная идеологія. «Фелькишер Беобахтер» печатает статью, в которой будущая «великая Украина» приглашается «разрѣшить спор между европейским человѣчеством и азіатским варварством». «Европейское человѣчество» — это, очевидно, гитлеровская Германія, преслѣдующая христіан, изгоняющая евреев и возстановливающая религію Вотана. «Азіатское варварство», разумѣется, — Россія, возглавленная Сталиным; но Кавказ присоединяется, вмѣстѣ с Украиной, к европейскому человѣчеству. До сих пор Польша, с нѣсколько большим, хотя и сомнительным правом, претендовала на миссію — спасти Европу от Азій; теперь ея мѣсто должна занять Украина, вмѣстѣ с «Кавказом, Грузіей и Азербайджаном». Вѣдь еще в древнія времена, фантазирует нѣмецкая газета, это был «театр борьбы с гуннами и монголами». Газета забывает, что как раз из этого «театра» гунны и монголы, вмѣстѣ с германскими племенами, громили и граби-

ли культурныя провинціи римской имперіи, погружая «Европу» в «варварство»... послѣ того, какъ разгромили эллинистическія и персидскія государства Азіи.

Среди этихъ двухъ начинаній почти незамѣтно проходятъ послѣднія ступени германизации Мемеля. Конечно, Англія — довольно спокойно — напоминаетъ, что статутъ Клайпеды находится, между прочимъ, и подъ ея покровительствомъ; но почти нѣтъ и надобности въ формальномъ нарушеніи статута — послѣ того, какъ фактическая аннексія мемельской территоріи почти совершилась подъ его покровомъ.

На другомъ концѣ «оси», на Дальнемъ Востоцѣ, тоже происходитъ новый эпизодъ, имѣющій своимъ объектомъ уже не Китай, а советскую Россію. Рѣчь идетъ о спорѣ между Японіей и СССР о рыбныхъ ловляхъ въ Охотскомъ морѣ. Но здѣсь споръ имѣетъ иной, менѣе искусственный характеръ. Японское бѣдное населеніе безъ русской рыбы давно уже обойтись не можетъ, — съ тѣхъ поръ какъ истощены рыбныя богатства собственныхъ береговъ Японіи. На этотъ разъ, при обостреніи взаимныхъ отношеній съ СССР, и при возможности военнаго конфликта, положеніе осложнилось. Литвиновъ исключилъ изъ обычнаго соглашенія нѣсколько десятковъ рыбныхъ ловель на томъ основаніи — весьма вѣроятномъ, — что они служили для японскаго шпионажа. Японцы отвѣтили строгимъ ультиматумомъ, поставивъ недѣльный срокъ для отвѣта. Но «азиатскіе» дипломаты говорятъ вѣжливымъ и сдержаннымъ языкомъ, не употребляя грубаго и наглаго жаргона нѣкоторыхъ «европейцевъ». Недѣльный срокъ прошелъ, и посылка японскаго флота къ русскимъ берегамъ не состоялась. Состоялась, правда, посылка нѣсколькихъ японскихъ дивизій къ русскимъ границамъ, и сдѣлано нѣсколько заявленій, что Японія своихъ «правъ» добьется. Литвиновъ, съ своей стороны, сократилъ количество заподозрѣнныхъ рыбныхъ концессій. И германскій, и итальянскій послы въ Токио, очень «заинтересованные» въ исходѣ спора, должны были удовлетвориться «успокоительнымъ» отвѣтомъ Ариты, что дѣло можетъ остаться въ «тревожномъ» состояніи... «въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ». Японія готова теперь даже разговаривать съ врагомъ № 1, Ян-Кай-Чекомъ, — на прежнихъ условіяхъ, конечно. Вообще, дальнѣйшая эволюція военной энергіи Японіи встрѣчаетъ все большія затрудненія со стороны финансовъ, достигшихъ, какъ видно, крайнихъ предѣловъ напряженія. Слабѣетъ, повидимо-

му, и энергія испанскаго диктатора, — но по другим побужденіям, которых, для краткости, касаться не будем.

Зато в Европѣ, в связи с устраненіем чехословацких вооруженій, наблюдается дальнѣйшее расширеніе «оси». Вновь назначенный венгерскій министр Чаки, обмѣнявшись тостами с гр. Чиано, заявил себя формально сторонником «оси» Рим - Берлин. Но попутно, под прикрытіем пословицы: «друзья наших друзей — наши друзья», он причислил к своим друзьям также и Югославію, присоединив и ее к оси. Послѣ выборов, только что давших Стоядиновичу послушное большинство в Бѣлградѣ, это причисленіе заслуживает вниманія. Недаром присутствовавшіе при этом итальянскіе журналисты комментировали его, как предвѣстье новаго югославско - итальянскаго пакта для защиты чисто итальянскихъ интересов; в награду за это Италія обѣщает окончательно прекратить поддержку югославскихъ ирредентистов. Как полагається, новое скрѣпленіе дружбы сопровождалось и новыми притѣсненіями евреевъ в Венгріи. Новый законопроектъ вводитъ процентную норму для свободныхъ профессій и устанавливаетъ процентъ еврейской крови отъ отцовъ и дѣдовъ.

Чѣмъ отвѣчаетъ на всю эту расистско - аннексіонистскую хлопотню демократическая Европа? Чемберленъ в своихъ рѣчахъ неоднократно напоминаетъ, что в Мюнхенѣ он спасъ Европу отъ войны и молодежь отъ гибели; что он остается миротворцемъ и надѣется уменьшить вооруженія, что он только «ждетъ слова» отъ Германіи — и повторилъ бы, іота в іоту, всю свою сентябрьскую политику. Он ѣдетъ в Римъ, вопреки поведенію Италіи, и надѣется повторить свой визитъ Гитлеру. О чемъ он будетъ говорить съ ними, он умалчиваетъ. Однако-же, Германія платитъ ему черной неблагодарностью; германскимъ дипломатамъ и журналистамъ приказано отсутствовать при его рѣчи для иностранной печати, гдѣ есть нѣсколько нетерпѣливыхъ фразъ по поводу тоталитарныхъ режимовъ и оскорбленій германской печатью англійскихъ политическихъ дѣятелей. Повидимому, в угоду Чемберлену Парижъ принимаетъ у себя Риббентропа и заключаетъ, чтобы поддержать Мюнхенъ, франко - германскую конвенцію неопредѣленнаго содержанія. Но Германія распространяетъ слухи, что Франція предоставила ей свободу дѣйствій на востокѣ Европы, а Италія — что Англія останется нейтральною в случаѣ франко - итальянской войны. Тщетно Чемберленъ нѣсколько разъ повторяетъ в своихъ рѣчахъ, что отношенія Англіи к

Франція тѣснѣ всяких договорных обязательств, — послѣ того, как заявил, что юридических обязательств не имѣется. «Духу Мюнхена» хотят вѣрить больше, чѣм словесным заявленіям, и единственная уступка, которую Муссолини дѣлает в ожиданіи визита Чемберлена, — это умолчаніе в своей рѣчи в Карбоніи о всем том, о чем говорил Чіано и кричала итальянская печать. Болѣе серьезны тѣ настроенія в самой Англіи, которыя заставили Чемберлена повторить, что все-таки вооруженія Англіи ведутся ускоренным темпом. Недовольство его политикой выразилось также, помимо требованій рабочих депутатов в палатѣ, в стремленіях к измѣненію состава кабинета, которыя к концу мѣсяца приняли конкретную форму.

Международная роль Франціи за истекшій мѣсяц продолжала затушевываться ея внутренним положеніем; хотя во внутренней политикѣ и сказалась растущая неустойчивость международнаго положенія. Объявленная на 30 ноября всеобщая забастовка была сломлена чрезвычайными мѣрами, перемѣстившими вправо большинство в палатѣ. Большинство «народнаго фронта» перестало существовать; не только коммунисты, но временами и социалисты не голосовали или голосовали против правительства. Финансовыя нововведенія Поля Рейно прошли с нѣкоторым напряженіем. Неоднократные призывы страны и палаты к единенію и благоразумію принимались послушно, но без энтузіазма. Единодушно отнеслась палата лишь к измѣненію избирательнаго закона — в ожиданіи выборов.

В заключеніе года правительство Соединенных Штатов сдѣлало цивилизованному общественному мнѣнію неожиданный и пріятный рождественскій подарок. Министр внутр. дѣл Иккс заявил в Кливлендѣ, что необходимо оказать моральную и матеріальную поддержку тысячам евреев, которых обворовывает и истязает грубый диктатор, дѣйствія котораго обидно сравнивать даже с средними вѣсками, так как они скорѣе отзываются до-исторической эпохой. В Германіи не привыкли, чтобы на их безцеремонность отзывѣлись такой же; печать бурно реагировала, а германскій повѣренный в дѣлах Томсен явился к Сомперу Вельсу, замѣщающему главу государственнаго департамента Корделля Холла, с требованіем извиненія. Вельс отвѣтил, что, пока в Германіи печать и представители правительства оскорбительно отзываются о президентѣ Вильсонѣ и не стѣсняются в выраженіях, говоря о Рузвель-

тѣ, им нечего обижаться на подобныя же выраженія, соотвѣтствующія общему осужденію американскаго народа. Томсен вышел «блѣдный и взволнованный».

Мир и война на французском социалистическом с'ѣздѣ

Закончившійся только что с'ѣзд французской социалистической партіи носил временами драматическій характер. На с'ѣздѣ оформились два теченія — неодинаковой мощности (4.322 и 2.837), но одинаково авторитетныя и возглавленные Леоном Блюмом и Полем Фором. До формальнаго разрыва дѣло не дошло, но обозначающееся расхожденіе может имѣть большія послѣдствія не только для судеб французскаго социализма, но и для будущаго внѣшнеполитическихъ отношеній Франціи, — в частности для ея отношеній с совѣтскою Россіей.

Теченіе, возглавленное Фором, — меньшинство на с'ѣздѣ — осталось вѣрнымъ ортодоксальному социализму, искони замѣщавшему внѣшнюю политику пропагандой пацифизма и братства народов. И сейчас, послѣ Мюнхена и всего того, что за этимъ послѣдовало, это теченіе ставитъ свою ставку на энтузіазмъ народныхъ массъ и активность общественнаго мнѣнія и в странахъ тоталитарной диктатуры.

Чтобы быть совершенно свободными в проповѣди такого пацифизма во что бы то ни стало, невзирая ни на что, теченіе Форы хочетъ освободиться отъ нѣкоторыхъ связывающихъ Францію международныхъ обязательствъ. Говоря конкретно: связанность Франціи с Англіей должна остаться нерушимой, но соглашенія ея с Польшей и СССР подлежатъ пересмотру, ибо они уже давно превратились изъ максимальной гарантіи мира для Франціи въ максимальный для нея рискъ оказаться втянутой в войну помимо своей воли и, такимъ образомъ, — в минимумъ мира.

Такая вѣрность традиціонно - ортодоксальной доктринѣ практически привела почти къ полному совпаденію с внѣшне - политической установкой Чемберлена, Даладье и Бонна.

Л. Блюмъ подвергъ рѣшительной ревизіи «доктринальную позицію» партіи в прошлом. Партія, причастная къ руководству судьбами національной жизни, бывшая у власти вчера и претендующая притти къ власти завтра, не можетъ закрывать глаза на «непосредственную реальность текущаго дня». И тутъ она вынуждена конста-

тировать, что опасность войны, которой нельзя было себя и представить шесть лет тому назад, сейчас нависла над Европой и особенно над Францией. Эту угрозу соглашение в Мюнхенѣ не ослабило, а усилило, только отсрочив момент расплаты. «Партия вынуждена признать, что против этой опасности войны чисто - социалистическая борьба, т. е. сосредоточенныя усилия пролетаріатов различных стран, возможная во времена штутгартскаго конгресса и даже в 1914 г., сейчас практически неосуществима». — Так говорил Блюм, и эти слова вошли и в принятую с'ѣздом резолюцію.

В этих условиях — «партия обязана ясно указать предѣлы, дальше которых не могут идти ея неумолимыя усилия вести переговоры и искать соглашенія: она должна отчетливо указать случаи, при которых страна окажется вынуждена претерпѣть риск войны, навязанной ей извнѣ». И чтобы поставить страну перед «жизненными для нея нуждами, — партия, не колеблясь, поведет свою пропаганду... Она без колебаній будет стараться возжечь в народных массах дух сопротивленія несправедливости и угнетенію, который является одним из основоположных для социализма».

Между большинством и меньшинством с'ѣзда оказалось большое разстояніе. Но было у них и общее — в преодолѣніи былых иллюзій и заблужденій. В отличіе от того, что во времена Штутгарта утверждал даже Жорес, будущій автор «Новой Арміи», и Фор заявлял, что и он, и его друзья стоят за «національную оборону», хотят «защищать націю, ея независимость и свободы от всякаго внѣшняго нападенія». И Блюм не встрѣтил ни с чьей стороны возраженій, когда удостовѣрил, что «сейчас в партіи в с'ѣд против революціоннаго пораженчества».

Кого судили в процессѣ Плевицкой?

Судоговореніе в процессѣ Плевицкой и закончившій его неожиданно - суровый приговор выросли в большое событіе в жизни русской эмиграціи. Обзорѣвателю приходится на нем остановиться — не столько в связи с судьбой, постигшей подсудимую, и со степенью ея отвѣтственности, сколько в связи с тѣм, что было названо «климатом» залы суда. Впечатлѣніе присутствовавших на процессѣ, — что о личности подсудимой по временам как-бы вовсе забывали. Находишься на скамьѣ подсудимых сам Скоблин, его жена могла бы сойти на роль свидѣтельницы — или, в худшем случаѣ, соучастницы; самая возможность преданія ея суду — а на судѣ

возможность ея обвиненія — подвергалась сомнѣнію и была предметом оживленных споров.

Судили, в сущности, тѣх, кто стоял за Плевицкой, — и шансы осужденія довольно равномерно распредѣлились между двумя противоположными направленіями. Выбор был поставлен рѣзко обѣими сторонами: совѣтская власть или русская эмиграція? Роль парижских агентов совѣтской власти — особенно послѣ буквального повторенія трагедіи с ген. Кутеповым — представлялась как бы апіорі - безспорной не только для русской эмиграціи в цѣлом, у которой нѣтъ другого мнѣнія. Но в пользу этого предположенія говорили объективные факты, представшіе в ярком освѣщеніи перед присяжными. Во-первых, — бѣгство Скоблина, в связи с запиской, оставленной ген. Миллером, — подлинность которой так неудачно оспаривала противная сторона. Не менѣе трудно было оспаривать искусственность алиби, которое пыталась отстоять для своего мужа Плевицкая: тут на нее легла главная тѣнь. Но особенно убѣдительным — и новым — оказалось на судѣ другое обстоятельство: так наз. «гаврскій слѣд», намѣренное затирание котораго являлось попыткой создать другое алиби — уже не для преступника, а для его укрывателей. Сенсацией процесса было, что именно в данный момент, в связи с обстоятельствами внутренней жизни Франціи, этот «слѣд» мог быть возстановлен во всей своей полнотѣ. Ссылка Бесѣдовскаго на большевистскіе «тайные дома» и длинные подземные коридоры на рю де Гренель послѣ этого уже никого удивить не могли... Плевицкая платилась тут за тѣх, кто, по тѣм или другим причинам, остались вѣдь предѣлов досягаемости суда. И защита Плевицкой оказалась дѣлом чрезвычайно трудным. Принуждены — же были вѣдь и защитники признать допустимость гипотезы о совѣтской причастности к дѣлу — лишив себя тѣм самым возможности защищать сколько — нибудь ясно и убѣдительно противоположную позицію.

Но Плевицкая пострадала и за другое обстоятельство, — к удивленію, особенно подчеркнутое той же защитой. Она была «иностранка», на нее пала отвѣтственность за преступленіе, совершенное при участіи эмигранта во Франціи, — и преступленіе не первое. «Надо положить этому конец», внушал присяжным прокурор: для него это было яснѣе, чѣм всякія другія гипотезы относительно виновников преступленія. Надо показать примѣръ! Надо, к сожалѣнію, признать, что и неудачная позиція, выбранная защитой, и

самый состав вызванных свидетелей, давали присяжным обильные иллюстрация этого тезиса. Достоинство эмиграции было подержано частью этих свидетелей, но, увы, далеко не всеми.

ВАЖНѢЙШІЯ СОБЫТІЯ

ДЕКАБРЬ

1. В Румынии ликвидируется «желѣзная гвардія».

— Пріѣзд министра авіаціи Кингслей Вуда для координаціи воздушнаго вооруженія Англіи и Франціи.

2. Чіано заявил французскому послу, что правительство не ответственно за манифестацію депутатов, требовавших Туниса и Корсики.

3. Французское правительство приняло ряд мѣр против чиновников и рабочих, участников всеобщей забастовки. Лидер СЖТ Жуо уволен с постов Банк де Франс, Національнаго О-ва желѣзных дорог и др.

4. Британскій посол напомнил итальянскому правительству, что англо - итальянское соглашение предусматривает сохраненіе статус-кво в Средиземном морѣ.

— Италія возвратила Германіи африканскую колонію Джубалэнд, хотя по договору 1924 г. не имѣла права отдавать ее третьей державѣ.

5. В Парижѣ начался процесс Плевицкой.

6. Фон Риббентроп подписал в Парижѣ с Боннѣ франко - германскую декларацію (признаніе границ «в их нынѣшнем видѣ», готовность разрѣшать всѣ споры путем переговоров).

7. Министр колоній Макдональд заявил в палатѣ общин, что общественное мнѣніе Англіи не согласится на уступку хотя бы пяти заморских владѣній Великобританіи.

8. Отставлен наркомвнудѣл Ежов. На его мѣсто назначен Лаврентій Берія.

— В англійской печати участились сообщенія о намѣреніи Германіи создать «Великую Украину» из территорий, принадлежащих нынѣ Чехо - Словакии, Польшѣ, Румынии и Россіи.

9. Палата выразила Даладье до-вѣріе 315 голосами против 241, при 53 воздержавшихся. Соціалисты частью голосовали против, частью воздержались — впервые за существованіе «палаты народнаго фронта».

— Украинскіе депутаты польскаго сейма внесли законопроект о предоставленіи украинской территории Польши самой широкой автономіи с правом участвовать в рѣшеніи вопросов о войнѣ и мирѣ, о договорах с иностранными державами и т. д.

11. Выборы в югославскую скупщину дали побѣду Стоядиновичу.

— Франція и Италія сдѣлали в Берлинѣ представленіе по поводу положенія в Клайпедѣ (Мемелѣ), гдѣ усиливается нѣмецкое давленіе. Оба посла напомнили, что Франція и Англія гарантировали клайпедскій статут.

12. Чемберлен заявил в палатѣ общин, что Англія не связана с Франціей никаким военным соглашеніем в случаѣ нападенія Италіи на Тунис или на другую французскую территорію.

13. Чемберлен на банкетѣ ино-

странной печати выразил сожалѣніе по поводу нападок «нѣкоторых иностранных газет» на англійских политических дѣятелей, высказался о временности тоталитарных режимов и заявил, что «Англія и Франція связаны отношеніями, гораздо болѣе тѣсными, чѣм узы договоров». Германскій посол и нѣмецкіе журналисты демонстративно не явились на банкет.

14. Плевицкая приговорена к 20 годам каторжных работ.

— В Лондон прибыл Шахт, с цѣлью добиться для Германіи возможно больше полноцѣнной валюты, в обмѣн за разрѣшеніе евреям выѣхать за границу. Организациі, собравшія в Англіи значительныя суммы для помощи германским евреям, рѣшили передать эти деньги по назначенію лишь послѣ того, как евреи выѣдут из Германіи.

— Отозван японскій посол в Парижѣ, Сигимура — рѣшительный противник сближенія Японіи с Германіей.

15. В Россіи погиб во время пробного полета Чкалов, совершившій, вмѣстѣ с Байдуковым и Бѣляковым, перелет Москва - Америка через Сѣверный полюс.

16. Американская и англійская печать сообщают, что Германія намѣрена предложить вел. кн. Владиміру Кирилловичу «гетманство» Великой Украинны и что будущій претендент выѣзжает в Германію для личнаго свиданія с Гитлером. В. к. эти свѣдѣнія опровергнул печатно.

17. Итальянскій офиціоз «Реляціони Интернаціонали» заявляет, что, в виду непримиримой позиціи Франціи, «Италіи придется перейти к активным дѣйствіям».

18. Муссолини на освященіи города Карбоніи ни словом не коснулся итальянских притязаній на Тунис.

Британскій посол Перт указал, на канунѣ произнесенія рѣчи, что новыя нападки на Францію «осложняют задачу Чемберлэна».

— В Берлинѣ открыто «украинское бѣженское бюро», вѣдающее всѣми «украинскими выходцами из СССР, Польши, Подкарпатской Руси и Румыніи».

19. Боннэ заявил в палатѣ, что «Франція не уступит никому ни пяди своей земли, гдѣ бы она ни находилась».

— Чемберлэн раз'яснил в палатѣ общин, что «заявленія, которыми обмѣнялись французское и англійское правительства, имѣют болѣе значенія, чѣм договоры и соглашенія».

21. Обострился конфликт между Японіей и СССР, возникшій по вопросу о рыбных промыслах. Японцы перебросили 5 дивизій из сѣвернаго Китая на манчжуро - совѣтскую границу.

22. Американскій министр вѣдѣл Иккс произнес рѣчь о необходимости помочь германским евреям, «которых грабит и истязает грубый диктатор». Германія официально потребовала извиненій.

— Японія угрожает отозвать посла из Москвы, если «рыболовный» конфликт не будет улажен до 24 декабря в благопріятном для Японіи смыслѣ.

— Французская палата ратифицировала декреты - законы Даладьё большинством 366 против 229.

23. Америка отказалась принести Германіи извиненія по поводу рѣчи Иккса.

— Италія денонсировала итало - французскій договор 1935 года.

— Все - американская конференція в Лимѣ приняла резолюцію, осуждающую расовыя и религіозныя преслѣдованія и заявляющую, что 21 государство обѣих Америк

твердо рѣшили защищать континент от всякой иностранной пропаганды и интервенцій.

24. Французскій кабинет рѣшил, что денонсированіе Италіей договора 1935 г. не мѣняет позиціи Франціи: никакихъ территоріальныхъ уступокъ.

— Японія отвергла частичныя уступки СССР в вопросѣ о рыбныхъ промыслахъ.

25. Скончался извѣстный чешскій писатель Карл Чапек, близкій друг Масарика.

— Итальянскій офиціоз признал предстоящую поѣздку Даладье в Тунис «провокаціонной».

26. Франція отвѣтила Италиі, что готова вступить в новые переговоры, но дальше сдѣланныхъ уступокъ не пойдетъ.

— На испанскомъ фронтѣ началось сильное наступленіе націоналистовъ.

27. Скончался лидеръ бельгійскихъ социалистовъ Эмиль Вандервельде.

— В Миланѣ произошла враждебная демонстрація передъ совѣтскимъ консульствомъ. В виду того, что итальянское правительство отказалось наказывать виновныхъ, совѣтское

правительство распорядилось консульство закрыть.

28. Французское правительство отправило в Джибути два военныхъ судна, а в Сомали — сенегальскихъ стрѣлковъ.

— 160 японскихъ аэроплановъ бомбардируютъ города сѣвернаго Китая, остающіеся во власти Чан - Кай - Шека. Убито 7.000 человекъ.

29. Франція сообщила Англіи текстъ своего отвѣта Италиі и заявила об отказѣ принять чье бы то ни было посредничество. Чемберленъ рѣшил не выступать в роли арбитра, даже если вопросъ о франко - итальянскихъ отношеніяхъ будетъ затронутъ во время его пребыванія в Римѣ.

31. Контрольный пакетъ пушечныхъ заводовъ Шкода в Чехо - Словакии перешелъ за 2 милл. фунт. ст. изъ французскихъ рукъ къ Круппу.

— Германія заявила, что намѣрена увеличить подводный флотъ до размѣровъ англійскаго.

— Иранъ из-за газетнаго отчета о выставкѣ животныхъ порвалъ дипломатическія отношенія с Франціей.

Из міра литературы

Анри Труайя — гонкуровскій лауреатъ.

Наши читатели знаютъ уже, конечно, изъ газетъ, что французское имя — только псевдонимъ, что настоящая фамилія писателя, который получилъ премію гонкуровской академіи, — Тарасовъ. Онъ еще совсѣмъ молодъ — ему 27 лѣтъ. У насъ в эмиграціи довольно часто возникаетъ разговоръ об отсутствіи «литературной смѣны»: самымъ молодымъ изъ нашихъ «молодыхъ поэтовъ» — больше тридцати лѣтъ, а дальше за ними нѣтъ никого. Приблизительно таковъ же возрастной предѣлъ и для посѣтителей литературныхъ собраній. Принято читать, что дальше — спортъ, танцы, все то, что занимаетъ такъ на-

зываемых «Жоржиков» разных категорий и оттенков, — а может быть и голая, отчаянная борьба за существование... Вот первое, как бы нарочито громогласное и торжественное опровержение этого взгляда: дальше бывает и другое — «денаціоналізація» в полном и не оставляющем никаких сомнений смысле слова!

Как могло случиться, что Тарасов стал Труайя и для русской литературы, очевидно, навсегда потерял? Да, французский лицей, среда, товарищи — все это так, но не в одном этом дело. Причина есть и другая, и не к чему ее отрицать.

То, что главная часть русской эмиграции обосновалась во Франции, — факт по значению своему двойственный. Нам в этом и повезло, и не повезло. Повезло, потому что мы невольно «подтягиваемся» в такой обстановке и дышим чистым воздухом самой настоящей, высокой, древней европейской культуры, а не какими-либо захолустными туманами. Ворчать мы, конечно, все склонны, но — как же этого не видеть, не чувствовать, не понимать? — будет нам, чем подлиться по возвращении в Россию, будет, о чем рассказывать, и даже чему поучить. Каждый день, в каждом слове мы тут впитываем то, что есть результат тысячелетних страстных и мучительных усилий по утверждению человека и общества. Плохой результат? Может быть. Но никто, ведь, и не считает его совершенным, никто не требует поклонения. Важно то, что взваливая тут на себя, вместе со всеми, прошлое, все европейское прошлое, мы становимся больше ответственны и за будущее. Огромное кладбище? — как говорил в знаменитой трактирной беседе с братом Иван Карамазов. Едва ли! Но даже если бы это было и так, — тут ясно, чем была, чем бывает жизнь. «Помедли здесь со мной над этим пенелищем твоих надежд земных»... А ведь Карамазов ошибался — кладбища еще нет.

Нам повезло — мы оказались именно во Франции. И не повезло. В другой стране — за исключением, может быть, Англии — культурной «денаціоналізація» не было бы или во всяком случае ей было бы легче противостоять. Но что же скрывать? — нарицательный Тарасов воспринимает свое превращение в нарицательного Труайя, как некое «повышение в чин», и мы сами это ощущаем приблизительно так же. Тяга молодежи ко всему французскому на этом и основана — вбродно, безотчетно, а может быть и сознательно. В другой стране она гордилась бы, что остается русской, здесь ей льстит, когда ее не отличают от «своих». Явление это при-

нимает формы порой комическія, — необычайные галстуки и воротнички русских студентов на бульваръ Сен - Мишель, ультра - картавые их «р», сверх - парижскія их шутки и словечки и прочее, и прочее, — порой очень серьезныя, как в случаѣ с Труайя, но корень всюду один. Обаяніе Франціи неотразимо.

Казалось бы, в литературѣ у нас положеніе особое. Русская литература — равная среди равных, а во второй половинѣ прошлаго вѣка и первая среди равных, конечно. Да, это безспорно так. Но мы выѣзжаем на трех - четырех «китах», на именах, неизмѣнно повторяемых, а втягивают, затягивают, увлекают не отдѣльные гиганты, а повседневныя встрѣчи, впечатлѣнія, сравненія. Каждый день в мелких стычках Франція берет реванш за то, что у нея не было ни Толстого, ни Достоевскаго.

Нѣсколько слов о романѣ Труайя — «L'Araigne».

В нем есть кое-что от Достоевскаго. Но значительно больше — от Моріака. В сущности, главный упрек, который можно сдѣлать автору, — то, что его книга есть лишь варіація на тему «Le poeud de vipères». У Моріака герои обыкновенно кончают религиозным просвѣтлѣніем, издалека, необычайно искусно подготовляемым; у Труайя его несчастный и несносный Жерар Фонсек, по любому поводу цитирующій Ницше, не успѣвает до этого дойти — и гибнет. Но атмосфера в романѣ та же — та же тяжесть, то же напряженіе, та же рѣзкость тонов, преимущественно черного и огненнаго, будто в испанской живописи.

Жерар Фонсек — молодой человѣкъ «интеллектуальнаго» типа, в обязательных для французскаго «intellectuel», как форма, роговых очках, изводит всю свою семью придирками и требовательностью. Его мать, его три сестры, — существа самыя заурядныя, не плохія и не хорошія, не глупыя и не умныя. Жерар, конечно, сложнѣе, богаче, одареннѣе их, — но он неудачник. Ему жизнь доступна лишь сквозь книги и теоріи. Он ревнует, сам того не сознавая, своих сестер к их женихам или мужьям. Он изумляется и возмущается тѣм, что онѣ равнодушны к пошлости бытія. У него обнажены всѣ нервы, и он хочет втолкнуть и других в тот ад, в котором живет сам.

На чьей сторонѣ симпатій автора, — неизвѣстно. Судя по эпиграфу, — на сторонѣ тѣх, кому его герой «отравляет» существованіе. Но вся зоркость Труайя обращена именно на Жерара,

— и касаясь именно его, он углубляет свою бытовую наблюдательность истинной психологической прозорливостью.

В истекающем году — двѣ большія потери для русской литературы: Куприн и Шестов.

Их только смерть сблизила — притом, как говорится «чисто механически». Общаго между ними нѣтъ ничего. Куприн — литератор, повѣствователь, писатель в традиціонном значеніи слова. Шестов — философ, а в литературѣ, — как будто только «гость случайный». Но эти его случайные визиты оставили в ней глубокой слѣд.

У Буренина был, повидимому, острый нюх. Он однажды замѣтил, что «мутный источник» всей новой русской словесности — Лев Шестов, в частности его «Апофеоз безпочвенности». Хронологически это было, пожалуй, и невѣрно, но по существу соответствовало истинѣ: Шестов обосновывал то, что другіе передавали в стихах, Шестов распатывал то, что другіе осмѣивали или отрицали. Он написал лѣтъ тридцать тому назад замѣчательную по силѣ убѣжденія статью о Федорѣ Сологубѣ, самом декадентском из наших декадентских поэтов: оказалось, что именно Сологуб для него — идеал и образец поэтического творчества.

Шестов ненавидѣл разум, всю жизнь безнадежно боролся с ним, «сам себѣ рыл могилу», как выразился, если не измѣняет мнѣ память, Вячеслав Иванов в перепискѣ с Гершензоном. Блок, напротив, со своей социальной и моральной встревоженностью, был для него слишком прозаичен. Его влекло пѣніе, свободное от всего. Многое, многое из того, что декларировалось и вѣщалось в наших до-революціонных модернистических журналах, — казалось разжиженным переложеніем того, что говорил Шестов.

Конечно, у него было «выстрадано» все, что другим далось даром. Оттого его книги останутся живы, когда будет забыто девять десятых из написаннаго его современниками. Остаются, вѣдь, в памяти людей не столько мысли и слова, сколько то, что за ними, то, чѣм они изнутри согрѣты и освѣщены. О Шестовѣ же дѣйствительно можно сказать, что он «вложил всю душу» в свои писанія, — и вел какой-то безконечный спор с силами, установившими мировой порядок. Каждый в правѣ раздѣлять или не раздѣлять его взгляды, — но фигура это была патетическая, смутно напоминаю-

щая того библейскаго Іова, к которому он возвращался в каждой статьѣ.

В философіи он держался чуть-чуть диллетантом, — по самому характеру своего мышленія чуждаясь «спеціализаціи». Он не любил полочек, клѣточек и разгранченій, а был обращен ко всему сразу. Если литература есть тоже в с е, если она к о в с е м у обращена, — в ней за послѣднія десятилѣтія должно быть отведено одно из самых значительных мѣст Льву Шестову.

За мир, или за войну?

Вопрос нелицый и нечестный. Умышленную, нарочитую нелицность придают ему тѣ, кто хочет уличить своих противников в безумной игрѣ с огнем. В вопросѣ, поставленном в такой формѣ, скрыта провокація. Но за ним есть другой вопрос: за мир любой, при любых условиях, любой цѣной, перед любым врагом — или за войну, когда другого выхода нѣтъ? Иными словами, в обостренном, практическом переложеніи, старый русскій спор: с одной стороны толстовское «непротивленіе», с другой владимирово - соловьевское «перед пастью дракона крест и меч одно».

Кажется, нѣтъ сейчас ни одного большого — и разумѣется, свободнаго — писателя, который не чувствовал бы необходимости открыто рѣшить этот поистинѣ проклятый вопрос. Времена «башен из слоновой кости», повидимому, прошли. Да и гдѣ теперь тѣ «башни», в которых можно было бы обрѣсти долгій и прочный пріют?

Во Франціи нашлось только два настойчивых проповѣдника «непротивленія» — Алэн и Жан Жюно. Их позиція вызывает много толков, особенно в виду того, что оба имѣют репутацію людей «лѣвых».

Жюно — полупоэт, полуромантик, полумистик, полуреволюціонер, новѣйшее изданіе Ромэна Роллана, с болѣе крупным, вѣроятно, литературным дарованіем, но меньшей нравственной силой. Алэн — один из причудливѣйших, тончайших и отвлеченнѣйших современных умов, автор знаменитых «*Propos*», человекъ способный написать о словѣ «да» или «я» десятки страниц, гдѣ не знаешь, чего больше, музыки или алгебры.

Оба — страстные почитатели Толстого. Впрочем, если бы Толстой прочел статью Алэна об «Аннѣ Карениной», он, вѣроятно, лишь по именам догадался бы, что рѣчь идет о его романѣ.

Г. А.

БИБЛЮГРАФІЯ

В. Сирин. Приглашеніе на казнь. — Роман. — Изд. «Дом Книги» — Париж, 1938 г.

Роман Сирина, печатавшійся в «Современных Записках» из номера в номер, чрезвычайно выиграл от изданія отдѣльной книжкой — перед читателем яснѣе встает весь план этого оригинальнаго литературнаго произведенія, к которому, нужно отмѣтить, совсѣм не подходит названіе «роман». «Приглашеніе на казнь» вовсе не роман, а нѣчто совсѣм другое, правда, очень трудно опредѣлимое. Теперь, когда появилась возможность цѣликом перечестъ произведеніе Сирина, стала понятнѣе основная пародійная схема, отчетливѣе выступают затронутыя Сириним темы — раздвоеніе личности, противопоставленіе индивидуума коллективу, призрачность реальной человѣческой жизни, фантастика всего того, что нас окружает и в чем мы уже давно перестали видѣть (по привычкѣ, по лѣности ума) какую бы то ни было фантастику. Даже больше — чуть не впервые от романа Сирина можно провести отчетливыя линіи к русской литературѣ (до сих пор Сирин нам казался писателем исключительно западным) — к «Носу» Гоголя и к «Моим запискам» Леонида Андреева.

И вмѣстѣ с тѣм рѣзче обозначилось двойственное чувство восхищенія и досады, которое постоянно появляется при чтеніи произведеній Сирина за послѣдній період времени: да, талантливо, очень талантливо и вмѣстѣ с тѣм до чего все это необязательно и поверхностно. Талантливо отдѣльныя страницы, отдѣльные эпизоды, отдѣльные образы — чего стоит одна страничка об игрѣ в «нѣтки», какая изумительная и глубокая тема намѣчена в ней — и вмѣстѣ с тѣм всѣ эти отдѣльныя вспышки не связаны друг с другом, а порою и противорѣчивы одна другой, и тогда, по выраженію самого Сирина, получается, что «нѣтъ на да — дает нѣтъ».

С необычайной легкостью затронуты глубочайшія темы и с такою легкостью разрѣшены, что поневолѣ не вѣришь этим призрачным разрѣшеніям: логически как будто и вѣрно, но тогда зачѣм ломали себѣ головы над этими самыми вопросами в теченіе тысячи лѣтъ тысячи мудрецов? Если так абсолютно и безнадежно бездарен человѣческій коллектив, то какова же цѣна отдѣльных личностей, этот самый коллектив составляющих? Если раздвоеніе личности укладывается в формулу — «я» первый, это «я» осторожный, внимательный, «я», у котора-

го прекрасно дѣйствуютъ всѣ задерживающіе центры, а «я» второй — это «я» импульсивный, смѣлый, слѣдующій первому своему движению, — то стоит ли о таком «раздвоеніи» и разговаривать?

Послѣдніе годы Сирин стал на очень опасный путь — виѣшней акробатики и внутренней схематизаціи и упрощенія. Мнѣ думается, что Сирин настолько талантлив, настолько органически превосходный писатель и, главное, настолько еще молод, что «Приглашеніе на казнь» не намѣчает еще окончательной формы, в которую будут отливаться всѣ его произведенія, а является одним из характернѣйших примѣров для опредѣленія нѣкоего отрѣзка его творческаго пути.

Сергѣй Осокин

Eugène Pépin. — Le Panaméricanisme. Préface d'André Siegfried.
— Librairie Armand Colin, Paris, 1938.

Появленіе книги Э. Пэпэна, случайно или не случайно, совпало с очередной пан - американской конференціей, каковое обстоятельство придает ей особую актуальность. Э. Пэпэн хорошо знает Америку, которую многократно посѣщал, выполняя различные миссіи французскаго министерства иностранных дѣл. Он, между прочим, присутствовал на нѣскольких пан - американских конференціях по порученію того-же министерства. Лестная характеристика, которую такой авторитетный писатель, как Андрэ Зигфрид, дает автору, может только увеличить интерес к книгѣ.

Еще в ту эпоху, когда нѣкоторые из нынѣшних республик были испанскими колоніями, были там такіе полигическіе дѣятели и мыслители, которые мечтали о созданіи единой Америки, способной обезпечить континент против посягательств со стороны Европы. Много с тѣх пор прожито и пережито. Америка стала огромной міровой силой, на которую с завистью смотрит «старушка Европа». Тѣм не менѣе главныя предпосылки пан - американскаго движенія остались, в сущности, неизмѣнными. Приводимыя в книгѣ рѣчи, произнесенныя больше вѣка назад Боливаром, Сан - Мартином и другими борцами за освобожденіе Америки, звучат подчас так, как будто онѣ произнесены были на послѣдней пан - американской конференціи. Соотношеніе сил между Америкой и Европой измѣнилось. Опасность виѣшних нападеній стала весьма проблематичной, но недоувѣріе к старому міру сохраняет свое значеніе. Появилась новая опасность, опасность «внутренней колонизаціи». Рѣчь идет о попытках тоталитарных держав монополизировать рынки нѣкоторых южно - американских республик и взорвать там демократическія учрежденія с цѣлью подготовить почву для установленія своей гегемоніи. Недаром делегация Соед. Штатов предложила на конференціи в Лимѣ приравнить опасность внутренних потрясеній в тѣх или иных частях Америки к военной угрозѣ.

Если все та-же забота об обезпеченіи безопасности и независимости американскаго континента против посягательств со стороны европейских держав питала и питает сознаніе единства и общности интересов новаго міра, то отсутствіе такого взаимнаго довѣрія между

разными частями Америки — мѣшало и отчасти продолжает мѣшать развитію пан - американизма. Прослѣживая исторію взаимоотношеній между отдѣльными частями американскаго континента, Э. Пэлэн ясно устанавливает тот факт, что политика С. Ш., устремленная к гегемоніи, в течение вѣка препятствовала упроченію сознанія континентальнаго единства. Автор дает краткій обзор всѣх почти американских конференцій, начиная с конференціи испанской Америки, созванной Боливаром в 1826 г. Недовѣріе к С. Ш. в течение продолжительнаго времени обусловлено было тѣм, что они продолжали захватывать все новыя и новыя территории. Позднѣе, когда С. Ш. прекратили колонизацію новых районов, они слѣдовали политикѣ интервенціи, что в меньшей, пожалуй, мѣрѣ мѣшало усиленію чувства всеамериканской солидарности.

Автор совершенно правильно относит начало новаго пан - американизма к тому моменту — это было при президентѣ Хуверѣ,—когда С. Америка порвала с политикой интервенціи. Конференція в Буэнос - Айресѣ в 1936 г., открыла новую эру в пан - американском движеніи. Эта конференція одобрила декларацію о континентальной солидарности и приняла принципиальное рѣшеніе об устройствѣ консулѣтаций во всѣх случаях, когда мир окажется под угрозой в той или иной части Америки. По пути усиленія «континентальной солидарности», таким образом, сдѣлан был весьма важный шаг вперед. Автора можно, пожалуй, упрекнуть в чрезмѣрном оптимизмѣ, когда он говорит, что сейчас нѣтъ уже никаких препятствій к дальнѣйшему развитію пан - американскаго движенія. Опыт лимской конференціи показывает, что на этом пути появились нѣкоторыя новыя трудности. Если отталкиваніе от тоталитарных держав является фактором, содѣйствующим цементированію американскаго единства, то активная пропаганда этих же держав в нѣкоторых южных республиках способствует возрожденію взаимных подозрѣній и недоувѣрія к С. Штатам, что нѣсколько замедляет процесс развитія пан - американизма.

М. Бенедиктов

Кавказ. — Орган независимой національной мысли. — Париж. — Ноябрь 1938 № 11/50.

Le Caucase. — Organe de la pensée nationale indépendante. — Revue mensuelle — 2-ème année. — Novembre 1938. № 11/18.

Русскій «Кавказ» много старше своего французскаго собрата. Оба журнала — не идентичны, но дублируют друг друга: редактируются одним и тѣм же лицом и пронизаны одинаковой политической тенденціей. Эта тенденція — или оріентація — в отталкиваніи от совѣтской Россіи, в котором вражда к Россіи сплошь да рядом сильнѣе вражды к большевизму, и в утвержденіи права на самоопредѣленіе народов «единого Кавказа», которое связывается со ставкой на мощь антидемократических стран и тоталитарных вождей: в первую очередь — на покойнаго Ататюрка, а затѣм — на Гитлера, Муссолини и японцев. «В планѣ идеологическом Ататюрк был предтечей Гитлера и Муссолини», — утверждает «Кавказ».

Как «орган национальной мысли», «Кавказ» во всѣх отношеніях не-

оригинален и несамостоятелен. Он повторяет чужие — и старые — зады, не отдавая себѣ отчета даже в том, что приводимый им материал ранит не только противников «Кавказа», но и его сторонников и защитников. Когда «Кавказ» с удовлетвореніем перепечатывает из французской бульварной прессы нелѣпость о том, что «180 миллионъ двуногих дикарей, управляемых скотами, не представляют никакого интереса для цивилизованнаго міра». — от них требуется лишь, чтобы они «оставались в своих степях, как дикіе звѣри в своих лѣсах», — «Кавказ» не догадывается, что эта оскорбительная характеристика относится к народам всей Россіи и всего Кавказа, в том числѣ и горцам Сѣвернаго Кавказа, уроженцом и патриотом коего является Гайдар Баммат.

Ближайшим заданіем «Кавказа» является доказательство, что ожидаемый им конфликт на границах Россіи явится сигналом и исходным пунктом для борьбы малых и угнетаемых народов Россіи не с большевистским только режимом, но и с русским народом — «угнетателем». Отсюда, как вывод, — союзникам СССР не рекомендуется рассчитывать на силы и помощь русскаго народа, а — «наоборот»; враги же Россіи могут рассчитывать на составляющее Россію не-русское большинство населенія. «Кавказ» совершенно откровенен в своих политических симпатіях и расчетах. «Германія первая заговорила о справедливости; без крови и войны присоединила Австрію; отобрала 3½ миллиона нѣмцев у Чехословакин. С ея же помощью Польша и Венгрія получили свои части... И недалеко то время, когда и большевистская Россія должна быть расчленена по національным границам.. Час возмездія наступает, и мы, кавказцы, должны быть готовы». — Послѣ этого приобретает особую выразительность публикуемое в каждом номерѣ — по-русски и по-французски — приглашеніе от «Управленія дѣлами кавказских бѣженцев в Берлинѣ» обращаться к нему по всѣм интересующим кавказцев дѣлам.

Как ни понижены литературныя и иныя требованія, которыя принято предѣлять к органам російских сепаратистов, — все же «Кавказ» приходится признать одним из наиболее тусклых. Может быть, с спеціальной цѣлью нѣсколько «оживить» журнал включен в него полемическій отдѣл, направленный против кавказских сепаратистов лѣваго толка. Эта внутренняя «борьба» производит совсѣм жалкое впечатлѣніе. Откровенно — фашистская травля грузинских сепаратистов-меньшевиков, как «преступников» и предателей, близко напоминает большевистскую фразеологию и наглядно свидѣтельствует, как трудно на одном отрицательном признакѣ — вражды — создать національное единство и сплоченность.

Соперничающіе друг с другом в отталкиваніи от «всякой» Россіи, патриоты «единого и недѣлимаго» Кавказа оказались раздѣленными на «ся» — в разных соціально-политических лагерях. А тот факт, что для взаимнаго друг с другом изясненія им понадобился журнал на **русском** языкѣ, ярко и убѣдительно вскрывает то **положительное**, что дала Россія народам Кавказа и чѣм они сами обязаны русской культурѣ.

М. Вишняк

Е. Варга. — Капитализм и социализм за 20 лѣт. — Академія Наук. Институт мірового хозяйства и міровой политики. Парт. издат. ЦК ВКП. Москва, 1938 г.

Об основной идеѣ книги академика Варга, сейчас самого авторитетнаго совѣтскаго экономиста, можно догадаться, ее не раскрывая. Капитализм во всем мірѣ гніет, социализм по всему СССР цвѣтет, и все благодное в СССР имѣет мѣсто, благодаря Сталину и диктатурѣ пролетаріата. Если согласиться с г. Варга, что капитализм гніет и умирает и что спасеніе только в социализмѣ именно **того типа**, который проведен в сов. Россіи, нельзя все - же отдѣлаться от вопроса: почему же мір все болѣе и болѣе отодвигается от этого спасительнаго рѣшенія? Почему издержки на внѣдреніе по свѣту коммунистической истины не окупаются, и дѣло приносит лишь убытки? Почему одна за другой исчезают в Европѣ опорныя базы коммунизма? Единственным прибѣжищем остается Франція — послѣдняя карта игроков Кремля. Почему для спасенія человѣчества от зла капитализма не остается ничего иного, как страстно желать чудища - войны и крушенія цивилизаціи, в надеждѣ, что, быть может, коммунистическим отрядам в это время удастся силою захватить власть?

Этого вопроса міровой политики коммунизма Варга не касается. Его сопоставленіе капитализма и совѣтскаго социализма, поэтому, безперспективно. Книга замыкается кругом экономических вопросов. Ипогда он ставит интересныя экономическія проблемы. но, когда им нужно дѣть освященіе, у Варги все прихлопывается, как гробовой доской, примитивнѣйшими понятіями и схемами, взятыми из самой обветшалои части концепціи ортодоксальнаго марксизма. Примѣр: повышеніе производительности труда в капиталистическом обществѣ ничего не дает рабочим. «Результаты технического процесса **идут на пользу исключительно капиталистам**». Автобусы, газ, электричество, жел. дороги, радіо, метро, искусственный шелк, дешевыя жилища, тысячи других вещей, находящихся нынѣ в распоряженіи трудящихся, — оказываются ничѣм. Это иллюзія. Все идет только на пользу капиталистам. Пролетаріат, по словам Варги, постоянно нищает... «Даже в том случаѣ, когда реальная заработная плата **повышается**», происходит «относительное **обнищаніе** пролетаріата». Нѣсколькими страницами раньше наш академик говорит, что капиталисты — «финансовая олигархія, несмотря на безумную роскошь, которой она себя окружает, фактически расходует на свое **личное потребленіе небольшую часть** получаемых ею огромных прибылей». За подобныя слова, — потому что они соотвѣтствуют дѣйствительности — Политбюро должно было-бы отстранить Варгу от академіи. В самом дѣлѣ, посмотрите, что получается. Благодаря техническому прогрессу и росту производительности труда, растет прибавочный продукт. Но пролетаріат нищает и получает «все меньшую долю производимой им новой стоимости». Крестьянство, как доказывает г. Варга, тоже нищает и впадает в «долговое рабство». Вмѣстѣ с тѣм, из огромнаго прибавочнаго продукта, «огромных прибылей» капиталисты «пожирают» — лишь «небольшую часть». Куда же тогда дѣвается остальная и большая часть при-

бавочной стоимости? А ведь кроме прибавочной стоимости внутри страны есть еще дополнительная стоимость, создаваемая «грабежом колоний». Если от этого «грабежа» не имѣет прибыли ни пролетаріат, ни крестьянство, и если капиталисты и в этом случаѣ из «награбленного» расходуют на свое личное потребление лишь небольшую часть, кому же тогда приносит пользу этот империализм и погоня за рынками? А, очевидно, они кому-то и какую-то пользу приносят, раз ни Бельгія, ни Голландія, ни Англія (ни их социалисты), ни другія страны, имѣющія колоніи, не обнаруживают ни малѣйшаго желанія от них отказываться.

Болѣе чѣм смутное представленіе о распредѣленіи прибавочнаго продукта в современном обществѣ. смѣшеніе понятія **распоряженія** прибавочной стоимостью с ея **потребленіем**, игнорированіе того, что огромная часть прибавочной стоимости отлагается в видѣ средств производства и накопленія національнаго имущества (под частно - правовым колпаком) — есть Ахилесова пята не только Варги, но всего традиціоннаго социализма. Главенствующую, центральную проблему экономики он всегда ставил и освѣщал ложно. Ортодоксальный марксизм не мог, не хотѣл, не дѣлал попыток внести ясность в эту область. А от пониманія ея **всецѣло** зависит характер всей внѣшней и внутренней политики. Если низкій уровень благосостоянія трудящихся имѣет своей причиной только поѣданіе капиталистами созданнаго трудящимися прибавочнаго продукта, тогда, в согласіи с традиціонной теоріей, нужно, доводя до бѣлаго каленія классовую борьбу, вырвать прибавочный продукт из рук капиталистов и сдѣлать это в международном масштабѣ. Если же капиталисты поѣдают лишь части прибыли, и низкій уровень жизни трудящихся опредѣляется, главным образом, **низким уровнем національнаго дохода**, тогда центр тяжести переносится в область организациі увеличенія производительности общественнаго труда для увеличенія общей массы народнаго дохода, что может быть сдѣлано не одним каким-либо классом, а совокупностью **всѣх организованных групп и профессій**, составляющих современное общество и подчиняющихся (и **подчиненных**) общему интересу, т. е. національному, возвышающемуся над классом. Такая цѣль может быть достигнута лишь новыми методами — ибо капиталистическое веденіе хозяйства окончательно исчерпало себя, — и, конечно, при устраненіи сумасшедшей классовой борьбы, которая, при сложившихся в передовых странах соотношеніях сил, безысходна и **ни к чему**, кроме гражданской войны, хозяйственнаго и національнаго разгрома, привести не может. Проблема увеличенія національнаго дохода, кроме того, упирается в проблему новой организациі міровой экономики, предпосылкой чего может быть мир и соглашеніе націй. Хотя книга г. Варги говорит о капитализмѣ и социализмѣ, т. е. о только указанных проблемах, она в освѣщеніи жгучих вопросов нашего времени ничѣм нам не может помочь. Солидность и оригинальность излучаемых Варгой понятій можно провѣрить на таком примѣрѣ. Он цитирует слова Сталина, что «деньги останутся у нас еще долго, вплоть до завершенія первой стадіи коммунизма». Поясняя эту «глубокую» мысль,

Варга пишет: «между ролью денег в капиталистических странах и их ролью в Советском Союзе существует **глубокое принципиальное отличие**. Какое?.. «Продажа предметов потребления на **деньги** позволяет трудящимся (СССР) обращать свой доход в средства потребления в соответствии с **их личными желаниями**». Вы видите, каким огромным преимуществом обладают трудящиеся советской страны в сравнении с капиталистическими странами! Это еще не все. «Советская **деньги** служат средством обращения, измерителем цен, платежным средством, средством накопления. Советская валюта — самая прочная валюта в **мире**». Таково отличие советских денег от капиталистических. В странах капиталистических, как следует из размышлений нашего ученого академика, **деньги** не являются средством обращения. Ни измерителем цен! Ни платежным средством! Ни средством накопления! В таком случае, что же они собою представляют? После долгого раздумья, подкрепившись цитатой из Маркса, Варга отвечает: «средством ограбления трудящихся».

О, академия, о советская академия наук!!

Е. Юрьевский

История всесоюзной коммунистической партии. — Под ред. Комиссии ЦК ВКП. Одобрено ЦК ВКП. — Москва, 1938 г. — Госиздат, 350 стр. Цена 3 руб.

Анонимная история коммунистической партии печаталась в виде отдельных статей в газете «Правда» и теперь опубликована или, вернее сказать, распубликована книгой, отпечатанной в шести миллионах экземпляров. Составлена она коллективом анонимных авторов под общей редакцией комиссии ЦК ВКП и одобрена самим ВКП; предварительно же она была «проработана» в различных партийных собраниях.

Книга дает категорические и безапелляционные ответы решительно на все вопросы политики, экономики, социологии и даже философии, которой уделено не мало страниц. После каждой главы помещены «краткие выводы», которые остается только заучить, как заговор против всяких троцкистских и иных искушений.

Весь характер книги и все те восторженные комментарии, которые она вызвала в советской печати, показывают, что мы имеем дело не с новой историей партии, подобной уже существующим, а с своего рода обязательным правительственным постановлением, устанавливающим для всех одинаковый и не подлежащий никаким кривотолкам образ мыслей.

Эта новая история представляет собою распространение на историю задним числом той свирепой чистки, которая на наших глазах производилась в рядах коммунистической партии. Теперь надо вычистить этих лиц, из которых большинство разстреляно, и со страниц истории. От них отбираются сыгранные ими исторические роли, и роли эти жалуются Сталину и его сторонникам. С фактами при этом совершенно не церемонятся. Книга грешит самыми грубыми и притом бросающимися в глаза искажениями. Достаточно сопоставить эту историю партии с той, которую поместил в одиннадцатом томе Большой советской энциклопедии

дін А. Бубнов, хотя и статья Бубнова написана была уже послѣ расправы с Троцким и разжалованія оппозиціи и была стилизована под сталинскую установку. Но тогда все же стѣснялись отмѣнять в партійном порядкѣ историческіе факты.

Пренебрежительное отношеніе к фактам исторіи проявляется, конечно, не только в отношеніи к опальным коммунистам. Так, не смущаясь, «Исторія» сообщает, что в дореволюціонной Россіи «большая часть рабочих получала 7 - 8 руб. в мѣсяц», хотя даже в совѣтских статистических справочниках сообщается, что средняя заработная плата в мѣсяц в довоенное время равнялась 24 руб. Покупательная же способность этих 24 рублей была выше нынѣшней совѣтской средней заработной платы. — Если говорится о сборникѣ «Вѣхи», то сообщается, что «виднѣйшіе кадеты» в этом сборникѣ «прямо писали, что надо благословлять ту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной».

Слова эти были сказаны, как извѣстно, не «виднѣйшими кадетами». А М. Гершензоном, и при том не в том смыслѣ, как сообщает «Исторія». В центральном же органѣ к.-д.-ской партіи, в «Рѣчи», сборник «Вѣхи» был подвергнут довольно суровой критикѣ. — Когда заходит рѣчь о меньшевиках, то с такою же правдивостью сообщается, что меньшевики — «готовы были примириться со столыпинским режимом, приспособиться к нему; поэтому ликвидаторов (меньшевиков) называли еще столыпинскою рабочею партіей».

Переходя от фактов к идеологіи, мы должны сказать, что в этой области исторія труднѣ поддается фальсификаціи, и авторам не удалось связать концы с началами. Боимся поэтому, что и эту книгу придется уничтожить, как уничтожили Большую совѣтскую энциклопедію. В первой части, напр., подробно излагается, конечно, геніальная, теорія Ленина - Сталина о роли профессиональных революціонеров. По этой теоріи только группа тѣсно сплоченных, прошедших партійную школу профессиональных революціонеров является надежною опорою социализма, его мощным двигателем, только она вносит социализм в рабочую массу, которая сама по себѣ тяготящаяся к социализму не обнаруживает, и только профессиональные революціонеры способны руководить партіей и спасать ее в трудныя времена. Но читатель, покорно усвоившій эту теорію профессиональных революціонеров, с изумленіем будет читать во второй половинѣ книги о том, что на московских процессах один за другим были обвинены в предательствѣ, вредительствѣ, измѣнѣ эти самые профессиональные революціонеры, самые при том видные, десятки лѣтъ работавшіе в рядах большевистской партіи плечо о плечо с Лениным. Значит, — или теорія профессиональных революціонеров не вѣрна или московскій приговор несправедлив. Такія опасныя мысли невольнo придут в голову самым покорным совѣтским читателям. То же самое и относительно, напр., аграрной теоріи Ленина. В первой части и она излагается как геніальная и неопровержимая. А когда дѣло дошло до революціи, Ленин эту теорію выбросил и экспроприровал теорію эс-эров, с которой воевал долгіе годы. То же самое надо сказать и о цѣлом рядѣ других теорій. В первой части онѣ

прославляются как гениальные и неопровержимые, а во второй онѣ, теоретически хотя и не опровергаются, но практически оказываются выброшенными.

Новая исторія коммунистической партіи, опубликованная с приложением казенной печати и эту печать носящая на каждой своей страницѣ, объективной научной цѣнности не представляет. В ней много новых исторических фактов о роли Сталина и роли Троцкого - Бухарина в исторіи социалистическаго развитія Россіи, но, к сожалѣнію, «факты» эти выдуманы. Однако, новая исторія очень цѣнна как историческій документ. Она — любопытный образец новѣйшей сталинской исторіософіи.

П. Берлин

Georges Weill. — L'Europe du XIXe siècle et l'idée de nationalité. — Paris, Albin Michel, 1938, XVI + 470 p.

Автор этого труда, входящаго в пользующуюся заслуженной извѣстностью серію работ об «эволюціи человѣчества», поставил себѣ нелегкую задачу — дать в одном томѣ, приблизительно на 450 страницах, полную картину роли, сыгранной идеей національнаго самосознанія в Европѣ в течение всего прошлаго вѣка.

Он начинает с возникновенія этого самосознанія под вліяніем двух разнородных факторов: французской революціи, под вліяніем которой идея свободы личности была расширена до понятія свободы національнаго коллектива; и германскаго романтизма, заговорившаго о «народном духѣ» (Volkstum), как двигателѣ исторіи народов. Затѣм он набрасывает картину національнаго пробужденія славянских народов Австріи, Венгрии, Балканскаго полуострова, національных движеній, приведших к объединенію Германіи и Италіи, польских возстаній против Россіи в 1830 и 1863 г.г., ирландскаго вопроса, фламандскаго вопроса в Бельгіи, возникновенія антисемитскаго движенія и разных других національных движеній XIX-го вѣка. Конечно, втиснуть огромную часть событій, заполнивших прошлое столѣтіе, в рамки одного тома автор мог, только ограничиваясь наиболѣе крупными фактами. Этот конспективный обзор значенія національнаго фактора в исторіи Европы прошлаго вѣка сдѣлан автором тщательно и точно. Мы могли обнаружить относительно Россіи лишь одну неточность: автор смѣшивает виленскаго генерал - губернатора Муравьева, извѣстнаго своим безпощадным подавленіем польскаго возстанія 1863 года, с генерал - губернатором Восточной Сибири, получившим за присоединеніе Амурской области имя Муравьева - Амурскаго.

Приведем из книги нѣкоторыя опредѣленія сущности національнаго сознанія, данныя еще в прошлом столѣтіи, но и сейчас еще являющіяся наиболѣе удовлетворительными с научной точки зрѣнія. Прежде всего, извѣстное опредѣленіе понятія національности в лекціи итальянскаго патріота Манчини в 1851 г. в туринском университетѣ. Национальность есть продукт различных факторов: географических условій, расоваго происхожденія, общности языка, обычаев, религій, законов, исторіи. Но всего этого еще недостаточно; нужно еще

«моральное единство, создаваемое общностью мысли» о принадлежности к одному цѣлому, аналогичное философскому принципу: «душаю, слѣдовательно, — существую». — Близок к нему знаменитый отвѣтъ Ренана на вопрос о существѣ національнаго единства. Оно создается не династіей, в чем можно убѣдиться на примѣрѣ Соед. Штатов, Швейцаріи или Франціи; не расовым признаком, утратившим свое значеніе со времен римской имперіи и христіанства. Общности языка тоже недостаточно, — оно не предотвратило разрыва между Англіей и Соед. Штатами или между Испаніей и ея колоніями. Религіозный момент, нѣкогда опредѣлявшій характер группы людей, в наше время стал частным дѣлом. Недостаточно также и экономических интересов и географических границ. Нація, говорит Ренан, есть «душа, духовный принцип», образуемый двумя факторами, из которых один заключается в прошлом, другой в настоящем. «Первый — богатое наследіе воспоминаній, полученных от прошлаго. Второй — взаимное согласіе, желаніе жить вмѣстѣ, сохранить цѣнность полученнаго наследія... Общая слава в прошлом, общая воля в настоящем: крупныя дѣла, совмѣстно выполненныя в прошедшем, стремленіе продолжать совершать их и в настоящем. — вот существенныя условія для того, чтобы быть народом». — Близки к этим опредѣленіям и формулы знаменитых германских ученых: историка Ранке и юриста Блончли. Первый говорит: «національности—явленія не совсѣм естественныя, онѣ в меньшей мѣрѣ продукты почвы и расы, чѣм крупных исторических событій». Второй пишет, что вѣра, язык, почва, государственныя границы до извѣстной степени оказывают вліяніе на образованіе національности, но что «національное единство, прежде всего, — общности чувства и духа», національная идея есть, прежде всего, «историкско-культурное понятіе».

И. О. Левин

Непринятая рукопись Редакція не возвращает.

Société Parisienne d'Impressions
4 et 5, rue Saulnier, Paris (9e).

Le Gérant : O. ZELUK.

КНИГИ, ПОСТУПИВШИЯ ВЪ РЕДАКЦИЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

- В. **Сирин**. Приглашение на казнь. Роман. — Изд. «Дома Книги». — Париж, 1938.
- А. И. **Фенин**. Воспоминания инженера. Из истории обществ. и хозяйств. развития России (1883 - 1906 г.). — Изд. «Русск. Института». — Прага, 1938.
- К. В. **Озолс**. Мемуары посланника. — Изд. «Дома Книги». — Париж, 1938.
- С. П. **Мельгунов**. Русская контр - революция. (Методы и выводы ген. Головина). Доклад в Акад. союзѣ 17-УІ-38 г. — Париж.
- А. Н. и И. И. **Серебренниковы**. — Цветы китайской поэзии. — Тяньцзинь, 1938.
- Социалистич. Вѣстник**. — № 23-24. Центр. орган Р. С. - Д. Р. П.
- Календари** на 1939 год: стѣнный, настольный, карманный. — Изд. «Добр», Варшава.
- М. **Kurtchinsky**, prof. à l'Université de Tartu. Le revenu du capital. L'origine de l'intérêt et du profit (Extrait). — Libr. Sirey. Paris, 1938.
- Léon **Baratz**. La question juive en U.R.S.S. (réponse à M. Georges Fridmann). — Paris, 1938.
- Le Courrier graphique**. — Revue mensuelle. — №№ 5, 12 и 19.

ИЗД-ВО «РУССКІЯ ЗАПИСКИ»

В ближайшем времени выйдет в свѣтъ новая книга

М. А. АЛДАНОВ

НАЧАЛО КОНЦА

Адр. из-ва:

«Annales Russes», 51, rue de Turbigo, Paris (3).

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1939-й год

на ежемѣсячный журнал

„РУССКІЯ ЗАПИСКИ“

выходящій в Парижѣ под редакціей П. Н. Милюкова.

«Русскія Записки» выходят регулярно в первых числах каждого мѣсяца. Преслѣдуя цѣль — держать русскаго читателя в курсѣ событий во всѣх областях жизни и знанія — «Русскія Записки» дают из книги в книгу фактической перечень важнѣйших событий, происшедших в течение истекшаго мѣсяца, равно как и о б з о р ы — международной политики, «Из міра литературы», «Из міра науки».

Подписка принимается в почтовых отдѣленіях, в конторѣ журнала, в отдѣленіях газ. «Посл. Нов.» во Франціи и за-границей и в русск. книжных магазинах. В нижеперечисленных странах подписка принимается и в почтов. отдѣленіях: Австрія, Бельгія, Венгрія, Германія, Данія, Дания, Италія и ея колоніи, Латвія, Литва, Люксембург, Нидерланды, Норвегія, Португалія и ея колоніи, Финляндія, Франція и Марокко, Румынія, Чехословакія, Швеція, Швейцарія, Эстонія.

Подписка в почт. отдѣленіях обходится много дешевле, так как почта принимает на себя значительную часть расходов по пересылкѣ журнала.

Подписная цѣна:	во Франціи	В странах с пониж. почт. тарифом *)	В странах с полным почт. тарифом
На 3 мѣсяца	35 фр.	амер. \$ 1.50	амер. \$ 1.80
На 6 мѣсяцев	65 фр.	амер. \$ 2.75	амер. \$ 3.25
На 12 мѣсяцев	125 фр.	амер. \$ 5.00	амер. \$ 6.00

*) Страны с понижен. почт. тар.: Австрія, Аргентина, Бельгія, Бразилія, Болгарія, Венгрія, Германія, Голландія, Греція, Египет, Испанія, Канада, Конго (бельг.), Куба, Латвія, Литва, Мексика, Парагвай, Персія, Португалія и ея колоніи, Румынія, Турція, Уругвай, Финляндія, Франція и Марокко, Чехословакія, Швеція, Швейцарія, Эстонія и Югославія.

Цѣна отдѣльн. № во Франціи 18 фр., за-границей — 80 центов (и 70 цент. в странах с пониж. почт. тарифом). Для подписчиков «Посл. Нов.» — 12 фр. во Франціи (с пересыл. — 13 фр. 50 с.), 60 цент. за-гран. (и 50 цент. в странах пониженнаго почтового тарифа).

Деньги, корреспонд. и объявленія просят направлять по адресу:
«ANNALES RUSSES», 51, rue de Turbigo, Paris (3). France.

Адрес Редакции и Конторы:
« ANNALES RUSSES », 51, rue de Turbigo, PARIS (3^e).